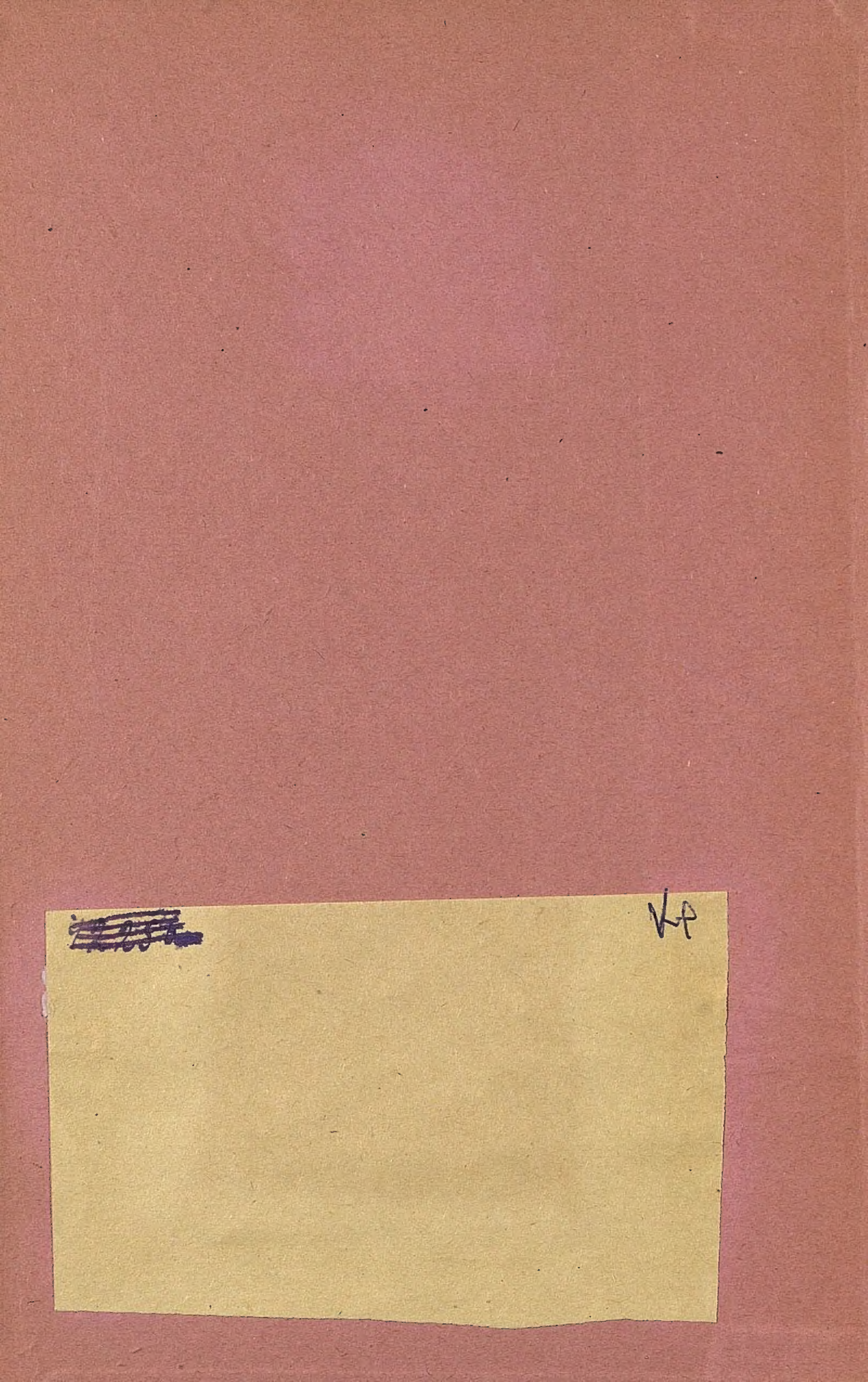
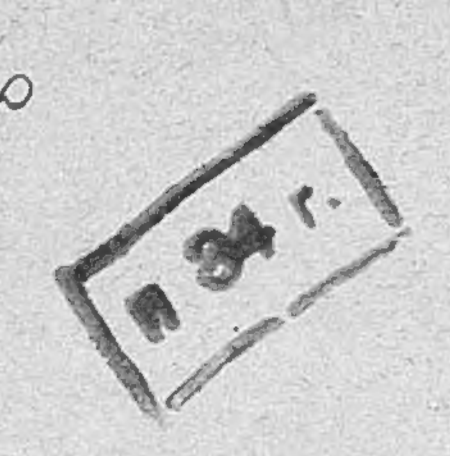

смутного времени на Рус
947.
К-683

Kp

СОБЫТІЯ
СМУТНАГО ВРЕМЕНИ НА РУСИ.

ВОЦАРЕНІЕ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

Историческій очеркъ.

Составилъ
Н. Ѳ. Корольковъ.

Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній.

Съ 31 рисункомъ и картою въ текстѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1912.

Типографія И. В. Леонтьева, Басковъ переулокъ, д. 4.

I.

Вступленіе.

Трудно жилось русскимъ людямъ въ такъ называемое въ исторіи «*Смутное время*». Бѣда слѣдовала за бѣдой, одна другой злѣе, переживаемыя бѣды казались лучшимъ русскимъ людямъ тяжелыми испытаніями, наказаніемъ Божіимъ, посланнымъ за грѣхи. Нагрянувшіе иноземцы грабили безнаказанно имущество, издѣвались надъ православіемъ; сама Москва—хранительница святыни была сожжена. Разрывалась на части, опустошалась Русская земля. Казалось близокъ былъ конецъ Московскому государству, оставшемуся безъ государя.

О состояніи Москвы «въ Смутное время» современникъ пишетъ: «Въ Кремлѣ на царскомъ дворѣ въ святыхъ Божіихъ церквахъ и въ палатахъ и по погребамъ— все стояху литва и нѣмцы и все свое скаредіе творяху. ...Всѣ палаты и хоромы были безъ кровель, безъ половъ и лавокъ, безъ окончинъ и дверей; все деревянное поляки пожигали для отопленія своихъ жилищъ».

«Изліяся фіалъ горести царствующему граду Москвѣ, всеобщее разореніе. Падоша тогда высокосозданные домы, красотами блиставшіе, всѣ огнемъ поядошася и всѣ премудроверхія церкви скверными руками до конца разоришася»...

Когда бѣдствія дошли до крайняго предѣла, Промыслъ Божій, управляющій странами и народами, умудрилъ и вызвалъ къ дѣйствію лучшую часть русскаго народа, въ сердцѣ котораго была жива вѣра Христова; эта вѣра соединяла Псковича, Новгородца, русскаго Казанца, Сибиряка, всѣ чувствовали одинаково, что они православные, всѣ люди одной русской вѣры, принадлежатъ одной церкви. Русскій народъ не былъ искусенъ въ религіоз-

ной учености; само духовенство, при тогдашней малообразованности, было бо̀льшею частію не сильно въ богословіи. И однако въ этомъ народѣ было безпредѣльное уваженіе къ внѣшнимъ признакамъ православнаго благочестія: храмамъ, св. мощамъ, иконамъ; церковные обряды и уставы были для него предметами духовнаго утѣшенія, высочайшею надеждою и опорою въ жизни; для всѣхъ дѣйствительное присутствіе воли Провидѣнія было фактомъ, твердо установившимся въ сознаніи.

II.

Обстоятельства, предшествовавшія Смутному времени.

Счастливыя войны Московскаго государства съ внѣшними врагами въ срединѣ XVI вѣка передали въ его обладаніе громадныя пространства плодородныхъ земель. Эти земли нужно было укрѣпить и заселить. Правительство, въ заботахъ объ укрѣпленіи и заселеніи границъ, не препятствовало, а содѣйствовало переходу населенія изъ центра на окраины.

Этотъ переходъ трудовой массы, совершавшійся медленно въ срединѣ XVI вѣка, къ концу царствованія Ивана Грознаго, принялъ видъ общаго бѣгства.

Недороды и эпидеміи, наконецъ татарскіе набѣги 1571 года и другихъ лѣтъ еще болѣе усиливаютъ это бѣгство. Большая часть земель кругомъ Москвы, принадлежавшихъ служилымъ людямъ, запустѣваетъ. Между частными хозяйствами происходитъ ожесточенная борьба за рабочія руки. Общій успѣхъ въ этой борьбѣ достается на долю крупнаго землевладѣнія. Его представители располагаютъ податною льготою и свободнымъ капиталомъ для привлеченія къ себѣ крестьянъ *) и пользуются своимъ высокимъ общественнымъ положеніемъ для безна-

---

*) Крестьяне, представлявшіе собою сословіе вольныхъ землепашцевъ, большею частью, не имѣя собственной, жили на чужой землѣ; за пользованіе этой землей обязаны были часть времени работать на помѣщика и кромѣ того нести извѣстныя повинности въ пользу государства и землевладѣльца. Осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, крестьяне, пользуясь правомъ свободнаго перехода, могли переходить къ другому землевладѣльцу, исполнивъ всѣ обязательства къ прежнему землевладѣльцу.

казаннаго насильственнаго свода крестьянъ съ мелкихъ владѣній въ крупныя вотчины. Въ борьбѣ за крестьянъ выростаетъ вражда между мелкими землевладѣльцами—служилыми людьми и крупными вотчинниками—боярами и монастырями.

Потеря земель ожесточала и податное населеніе. Сбитое съ городскихъ рынковъ и усадебъ военнымъ классомъ, вышедшее изъ селъ и деревень, отданныхъ государевымъ помѣщикамъ, податное сословіе чувствовало себя гонимымъ и угнетеннымъ. Это недовольство направлялось на всѣхъ землевладѣльцевъ одинаково, даже на государственный порядокъ вообще. Казачество на Дону служило выраженіемъ недовольства этимъ порядкомъ: оно ставило себя въ сторонѣ отъ него, бывало почти всегда ему враждебно.

Такъ обстоятельства раздѣляли московское общество на враждебные одинъ другому слои. Предметомъ вражды служила земля, какъ главный капиталъ страны. Причина вражды лежала въ томъ, что земледѣльческій классъ не только устранялся отъ обладанія этимъ имуществомъ, но и порабощался тѣми землевладѣльцами, къ которымъ переходила земля.

Экономическій переворотъ, развѣявшій населеніе и сокрушившій хозяйственную культуру въ срединныхъ московскихъ областяхъ, разразился одновременно съ политическимъ переворотомъ, снявшимъ съ наслѣдственныхъ земель и погубившимъ въ государевой опалѣ всѣ подозрительные для Грознаго царя элементы княжеской аристократіи. Государева опала винно и безвинно постигала какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя семьи княжескаго и не княжескаго происхожденія. Вся страна содрогалась отъ страха опричнины и жестокости Грознаго: боярство, титулованное и простое, гибло въ опалахъ и спасалось въ Литву. Убыль въ составѣ современнаго Грозному боярства была такъ велика, что по словамъ его историка В. О. Ключевскаго «въ началѣ XVII вѣка изъ большихъ боярскихъ фамилій прежняго времени дѣйствовали Мстиславскіе, Шуйскіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Трубецкіе, Голицыны, Куракины, Пронскіе, нѣкоторые изъ Оболенскихъ и въ числѣ ихъ послѣдній въ роду своемъ Курля-

тевъ, Шереметевы, Морозовы, Шеины и почти только». Остальная знать бѣжала, или вымирала, разорялась,—словомъ исчезала съ вершинъ московскаго общества. Таяли и исчезали въ набѣгахъ опричнины и имущества знати. Вмѣстѣ съ политическимъ быстро измѣнялось къ худшему и матеріальное положеніе боярства. Оно чувствовало себя угнетеннымъ и было глубоко недовольно. Не менѣе боярства страдали отъ опричнины и малоземельные служилые люди, которыхъ переселяли по соображеніямъ государственнымъ. На старой землѣ погибало устроенное хозяйство служилаго человѣка; на новой трудно было ему устроиться безъ крестьянъ, которые или сами разбредались или сводились сосѣдями. Опричнина отозвалась тяжело и на многочисленной дворнѣ боярства, погибшаго отъ преслѣдованій Грознаго. Она дѣлалась свободной и осуждалась на голодное существованіе.

Таковы были, по изслѣдованію профессора С. Ф. Платонова, обстоятельства московской жизни передъ кончиною Грознаго.

Высшій служилый классъ, частью взятый въ опричнину, частью уничтоженный и разогнанный, запуганный и разоренный, переживалъ тяжелый нравственный и хозяйственный кризисъ. Гроза опалы, страхъ за цѣлость хозяйства, изъ котораго уходили крестьяне, служебныя тягости, вгонявшія въ долги,—все это угнетало и раздражало московское боярство, питало въ немъ недовольство и приготовляло къ смутѣ. Мелкій служилый людъ, сидѣвшій на обезлюдѣвшихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, былъ прямо въ ужасномъ положеніи. На немъ всею тяжестью лежала военная служба, которая не давала имъ и короткаго отдыха, а въ тоже время послѣднія средства для отбыванія военныхъ повинностей изсякали, вслѣдствіе крестьянскихъ переходовъ и переводовъ крестьянъ богатыми помѣщиками и постоянному передвиженію самихъ служилыхъ людей. Тяглое населеніе также терпѣло отъ войнъ, отъ физическихъ бѣдствій.

Въ сѣверныхъ областяхъ населеніе еще держалось на мѣстахъ; податныя общины сѣвера оставались самостоятельными и сохраняли непосредственныя отношенія къ правительству, тогда какъ на югѣ населеніе стало бро-

дить, уходя изъ государства, съ государева тягла, съ боярскаго двора и господской пашни. Оно уносило съ родины чувство глубокаго недовольства и вражды къ тому общественному строю, который постепенно лишалъ ихъ земли и свободы. Въ срединныхъ и южныхъ областяхъ государства не было ни одной общественной группы—довольной ходомъ дѣлъ. Здѣсь все было потрясено, все потеряло устойчивость и бродило скрытно; зловѣщіе признаки этого броженія были видны внимательному постороннему наблюдателю, который видѣлъ въ немъ опасность междоусобія и смутъ.

Броженіями, происходившими въ Московскомъ государствѣ, воспользовалась для своихъ цѣлей католическая Польша, которая своимъ вторженіемъ въ дѣла Россіи еще больше усилила потрясенія Смутнаго времени. Цѣль этого вторженія кроется въ очень отдаленныхъ временахъ. Власть папы, со времени раздѣленія церквей на восточную и западную (1054 г.), какъ извѣстно, стремилась подчинить восточную православную церковь римско-католической.

При перемѣнѣ лицъ на папскомъ престолѣ это стремленіе то усиливалось, то ослабѣвало, но никогда не прекращалось. Съ большимъ успѣхомъ работалъ католическій монашескій орденъ іезуитовъ въ сосѣднемъ съ тогдашнею Россіей польско-литовскомъ королевствѣ. Несомнѣнно были попытки подчинить и православную церковь Московскаго государства къ папѣ.

Римскій дворъ тщательно слѣдилъ за московскими дѣлами, и римско-католическая пропаганда высматривала лазейку, чтобы войти туда. Ближайшею къ Московскому государству католическою страною была Польша; въ русскихъ ея областяхъ были уже готовые дѣятели и удобное мѣсто для дѣйствій и здѣсь уже положено было начало союзу съ римскою церковью. Папскіе нунціи при польскомъ дворѣ и іезуиты, разосланные по Литвѣ и западной Россіи, узнавали и сообщали въ Италію обо всемъ, что дѣлалось въ Московскомъ государствѣ.

Въ западной Европѣ знали, что въ Московскомъ государствѣ царь всемогущъ, никто не можетъ остановить его воли; подданные привыкли повиноваться ей безъ раз-

мышленія и считаютъ справедливымъ то, что царь таковымъ почитаетъ. Отецъ царя Ивана Грознаго, Василій, по поводу войны съ Литвою, завелъ сношенія съ римскимъ дворомъ, принималъ папскихъ пословъ, посылалъ въ Римъ своего; обращался къ папѣ съ вѣжливыми письмами; изъ этого папа и католическій міръ заключили, что Московскій государь уже готовъ признать власть папскаго престола. Иванъ Грозный, во время войны съ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, обратился къ посредничеству папы, который послалъ къ Баторію іезуита Антонія Поссевина.

Устроивши миръ Московскаго государя съ Баторіемъ, Поссевинъ отправился въ Москву съ намѣреніемъ осуществить завѣтное желаніе папъ присоединенія къ католичеству московской церкви; эта попытка не удалась. Но папская политика не теряла изъ виду Московіи. Обращеніе Московскихъ государей къ главѣ римско-католической церкви показывало, что рано-ли, поздно-ли, а можетъ представиться счастливый случай, когда онъ будетъ поставленъ въ условія благопріятныя для папскихъ видовъ. И вотъ этотъ случай представился, — казалось нетолько вѣра православная, а и само государство Московское подчинилось Польшѣ, утратило свою самобытность.

III.

Ѳеодоръ Ивановичъ. Вступленіе на царство Бориса Годунова. Начало царствованія Бориса Годунова. Подозрительность Годунова.

По смерти Ивана Грознаго вступилъ на престолъ сынъ его Ѳеодоръ, хотя и возрастный, но слабый здоровьемъ, неспособный къ государственной дѣятельности. Въ то время рядомъ съ княжескими фамиліями, пользовавшимися почетомъ, стояли двѣ фамиліи московскихъ бояръ, приблизившихся къ престолу посредствомъ родства съ царями— фамиліи Романовыхъ и Годуновыхъ.

Борисъ Годуновъ приблизился къ Грозному, женившись на дочери царскаго любимца—извѣстнаго опричника, Малюты Скуратова-Бѣльскаго. Еще болѣе приблизился Годуновъ къ царскому семейству послѣ брака сестры его Ирины съ царевичемъ Ѳеодоромъ.

Въ началѣ, при Ѳеодорѣ Ивановичѣ, самымъ сильнымъ вліяніемъ пользовался дядя царскій, Никита Юрьевичъ-Романовъ, который вскорѣ заболѣлъ и умеръ; преемникомъ ему сталъ Борисъ Годуновъ.

Царя Ѳеодора знали только по имени. Съ однимъ Борисомъ имѣли дѣла иноземные послы; къ нему одному обращались съ челобитными—когда ихъ слѣдовало подавать царю. «Ты самъ нашъ государь, Борисъ Ѳеодоровичъ; скажи только слово и будетъ».—Эта лесть не только не оскорбляла Бориса, но еще доставляла ему удовольствіе. Богатства Годунова были громадны; могущество велико онъ сталъ желать еще большаго — онъ захотѣлъ сдѣлаться царемъ.

Рис. 1. Ѳеодоръ Ивановичъ.

Царь Ѳеодоръ Ивановичъ, процарствовавъ безъ малаго четырнадцать лѣтъ, 7 января 1598 года умеръ бездѣтнымъ. Народъ любилъ его съ умиленіемъ, какъ послѣдняго царя Мономаховой крови. Осиротѣло тогда русское царство; не было прямого наслѣдника престола.

Дума о царствѣ, о царской коронѣ преслѣдовала Бориса Годунова; страхъ неудачи томилъ его; но чѣмъ ярче представлялся ему страхъ неудачи, тѣмъ настойчивѣе побуждался онъ преодолѣвать его.

Достигнутое имъ почти царское величіе породило ему многихъ завистниковъ, которыхъ Годунову, въ видахъ самосохраненія, нужно было обходить. Кромѣ того были такія лица, которыя имѣли право на престолъ по своему происхожденію. Изъ нихъ болѣе всѣхъ имѣлъ право братъ

царя Θеодора Димитрій. При вступленіи его на престолъ царевичъ Димитрій съ матерью были удалены въ Угличъ. 17 мая 1591 года въ Москвѣ получилось извѣстіе, что 15 мая царевичъ Димитрій скончался отъ руки убійцъ; народная молва утверждала, что убійцы эти были подосланы Борисомъ Годуновымъ.

По смерти царя Θеодора, бояре, какъ бы опасаясь избранія на царство Бориса Годунова, поспѣшили присягнуть царицѣ Иринѣ. Но она отказалась отъ престола и

Рис. 2. Угличское дѣло.

удалилась въ Новодѣвичій монастырь, принявъ монашество. Годуновъ также удалился отъ дѣлъ. Въ это время, преданный ему патріархъ Іовъ и партія приверженцевъ побуждали жителей Москвы предложить престолъ Годунову. Желая быть избраннымъ не одною Москвою, а всею русскою землею,—Годуновъ, притворно, отказался...

17 февраля 1598 года былъ созванъ Земскій Соборъ, т. е. собраніе выборныхъ отъ всей русской земли. На Соборѣ рѣшено было просить Годунова принять царство.

Годуновъ согласился, предполагая, что послѣ такого торжественнаго избранія будетъ спокойно править Московскимъ государствомъ.

Во время вѣнчанія на царство Годуновъ громко ска-

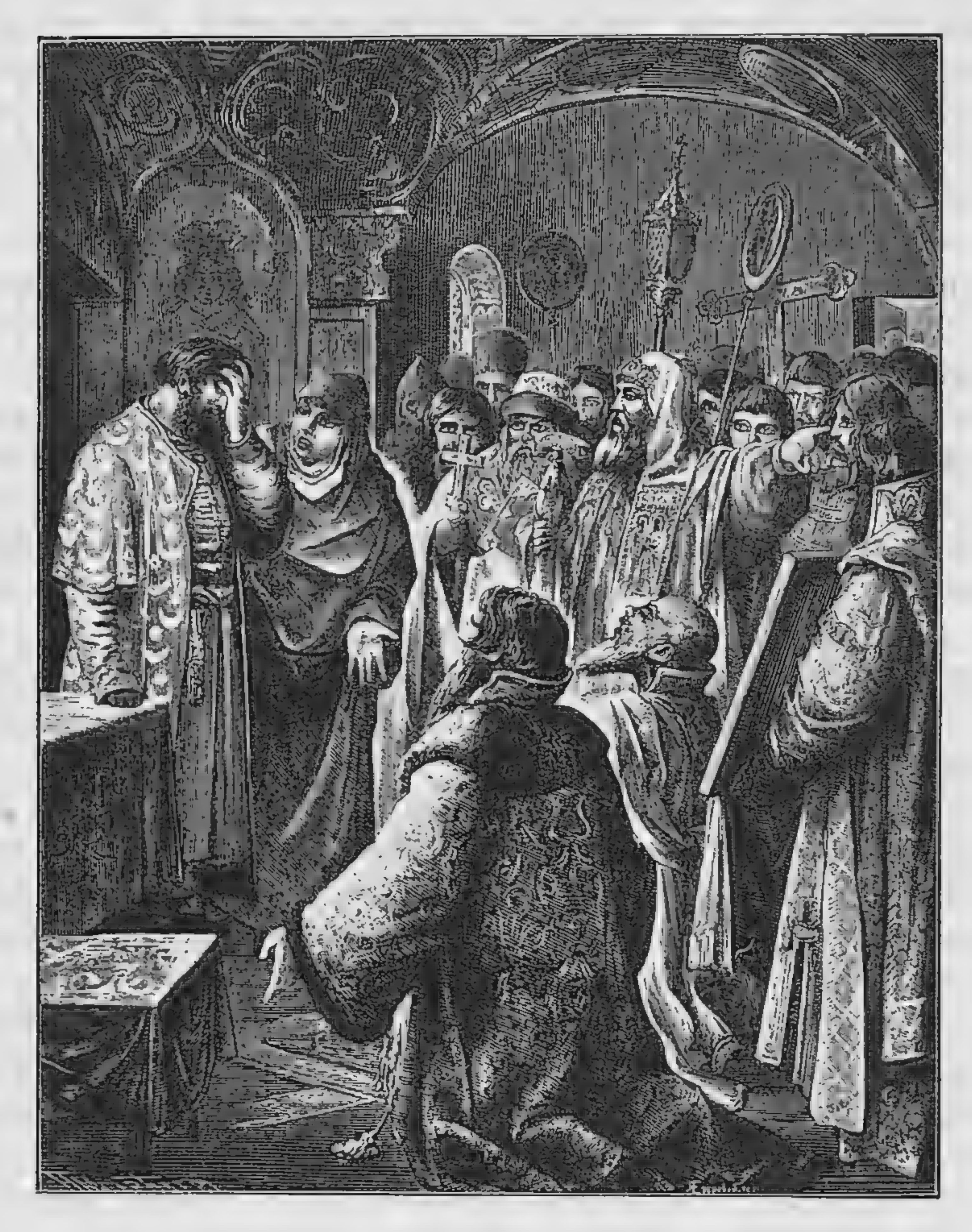

Рис. 3. Іовъ патріархъ и московскій народъ просятъ Бориса Годунова на царство.

залъ патріарху: «не будетъ въ моемъ царствѣ бѣднаго человѣка».—И, тряся воротъ своей рубашки, продолжалъ: «и эту послѣднюю рубашку раздѣлю со всѣми».

Новый царь многихъ изъ своихъ придворныхъ пожаловалъ чинами и наградами: военнымъ и чиновникамъ

выдано двойное жалованье; купцамъ московскимъ и пріѣзжимъ позволено торговать два года безпошлинно, а казенные крестьяне освобождены отъ платы податей на одинъ годъ,—всѣ эти милости были объявлены въ день коронаціи; народъ угощали двѣнадцать дней. Но все же воцареніе Годунова не порадовало народа и ни въ комъ не возбудило къ нему сочувствія: всѣ знали, что онъ правитель искусный и опытный въ управленіи государствомъ, но сомнѣвались въ прочности его власти. И умомъ, и привѣтливостью, и щедростью—всѣмъ бралъ Борисъ, народъ-же не любилъ его: продолжали носиться слухи, что онъ, добиваясь престола, сгубилъ послѣднюю отрасль царскаго дома. Народъ не могъ любить Годунова, считая его цареубійцею. Люди родовитые съ неудольствіемъ видѣли на царскомъ престолѣ потомка Мурзы Четя, природнаго татарина. Мысль, что потомство татарской крови утвердится на престолѣ Московскомъ оскорбляла народное самолюбіе *); Годуновъ дѣйствіями своими сразу показалъ, что онъ не только хочетъ царствовать самъ, но хочетъ утвердить наслѣдственное преемничество царства въ своемъ родѣ. Онъ уже писалъ грамоты отъ себя и отъ сына.

Свергнуть Бориса и не допустить родъ Годунова до царскаго вѣнца можно было такимъ именемъ, за которымъ-бы, до возведенія Бориса, народъ признавалъ право занять престолъ московскій. Такое имя было—царевича Димитрія.

Годуновъ видѣлъ, что у него есть враги, а у враговъ можетъ быть орудіе. Нужно было найти этихъ враговъ, истребить орудіе. Первые два года царствованія Бориса Годунова прошли спокойно. Но неувѣренность въ собственномъ достоинствѣ, въ правахъ и средствахъ лишали его необходимаго въ его положеніи величія.

Годуновымъ овладѣла сильная подозрительность. Подозрѣвалъ онъ главныхъ бояръ, считая ихъ подстрекателями. Мучимый подозрительностью, Годуновъ подкупалъ слугъ боярскихъ, поощрялъ доносчиковъ, — кого почетомъ, кого деньгами. По сказанію Авраамія Пали-

---

*) Предокъ Гадунова Мурза Четь былъ выходцемъ изъ Золотой Орды.

цына—«произошло дѣйствіе страшное; —боярскіе слуги начали умышлять зло надъ своими господами; сговорившись между собою человѣкъ по пяти, по шести,—одинъ изъ нихъ шелъ доводить, а другихъ поставлялъ въ свидѣтели. А доносчиковъ царь Борисъ жаловалъ помѣстьями и деньгами. И отъ такихъ доносовъ въ царствѣ была большая смута; доносили другъ на друга; жены доносили на своихъ мужей, дѣти—на отцовъ; отъ такого ужаса мужья отъ женъ таились, и въ этихъ окаянныхъ доносахъ много крови пролилось неповинной, многихъ казнили, иныхъ со всѣми домами разорили. Ни при одномъ государѣ такихъ бѣдъ никто не видалъ».

Въ числѣ многихъ пострадавшихъ отъ подозрительности Годунова, находилась и вся семья Романовыхъ, — сыновья Никиты Романова, брата царицы Анастасіи, жены Ивана Грознаго. По свидѣтельству Палицына Борисъ далъ Никитѣ Романовичу Романову клятву соблюдать его дѣтей, попеченіе о которыхъ и ввѣрилъ ему старый бояринъ... Въ народѣ держался слухъ, что царь Ѳеодоръ, умирая, совѣтовалъ избрать на царство одного изъ Романовыхъ.

Братьевъ Романовыхъ обвинили въ намѣреніи отравить царя. Ѳеодоръ Никитичъ, умный, начитанный, прекрасный собою, въ цвѣтѣ лѣтъ, былъ противъ воли постриженъ въ монахи, подъ именемъ Филарета и сосланъ въ Антоніевъ-Сійскій монастырь на сѣверѣ Россіи;— супругу его, Ксенію Ивановну, также постригли подъ именемъ Марфы и сослали въ одинъ изъ Заонежскихъ погостовъ. Братья его въ ссылкахъ были подвержены такому жестокому обращенію, такъ что годъ спустя, только одинъ изъ четвертыхъ остался въ живыхъ.

Эти опалы и ссылки ни въ чемъ неповинныхъ людей еще болѣе озлобляли бояръ противъ Годунова. Недовольство народа усилилось еще болѣе и тѣмъ, что Годунова считали виновникомъ указовъ, стѣснявшихъ переходы крестьянъ, а пристрастіе къ иноземцамъ, отдалило отъ него многихъ изъ духовенства. Въ довершеніе всего этого, Московское государство постигло великое общественное бѣдствіе, какого не помнили ни дѣды, ни прадѣды. Три года сряду были неурожаи, которые привели къ неслы-

Рис. 4. Голодъ въ Москвѣ при Борисѣ Годуновѣ.

ханному голоду: ѣли сѣно, всякую падаль; лошадиное мясо было въ рѣдкость. Вслѣдствіе голода распространились повальныя болѣзни, истребившія много народа.

Всѣ усилія Годунова помочь голодающимъ были напрасны. Народъ роптал и говорилъ, что бѣдствія посылаются на русскую землю Богомъ по винѣ Бориса.

За голодомъ и моромъ слѣдовали разбои. Во время голода знатные и богатые люди имѣвшіе большое число холопей, затруднялись содержать ихъ и прогоняли отъ себя. Одни изъ этихъ холопей получали отпускныя, а другіе были отпускаемы съ тою мыслью, что если голодъ прекратится, то можно будетъ опять взять ихъ къ себѣ, а тѣхъ, кто пріютитъ и дастъ пропитаніе холопямъ, обвинить въ укрывательствѣ бѣглыхъ и потомъ взять съ нихъ деньги. Хотя впослѣдствіи и были изданы Годуновымъ правила, которыми упорядочивалось положеніе отпущенныхъ холопей, но поправить зло стало уже невозможно. Число холопей, лишенныхъ пріюта и пропитанія, увеличивалось еще холопями опальныхъ бояръ. Эти недовольные люди шли въ пограничныя области, особенно въ Сѣверскую Украйну, на границѣ съ польско-литовскимъ государствомъ, и безъ того уже наполненную всякаго рода бѣглыми, недовольными своимъ положеніемъ.

Въ это-то страшное, бѣдственное время изъ-за литовскаго рубежа пронеслись вѣсти, что настоящій законный русскій царь Димитрій, какимъ-то чудомъ спасшійся отъ убійцъ, нѣкогда подосланныхъ Годуновымъ въ Угличъ, явился во владѣніяхъ польскаго короля.

Какъ ни чудовищны были эти новыя вѣсти, но онѣ, при нерасположеніи къ Годунову, были по душѣ народу; многіе склонялись къ мысли, что царевичъ дѣйствительно живъ.

Подозрительность Годунова усилилась; слухъ о Димитріѣ распространялся, Годуновъ стремился уничтожить эту молву. Быстро исчезла та призрачная любовь, которую Годуновъ подогрѣвалъ къ себѣ въ народѣ искусственною добротою и щедротами. Въ немъ проснулся прежній Борисъ Году-

новъ — воспитанникъ страшныхъ годовъ опричнины Ивана Грознаго. Цѣлью его жизни было утвердить свой родъ на престолѣ; изъ этихъ побужденій онъ былъ то добродушенъ и милосердъ, то жестокъ и суровъ.

IV.

Первый самозванецъ.

Кто былъ самозванецъ, выдававшій себя за царевича Димитрія, достовѣрно неизвѣстно. По сказаніямъ нѣкоторыхъ современниковъ, онъ былъ сынъ галицкаго служилаго человѣка и назывался Григоріемъ Отрепьевымъ. Григорій Отрепьевъ казался человѣкомъ, повидимому, увѣреннымъ въ томъ, что онъ дѣйствительно царскаго рода.

Выучившись грамотѣ, Григорій Отрепьевъ рано принялъ монашество. Перебывавъ въ разныхъ монастыряхъ, Отрепьевъ поселился въ московскомъ Чудовомъ монастырѣ; здѣсь, какъ человѣкъ не только грамотный, но и начитанный онъ состоялъ нѣкоторое время писцомъ при патріархѣ Іовѣ. Близость къ патріарху давала возможность Отрепьеву часто бывать по порученіямъ патріарха во дворцѣ; онъ имѣлъ такимъ образомъ возможность познакомиться съ порядками придворной жизни. Скитаясь по монастырямъ, онъ зналъ и думы народа.

Воображенію Отрепьева стало казаться, и иногда онъ даже проговаривался, что ему суждено быть царемъ. Такія рѣчи дошли до Годунова, и не миновать-бы Отрепьеву ссылки, но онъ успѣлъ спастись бѣгствомъ за польско-литовскую границу.

Побродивъ по монастырямъ въ Кіевѣ и на Волыни, Отрепьевъ снялъ съ себя монашеское платье и жилъ довольно долго среди запорожскихъ казаковъ, у которыхъ научился владѣть конемъ и оружіемъ, а живя въ Гощѣ *)

*) Гоща—мѣстечко на Волыни.

учился въ тамошней школѣ латинскому и польскому языкамъ. Онъ говорилъ складно и съ воодушевленіемъ.

Находясь на службѣ у князя Вишневецкаго, Отрепьевъ нашелъ случай открыть свое царственное происхожденіе; сказавшись больнымъ, онъ легъ въ постель и попросилъ къ себѣ русскаго священника. На исповѣди онъ сказалъ: «если я умру похороните меня съ честію, какъ погребаютъ царскихъ дѣтей».—Что это значитъ?—спросилъ изумленный священникъ. — «Я не открою тебѣ теперь, — отвѣтилъ Отрепьевъ, пока я живъ, не говори объ этомъ никому; такъ Богу угодно. Но по смерти моей возьми у меня изъ подъ постели бумагу; прочитаешь, узнаешь послѣ моей смерти, кто я таковъ; но и тогда знай самъ, а другимъ не разсказывай». Священникъ-же, какъ того и желалъ Отрепьевъ, разсказалъ Вишневецкому, который придя со священникомъ, послѣ распросовъ, вынулъ изъ подъ постели свитокъ. При этомъ Отрепьевъ показалъ дорогой крестъ, будто-бы возложенный на него при крещеніи крестнымъ отцомъ, княземъ Мстиславскимъ. Вишневецкій повѣрилъ.

Мысль, что въ его домъ пришелъ искать убѣжища несчастный, изгнанный царевичъ, законный наслѣдникъ престола великаго сосѣдняго царства пріятно щекотала самолюбіе Вишневецкаго. Положеніе Лжедимитрія сразу измѣнилось: онъ былъ одѣтъ въ богатое платье, приставлены къ нему слуги, дана ему парадная карета.

Вѣсть о московскомъ царевичѣ, чудесно спасшемся отъ смерти, быстро распространилась между сосѣдними панами. Переѣзжая отъ одного пана къ другому Лжедимитрій былъ принимаемъ съ царскимъ почетомъ. Тогда въ Польшѣ было въ модѣ гостепріимство, пированье, щегольство; ознакомившись съ пріемами тогдашней вѣжливости—онъ нравился полякамъ. Ловко и красиво сплетенные фразы и примѣры изъ исторіи приводили поляковъ въ восторгъ. «Не можетъ быть, чтобы онъ не былъ истинный царевичъ; Москва—народъ грубый и неученый, а этотъ знаетъ и древности и риторику; онъ долженъ быть царскій сынъ,—говорили они».

Будучи въ Самборѣ, гдѣ жилъ сендомирскій воевода Юрій Мнишекъ, Лжедимитрій былъ очарованъ дочерью

воеводы Мнишка—Мариною. Панна Марина Мнишекъ сообразила, что ей представляется случай хорошо устроить свою судьбу и скоро овладѣла сердцемъ мнимаго царевича. Чарующій образъ женской прелести увлекалъ молодую, пылкую натуру Лжедимитрія къ бо́льшей предпріимчивости. Лжедимитрій предложилъ Маринѣ руку; предложеніе было принято, но бракъ отложенъ до утвержденія жениха на престолѣ Московскомъ.

V.

Пособники перваго самозванца.

Поляки знали о положеніи дѣлъ въ Россіи и о тамошнемъ тревожномъ состояніи — они поняли, что есть надежда занять московскій престолъ: будь то настоящій или ложный царевичъ.

Лжедимитрій появился кстати для Польши, но и она была необходима для Лжедимитрія въ настоящемъ его положеніи. Въ Польшѣ тогда было сильное движеніе въ пользу католичества; самъ король польскій Сигизмундъ III былъ глубоко преданъ католичеству.

Для полученія себѣ поддержки въ Польшѣ Лжедимитрію выгодно было показаться готовымъ принять католичество и обѣщать ввести его въ московскомъ государствѣ, и ожиданія католической пропаганды могли осуществиться: царь московскій расположенъ къ католичеству и, слѣдовательно, введетъ его въ своихъ владѣніяхъ.

Польское духовенство употребляло всѣ старанія чтобы склонить Лжедимитрія къ принятію католичества. Самозванца плѣняли обаяніемъ богослужебнаго великолѣпія; ксендзъ — духовникъ королевскій въ Самборѣ, расточалъ передъ нимъ доводы своей учености. Лжедимитрій понялъ, что передъ нимъ сила и ей нужно угождать; за каждое слово, сказанное Лжедимитріемъ дружелюбно о римско-католической церкви, духовные и свѣтскіе восхваляли его умъ и дарованія и заранѣе прочили

Московскому государству счастье и величіе, когда воцарится въ ней такой мудрый государь. Лжедимитрія побудили написать письмо папскому нунцію (Рангони), жившему въ Краковѣ и искать его покровительства; кругомъ всѣ говорили, что если онъ пріобрѣтетъ его благосклонность, то успѣхъ несомнѣненъ: нунцій напишетъ папѣ, а слово папы все можетъ,—вся Польша пойдетъ за него.

Рангони хотя не отвѣчалъ даже на неоднократныя письма Лжедимитрія, но папѣ написалъ, что появленіемъ московскаго царевича въ Польшѣ слѣдуетъ воспользоваться въ интересахъ распространенія католичества и въ тоже время чрезъ іезуитовъ заботливо слѣдилъ за всякимъ движеніемъ Лжедимитрія, справлялся и въ Москвѣ, есть-ли надежда на успѣхъ. Удостовѣрившись въ послѣднемъ, Рангони приказалъ іезуитамъ склонить сендомирскаго воеводу къ поѣздкѣ въ Краковъ вмѣстѣ съ царевичемъ.

Въ Мартѣ 1604 года Лжедимитрій и Мнишекъ прибыли въ Краковъ. На другой день они посѣтили Рангони, который очень обрадовался пріѣзду ихъ. Въ продолжительномъ разговорѣ съ Лжедимитріемъ Рангони далъ ему ясно понять, что если онъ хочетъ получить помощь отъ Сигизмунда, то долженъ отказаться отъ православія и вступить въ лоно римской церкви. Лжедимитрій согласился и въ слѣдующее воскресенье далъ торжественную клятву, что будетъ послушнымъ сыномъ папскаго престола. Одинъ изъ іезуитовъ исповѣдалъ, а Рангони причастилъ и мvропомазалъ Лжедимитрія.

Освѣдомленный о появленіи въ Польшѣ претендента на Московскій престолъ Сигизмундъ III еще раньше соображалъ о тѣхъ выгодахъ, которыя его королевство можетъ извлечь. Онъ велъ по этому поводу переписку съ разными панами. Отвѣты получались разнорѣчивые. Одни были противъ покровительства неизвѣстному лицу, бездоказательно назвавшемуся царственнымъ именемъ, а другіе были не прочь обратить это явленіе въ пользу Польши, но боялись войны съ Московскимъ государствомъ.

Узнавши мнѣніе пановъ, король принялъ Лжедимитрія, представленнаго нунціемъ Рангони, призналъ его царевичемъ, назначилъ ему ежегодное содержаніе сорокъ тысячъ

злотыхъ *), но не хотѣлъ помогать ему явно войскомъ отъ своего лица, а позволилъ панамъ частнымъ образомъ помогать самозванцу.

За руководство предпріятіемъ взялся Юрій Мнишекъ, имѣвшій природную склонность и привычку къ интригѣ и не разборчивый въ средствахъ; гордость и тщеславіе— были господствующими чертами характера этого воеводы.

Мнишекъ собралъ въ польскихъ владѣніяхъ для своего будущаго зятя 1600 человѣкъ всякаго сброда; такихъ людей было много въ степяхъ и украйнахъ Московскаго государства. Московскіе бѣглецы, ждавшіе случая вернуться безнаказанно и съ выгодою въ свое отечество, первые пришли къ самозванцу и провозгласили его истиннымъ царевичемъ. Донскіе казаки, среди которыхъ было много недовольныхъ своимъ положеніемъ, немедленно откликнулись на призывъ Лжедимитрія: они отправили къ нему въ Польшу двухъ атамановъ, которые застали его въ Краковѣ, признали его законнымъ царевичемъ и обѣщали помочь. Изъ донскихъ казаковъ, московскихъ бѣглецовъ и сброда, собраннаго Мнишкомъ составилось ополченіе до пяти тысячъ человѣкъ. Что было тогда въ южной Россіи буйнаго, развратнаго, враждебнаго порядку и спокойствію стекалось подъ знамя самозванца. Объ отрядахъ Лжедимитрія на польскомъ сеймѣ въ 1606 г. говорилось, что татары своими набѣгами не надѣлали столько безчинствъ и горестей народу, сколько поборники Лжедимитрія—прежде чѣмъ вступили они въ Московское государство.

---

*) Злотый на рус. деньги 15 коп.

VI.

Грамоты самозванца. Мѣры Бориса Годунова противъ самозванца. Смерть Бориса Годунова.

Живя у Мнишка Лжедимитрій писалъ грамоты московскому народу; въ этихъ грамотахъ онъ увѣщевалъ русскій народъ признать его Димитрія законнымъ государемъ. Эти же грамоты подготовляли населеніе къ появленію царевича.

По границѣ съ Литвою были учреждены Борисомъ заставы и никто не пропускался даже съ удостовѣреніемъ для проѣзда; но грамоты Лжедимитрія провозились въ Московское государство въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ, доставлявшимся въ Россію по случаю неурожая и голода. Эти воззванія переписывались и распространялись по дорогамъ, на улицахъ городовъ и посадовъ даже непрошенными пособниками Лжедимитрія.

Въ Москвѣ патріархъ Іовъ и князь Василій Шуйскій уговаривали народъ не вѣрить слухамъ о царевичѣ, который, по ихъ словамъ, дѣйствительно погибъ въ Угличѣ, и онъ, князь Шуйскій, погребалъ его, а идетъ воръ Гришка Отрепьевъ подъ именемъ царевича.

Но народъ не вѣрилъ ни патріарху ни Шуйскому; въ толпѣ слышалось: — «говорятъ они поневолѣ, боясь царя Бориса, а Борису нечего другого говорить; если ему этого не говорить, такъ надобно царство оставить и о животѣ своемъ промышлять».

Въ то время какъ южныя области давно уже волновались подметными грамотами Лжедимитрія сѣверныя области были увѣдомлены Борисомъ о самозванцѣ только въ Январѣ 1605 г. Вообще царь Борисъ, со времени появленія Лжедимитрія, велъ борьбу противъ него, выгодную скорѣе для противника, чѣмъ для себя. Борисъ не посылалъ все это время въ Польшу для объясненій съ польскимъ королемъ и правительствомъ, не старался своевременно объяснять народу появленіе самозванца. Только исподволь распространялись вѣсти, что этотъ новоявлен-

ный въ Польшѣ Димитрій—Гришка Отрепьевъ, растрига, бѣглецъ изъ Чудова монастыря.

Заставы на границахъ съ цѣлью недопущенія слуховъ изъ Москвы чрезъ Литву въ Польшу и обратно а также казни обвиненныхъ въ разговорахъ о Лжедимитріи и въ неблагопріятныхъ отзывахъ о самомъ Борисѣ — только увеличивали число недовольныхъ.

Притворяясь спокойнымъ, Борисъ съ каждымъ днемъ падалъ духомъ; угрюмымъ, мрачнымъ, недоступнымъ становился онъ; постоянно сидѣлъ во дворцѣ и не показывался народу; просителей, приходившихъ съ челобитными, отгоняли отъ дворцоваго крыльца палками. Между тѣмъ въ Москву давали знать, что день ото дня нужно ждать вторженія въ Московское государство ополченія Лжедимитрія.

Въ Октябрѣ 1604 года Лжедимитрій отправилъ Борису письмо, въ которомъ, перечисливъ всѣ злодѣянія Годунова, извѣщалъ о своемъ спасеніи, убѣждалъ его добровольно оставить престолъ и удалиться въ монастырь и обнадеживалъ своимъ милосердіемъ къ нему и его семейству. Тогда-же Лжедимитрій вступилъ въ московское государство.

Жители перваго пограничнаго города Моравска (Монастырево), узнавъ, что идетъ царь съ польскимъ войскомъ, заволновались и отъ страха изъявили самозванцу покорность, присягнули ему; тоже сдѣлали и черниговцы, связавшіе воеводу, нехотѣвшаго сдаваться.

Въ Новгородѣ-Сѣверскомъ ополченіе самозванца встрѣтило сопротивленіе.

Войска Бориса подъ командою боярина Мстиславскаго сошлись здѣсь съ ополченіемъ самозванца. У Мстиславскаго было 50.000 противъ 15.000 самозванца. При недостаткѣ ратнаго искуства многочисленность московскихъ войскъ была безполезна въ чистомъ полѣ.

При неумѣніи, шатаніе умовъ отнимало нравственную силу; у воеводъ и воиновъ не поднимались руки сражаться «съ прирожденнымъ государемъ»—говорили воеводы. Мстиславскій подступилъ къ стану Лжедимитрія, но медлилъ, а Лжедимитрій, воодушевивъ свое войско рѣчью, дышавшею правотою дѣла, ударилъ въ царское

войско: оно дрогнуло, было смято, Мстиславскій былъ раненъ (получилъ 15 ранъ) и попалъ было въ плѣнъ, но скоро былъ отбитъ. Малыя силы одолѣли большое войско. Поляки въ ссорѣ между собою хотѣли было покинуть Новгородъ-Сѣверскъ, какъ получилось извѣстіе, что сдался Путивль—самый важный городъ въ Сѣверской землѣ. Примѣру Путивля послѣдовали и другіе украинскіе города. Лжедимитрій уже признавался истиннымъ царевичемъ на пространствѣ 600 верстъ русской земли—отъ запада къ востоку.

Тѣже неуспѣхи преслѣдовали царское войско и дальше. Къ нравственному ослабленію прибавилось еще бѣдствіе физическое: открылась сильная смертность въ станѣ царскихъ войскъ.

Зловѣщая неизвѣстность томила Годунова, отчаяніе овладѣвало его душою; по цѣлымъ днямъ сидѣлъ онъ запершись одинъ, и только посылалъ сына своего Θеодора молиться по церквамъ, но сердце его не унималось. Казни и пытки не прекращались, а число враговъ его увеличивалось. Въ стремленіи уничтожить самозванца отравою, Борисъ подослалъ къ нему въ Путивль монаховъ съ ядовитымъ зельемъ, но замыселъ былъ открытъ. Вскорѣ разнеслась вѣсть о смерти самого Бориса: 13 Апрѣля 1605 г., когда онъ всталъ изъ за стола, кровь хлынула изо рта, ушей и носа, и послѣ двухчасовыхъ страданій онъ умеръ.

VII.

Семейство Бориса Годунова. Участь его. Движеніе къ Москвѣ перваго самозванца.

Послѣ Бориса остались жена Марія, сынъ Θеодоръ и дочь Ксенія. Жители Москвы спокойно присягнули сыну Бориса Θеодору. Θеодоръ, хотя и молодъ былъ «но смысломъ и разумомъ превосходилъ многихъ старцевъ сѣдовласыхъ, потому что былъ наученъ премудрости и всякому естественнословію».

Рис. 5. Смерть Бориса Годунова.

Новое правительство, видя недѣятельность бояръ Мстиславскаго и Шуйскаго—воеводъ огромнаго войска, ихъ неумѣнье или нежеланіе истребить сбродное ополченіе самозванца, послало къ своему войску Басманова. Но Басмановъ увидѣлъ, что съ войскомъ, въ которомъ господствовала шаткость умовъ и нравственное разслабленіе, ничего сдѣлать невозможно. Видно было, что дѣло Годуновыхъ проиграно окончательно смертію Бориса. Басмановъ видѣлъ, что воеводы, сколько нибудь дѣятельные, способные воодушевить войско, не хотятъ Борисовыхъ наслѣдниковъ. Видя, что противиться общему расположенію умовъ — значитъ идти на явную и безполезную на его взглядъ гибель, Басмановъ соединился съ князьями Голицыными (Василіемъ и Иваномъ) и Салтыковымъ и 7-го мая 1605 года объявилъ войску, что истинный царь есть Димитрій. Полки безъ сопротивленія признали послѣдняго государемъ и лишь немногіе, не пожелавъ нарушить присягу, данную Θеодору, съ двумя воеводами Ростовскимъ и Телятевскимъ, бѣжали въ Москву.

Лжедимитрій съ февраля жилъ въ Путивлѣ. Здѣсь ему удалось разсѣять и опровергнуть слухи, что онъ Гришка Отрепьевъ. Онъ показывалъ предъ всѣмъ народомъ личность, называвшую себя Григоріемъ Отрепьевымъ. Этотъ человѣкъ разсказывалъ, что онъ дѣйствительно былъ у патріарха Іова писцомъ, бѣжалъ изъ Москвы, познакомился съ царевичемъ, когда тотъ ходилъ въ Кіевѣ въ монашеской одеждѣ. Это удостовѣряло русскихъ въ подлинности Димитрія и привлекало къ нему.

Хотя въ Москвѣ Лжедимитрій еще не воцарился, но былъ уже на самомъ дѣлѣ владѣльцемъ сѣверской земли. Съ извѣщеніемъ, что сѣверская земля поклонилась и приняла подданство и послушаніе «Димитрію Ивановичу», были отправлены самозванцемъ послы къ польскому королю Сигизмунду. Польскому королю хотя и пріятно было слышать объ успѣхахъ Лжедимитрія, отъ которыхъ можно было ожидать выгодъ для Польши и католичества, но онъ не принялъ посольства до тѣхъ поръ пока не узналъ, что Бориса уже нѣтъ въ живыхъ и московское государство склоняется признать государемъ «Димитрія».

Когда Лжедимитрію сообщили о смерти Бориса, о вол-

неніи въ войскѣ, онъ уже ждалъ со дня на день появленія къ нему пословъ.

14 мая князь Иванъ Голицынъ явился къ Лжедимитрію съ выборными отъ всѣхъ полковъ, собранными для этого посольства изъ разныхъ земель и уѣздовъ русскихъ. Лжедимитрій принялъ ихъ любезно и обнадеживалъ милостями, вполнѣ извиняя ихъ въ томъ, что они до сихъ поръ были его врагами и вообще очаровалъ ихъ ласковымъ обращеніемъ.

Разсказывали, что нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ съ Голицынымъ узнали въ новомъ царѣ монаха Отрепьева, но было уже поздно объявлять о подобномъ открытіи.

Лжедимитрій приказалъ войску идти подъ Орелъ и тамъ его ждать, а самъ двинулся туда изъ Путивля 19 мая. Прибывши въ Орелъ, Лжедимитрій отпустилъ войско къ Москвѣ, самъ-же пошелъ за нимъ отдѣльно съ своею польскою и русскою дружиною.

Послѣ измѣны войска гонцы Лжедимитрія очень часто появлялись въ Москвѣ; ихъ хватали и мучили до смерти. Но народъ съ каждымъ днемъ дѣлался смѣлѣе — власть Годунова колебалась.

Вѣсть о переходѣ Басманова, бояръ и всего войска на сторону Лжедимитрія была роковою для Годуновыхъ; имъ оставалось—бѣжать или отречься отъ престола, или же, не признавъ добровольно Димитрія, попытаться, собравъ послѣднія силы, идти противъ врага и погибнуть съ честію. Но ничего подобнаго Годуновы не сдѣлали, они сидѣли въ Кремлевскихъ царскихъ палатахъ. Лжедимитрій посылалъ къ Ѳеодору письмо съ убѣжденіемъ, какъ и прежде къ отцу, мирно оставить престолъ, но Царь приказалъ замучить посланнаго, а на письмо и не отвѣтилъ.

1 іюня прибыли воеводы Наумъ Плещеевъ и Гавріилъ Пушкинъ съ возбудительными грамотами къ москвичамъ противъ Годуновыхъ. Но они не рѣшились въѣзжать прямо въ Москву, а остановились въ Красномъ Селѣ. Здѣсь ударили въ колоколъ, сбѣжался народъ: стали читать грамоту, которая подогрѣла и безъ того уже буйную толпу. «Въ городъ, въ городъ!—закричали голоса, Плещеева и Пушкина подхватили и повели въ Москву прямо на

Красную площадь и здѣсь тоже ударили въ набатъ. Посланцевъ Плещеева и Пушкина поставили на Лобномъ мѣстѣ.

На Красной площади было тѣсно отъ набѣжавшаго народа. Бояре, думные дьяки и стрѣльцы, выходившіе изъ Кремля, ничего не могли сдѣлать съ шумѣвшею толпою: «что это за сборище, что за бунтъ!»—громко говорили они, «развѣ нельзя было подать челобитную государю? Берите воровскихъ посланцевъ и ведите ихъ въ Кремль». Народъ шумѣлъ неистово. Грамота самозванца была прочитана съ Лобнаго мѣста. Смятеніе и споры увеличивались. Ничего нельзя было разобрать со стороны. Бояре, возвышая голосъ, старались успокоить толпу. Но ихъ не слушали. Одни кричали: «буди здравъ, царь Димитрій Ивановичъ».—Другіе упорно стояли за Годуновыхъ. Наконецъ изъ толпы раздались голоса: «Шуйскаго! Шуйскаго! Онъ производилъ слѣдствіе объ убійствѣ царевича Димитрія, онъ знаетъ,—пусть скажетъ по правдѣ теперь, точно-ли царевича похоронили въ Угличѣ». Шуйскаго поставили на Лобное мѣсто. Народная громада замолчала, съ напряженнымъ вниманіемъ ожидая, чѣмъ разрѣшатся ея недоумѣнія. Шуйскій разсчиталъ, что его увѣреніе въ пользу Годунова не удержитъ народъ; все равно народъ въ неистовствѣ свергнетъ Годуновыхъ, а можетъ быть Шуйскій, давнишній врагъ Годуновыхъ, воспользовался случаемъ для своихъ видовъ въ будущемъ, чтобы потомъ проложить дорогу къ престолу,—онъ сказалъ: «Борисъ послалъ убить Димитрія царевича, но царевича спасли, а вмѣсто его погребенъ сынъ поповъ».—Сказаннаго Шуйскимъ было довольно. «Теперь, кричала громада, нечего долго думать: все узнали, значитъ царевичъ Димитрій живъ, и теперь въ Тулѣ. Принесемъ ему повинную, чтобы онъ простилъ насъ, по нашему невѣдѣнію. Долой Годуновыхъ», заревѣла неистово толпа.

Ворота въ Кремль не были заперты, толпа народа ворвалась туда; схватили царя Ѳеодора съ матерью и сестрою во дворцѣ и вывели ихъ въ прежній боярскій домъ Борисовъ; родственниковъ ихъ взяли подъ стражу, имущество было разграблено, а дома ихъ разрушены.

3-го Іюня были отправлены изъ Москвы въ Тулу по-

слы къ самозванцу. Въ то же время съ другой стороны пріѣхали къ нему послы отъ донскихъ казаковъ—первыхъ и самыхъ вѣрныхъ его помощниковъ; ихъ Лжедимитрій позвалъ прежде къ рукѣ, а бояръ московскихъ встрѣтилъ предварительно грозною рѣчью за долгое сопротивленіе законному царю.

Лжедимитрія безпокоило, что Годуновы находились въ Москвѣ и что возможны тамъ ихъ сторонники. Прежде чѣмъ рѣшиться идти въ Москву, онъ послалъ впередъ

Рис. 6. Семейство Годунова.

князя Голицына и князя Рубца Мосальскаго, бывшаго воеводою въ Путивлѣ, и дьяка Сутунова; онъ говорилъ имъ: «я не могу пріѣхать въ столицу прежде, чѣмъ мои враги будутъ удалены». Этихъ неясныхъ выраженій было достаточно. Посланные начали съ патріарха Іова: его съ безчестіемъ вывели изъ собора во время службы и, какъ простого монаха, сослали въ Старицкій монастырь; сидѣвшихъ подъ стражею родныхъ бывшаго царя Годуновыхъ тоже разослали въ заточеніе. Покончивъ съ патріархомъ и родными, князья Голицынъ и Мосальскій, съ

Молчановымъ, Шелефединовымъ и тремя стрѣльцами пошли въ старый Борисовъ домъ, умертвили царицу Марью и Ѳеодора, а царевну Ксенію оставили въ живыхъ. Впослѣдствіи она была пострижена въ монашество подъ именемъ Ольги.

VIII.

Прибытіе перваго самозванца въ Москву. Вступленіе въ управленіе государствомъ. Вѣнчаніе на царство. Отношеніе москвичей къ самозванцу.

20-го Іюня 1605 года Лжедимитрій торжественно въѣхалъ въ Москбу. При видѣ Кремля Лжедимитрій снялъ шапку и перекрестившись громко сказалъ: «Господи Боже, благодарю тебя: ты сохранилъ жизнь мою и сподобилъ увидѣть градъ отцовъ моихъ и мой народъ возлюбленный». По щекамъ его текли слезы. Весь народъ плакалъ съ нимъ. Видя Лжедимитрія, народъ падалъ ницъ съ восклицаніемъ: здравствуй отецъ нашъ, государь и великій князь Димитрій Ивановичъ... Онъ также привѣтствовалъ всѣхъ и называлъ своими вѣрноподданными. Въ то же время, по недовѣрію къ москвичамъ, Лжедимитріемъ были посланы его приближенные на развѣдки по улицамъ Москвы, но все было тихо и радостно. Церковный звонъ оглушительно разливался по Москвѣ, церковное пѣніе оглашало воздухъ. Въ то же время польскіе музыканты заиграли на трубахъ, заколотили литавры и заглушалось церковное пѣніе. Это не понравилось народу — онъ не привыкъ, чтобы звуки забавы прерывали пѣніе духовенства и молитву.

Было подмѣчено и то, что Лжедимитрій при въѣздѣ въ Кремль и въ Успенскомъ соборѣ и другихъ церквахъ на молебнахъ, прикладываясь ко кресту и иконамъ дѣлаетъ не такъ, какъ природный московскій человѣкъ. Благочестивый москвичъ узнавалъ истаго православнаго по наклоненію головы, изгибамъ тѣла при земныхъ покло-

нахъ, по движеніямъ руки, творящей крестное знаменіе. Трудно усвоить эти черты иноземцу. Но народное чувство извинило на этотъ разъ своего новообрѣтеннаго царя,— онъ былъ въ чужой землѣ,—говорили москвичи.

Нѣкоторымъ строгимъ ревнителямъ московскаго благочестія не понравилось и то, что въ церковь съ Лжедимитріемъ входили поляки, нѣмцы, угры, — въ этомъ они усматривали оскверненіе святыни.

Когда новый царь былъ уже во дворцѣ, изъ Кремля выѣхалъ на Красную площадь Богданъ Бѣльскій, окруженный боярами и дьяками; на Лобномъ мѣстѣ онъ свидѣтельствовалъ предъ всѣмъ народомъ, что новый царь есть истинный Димитрій *).

День прибытія въ Москву и послѣдующіе дни были посвящены милостямъ: раздачѣ наградъ, прощенію сосланныхъ при Годуновѣ. Вмѣсто сверженнаго патріарха Іова возведенъ 24 Іюня патріархъ Игнатій, бывшій архіепископъ Рязанскій. Новый патріархъ разослалъ по всѣмъ областямъ грамоты съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Димитрія.

Приближенные Лжедимитрія поляки совѣтовали ему поспѣшить царскимъ вѣнчаніемъ, чтобы получить въ глазахъ народа значеніе неприкосновеннаго помазанника Божія, но Лжедимитрій зналъ, что русскіе считали первою добродѣтелью почтеніе къ родителямъ: этимъ вниманіемъ онъ хотѣлъ понравиться народу. М. В. Скопинъ-Шуйскій былъ посланъ къ мѣсту ссылки инокини Мароы и привезъ ее въ Москву 18 Іюля. Царь встрѣтилъ ее въ селѣ Тайнинскомъ и имѣлъ съ нею свиданіе наединѣ. Говорятъ, что Мароа очень искусно представляла нѣжную мать, а Лжедимитрій — нѣжнаго любящаго сына. Народъ плакалъ, видя, какъ почтительный сынъ шелъ пѣшкомъ подлѣ кареты матери. Мароу помѣстили въ Вознесенскомъ монастырѣ; у ней бывалъ царь каждый день. Никто въ народѣ не сомнѣвался, что на московскомъ престолѣ дѣйствительно сынъ царя Ивана; всѣмъ казалось, что только настоящаго

*) Этотъ же Бѣльскій при Борисѣ Годуновѣ объявилъ русскому народу, что царевичъ убитъ и тотъ, кто называется его именемъ, есть воръ Гришка Отрепьевъ.

Димитрія могла такъ встрѣтить родная мать, увидѣвши въ первый разъ послѣ разлуки съ дѣтства.

Одинъ за другимъ возвращались изъ заточенія сосланные Годуновымъ. Мнимый дядя царя Нагой получилъ званіе конюшаго боярина Особое вниманіе выразилъ самозванецъ къ семьѣ Романовыхъ: не только живые

Рис. 7. Димитрій самозванецъ.

Романовы возвращены изъ ссылки и осыпаны почестями, но даже кости умершихъ въ заточеніи трехъ братьевъ Романовыхъ перевезены въ Москву. Юный Михаилъ Ѳеодоровичъ возвращенъ изъ Бѣлоозера. Филаретъ Никитичъ прибылъ изъ Сійскаго заточенія къ почестямъ и славѣ; его по желанію царя рукоположили въ санъ митрополита Ростовскаго. Иванъ Никитичъ Романовъ получилъ званіе

боярина. Въ то же время изъ родственниковъ и приверженцевъ Годуновыхъ подверглось ссылкѣ 74 семейства.

За управленіе государствомъ Лжедимитрій принялся смѣло. Не проходило дня, въ который бы онъ не присутствовалъ въ Думѣ. Онъ любилъ и умѣлъ поговорить. Слушая иногда долгіе, но безплодные споры бояръ о дѣлахъ въ Думѣ, онъ, къ всеобщему удивленію, быстро рѣшалъ ихъ, вызывая изумленіе. Нерѣдко, хотя и ласково, царь упрекалъ думныхъ людей въ невѣжествѣ, обѣщалъ позволить имъ ѣздить въ чужія земли, чего раньше не позволялось, гдѣ могли бы они, или ихъ дѣти, хотя нѣсколько образоваться.

30 Іюля Лжедимитрій вѣнчался на царство въ Успенскомъ соборѣ по обычному чину. Предъ литургіей патріархъ съ обычными церемоніями возложилъ на царя бармы, вѣнецъ и далъ ему въ руки скипетръ и государственное яблоко. Царь причастился Святыхъ Таинъ, а потомъ патріархъ совершилъ надъ нимъ мѵропомазаніе.

Занимаясь государственными дѣлами, Лжедимитрій все остальное свободное время посвящалъ охотѣ, стрѣльбѣ, осадѣ искусственныхъ крѣпостей; любилъ роскошь, пышность выѣздовъ, богатство обстановки; носилъ польскій костюмъ и вообще не покидалъ привычекъ, не соотвѣтствующихъ его новому положенію. По словамъ историка Карамзина, «Лжедимитрій сыпалъ деньгами и награждалъ безъ ума; давалъ иноземнымъ музыкантамъ жалованье, какого не имѣли первые государственные люди; любя роскошь и великолѣпіе, непрестанно покупалъ, заказывалъ всякія драгоцѣнныя вещи, и мѣсяца въ три издержалъ болѣе семи милліоновъ рублей... Сумма эта для того времени очень велика, такъ какъ весь годовой доходъ Московскаго государства исчислялся въ полтора милліона рублей, а народъ, — продолжаетъ Карамзинъ, страшась налоговъ, не любилъ расточительности въ государяхъ. Описывая тогдашній блескъ московскаго двора, иноземцы съ удивленіемъ говорятъ о лжедимитріевомъ престолѣ, вылитомъ изъ чистаго золота, обвѣшанномъ кистями алмазными и жемчужными, утвержденномъ на двухъ серебряныхъ львахъ и покрытомъ крестообразно четырьмя богатыми щитами, надъ коими сіялъ золотой шаръ и прекрас-

ный орелъ изъ того-же металла. Хотя растрига ѣздилъ всегда верхомъ, даже въ церковь, но имѣлъ множество колесницъ и саней, окованныхъ серебромъ, обитыхъ бархатомъ и соболями; на гордыхъ азіатскихъ его коняхъ сѣдла, узды, стремена блистали золотомъ, изумрудами и яхонтами; возницы, конюхи царскіе одѣвались какъ вельможи. Не любилъ Лжедмитрій голыхъ стѣнъ въ палатахъ кремлевскихъ, находя ихъ печальными; вмѣсто деревяннаго дворца Бориса, какъ ненавистнаго, Самозванецъ построилъ для себя, ближе къ Москвѣ рѣкѣ, новый дворецъ, также деревянный, украсилъ стѣны шелковыми персидскими тканями; цвѣтныя изразцовыя печи серебряными рѣшетками, замки у дверей — яркою позолотою и, на удивленіе москвитянамъ, передъ симъ любимымъ своимъ жилищемъ поставилъ изваянный образъ адскаго стража, мѣднаго огромнаго цербера (миѳическій песъ), коего три челюсти отъ прикосновенія разверзались и брякали; «чѣмъ Лжедимитрій»,—какъ сказано въ лѣтописи – «предвѣстилъ себѣ жилище въ вѣчности: адъ, тьму кромѣшную».—Царь думалъ, что это изображеніе будетъ забавлять подданныхъ, но оно соблазняло ихъ.

Лжедимитрій пренебрегалъ весьма существенными въ глазахъ народа обычаями, нарушалъ обыденные уставы царской жизни; особенно не нравилось боярамъ предпочтеніе ихъ полякамъ, съ которыми царь былъ болѣе знакомъ, чѣмъ съ другими европейцами. Русскіе того времени относились съ недовѣріемъ ко всему иностранному, не православному, не московскому... Всѣ нововведенія пугали бояръ, возбуждали недовольство ихъ противъ царя. Сильнѣе всего москвичи оскорблялись пристрастіемъ самозванца къ католичеству, принятому имъ, когда былъ въ Польшѣ, по разсчету:—для полученія помощи отъ іезуитовъ; теперь, когда самозванецъ былъ уже на Московскомъ престолѣ, любимою его мечтою было всеобщее христіанское ополченіе противъ турокъ,—ему нужно было сохранить дружескія отношенія къ папѣ, королю Сигизмунду и ко всѣмъ католическимъ державамъ. Пріязнь папы, іезуитовъ и руководимаго ими короля Сигизмунда была нужна еще и по другой причинѣ: Лжедимитрій былъ влюбленъ въ Марину Мнишекъ, которую онъ хотѣлъ видѣть въ Москвѣ, какъ можно скорѣе.

IX.

Обрученіе самозванца съ Мариной Мнишекъ.

10 ноября 1605 года въ Краковѣ состоялось обрученіе въ присутствіи польскаго короля съ большою пышностью. Посолъ, дьякъ Аѳанасій Власьевъ по грамотѣ, данной ему Лжедимитріемъ, представлялъ собою жениха. Обрученіе съ панною Мариной поручено было совершить по католическому обряду и сопровождать ее съ отцомъ въ Москву. Дьякъ Власьевъ, представляя собою жениха, не понималъ своего положенія,—онъ смѣшилъ своими выходками. На вопросъ кардинала, совершавшаго обрядъ обрученія: не давалъ-ли царь обѣщанія другой невѣстѣ? Власьевъ отвѣчалъ: «А мнѣ какъ знать? О томъ мнѣ ничего не наказано»; потомъ, когда настоятельно требовали рѣшительнаго отвѣта, сказалъ: «Еслибъ обѣщалъ другой невѣстѣ, то не послалъ бы меня сюда». Изъ уваженія къ особѣ будущей царицы Власьевъ никакъ не хотѣлъ взять Марину просто за руку, но непремѣнно хотѣлъ прежде обернуть свою руку въ чистый платокъ и всячески старался, чтобъ одежда его никакъ не прикасалась къ платью сидѣвшей подлѣ него Марины. За столомъ Власьевъ ничего не ѣлъ; король уговаривалъ его, но онъ отвѣчалъ, что холопу неприлично ѣсть при такихъ высокихъ особахъ, что съ него довольно чести смотрѣть, какъ они кушаютъ. Власьевъ съ негодованіемъ смотрѣлъ, когда Марина стала на колѣни предъ королемъ, чтобы благодарить его за всѣ милости; посолъ громко жаловался на такое униженіе будущей царицы.

Исполняя волю царя, Власьевъ требовалъ, чтобы Мнишекъ съ дочерью ѣхалъ немедленно въ Москву, но воевода медлилъ, отговариваясь разными предлогами. Лжедимитрій писалъ нѣсколько писемъ, досадовалъ на невѣсту, которая не отвѣчала на его письма. Вся обстановка дѣла указывала, что тамъ, гдѣ онъ искалъ любви, были одни корыстные виды и на него смотрѣли, какъ на средство къ достиженію извѣстныхъ корыстныхъ цѣлей: Мнишки — богатства и значенія, Сигизмундъ — униженія Московіи

передъ Польшей, а духовные и вообще католики—введенія католичества въ Московскомъ государствѣ. Наконецъ Марина выѣхала изъ Самбора съ огромною свитою родныхъ и знакомыхъ. Она переѣхала границу около 8 апрѣля. Русскіе вельможи встрѣтили ихъ. Доѣхавши до Вязьмы воевода Мнишекъ оставилъ здѣсь дочь, а самъ поспѣшилъ въ Москву, пріѣхавъ сюда 24 апрѣля 1606 года, а 2-го мая съ большою торжественностію въѣхала въ Москву Марина и остановилась въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ уже жила инокиня Марфа, будущая ея свекровь. Считаютъ, что самозванецъ издержалъ на дары Маринѣ и полякамъ до четырехъ милліоновъ рублей.

Пріѣздъ Марины съ огромною свитою поляковъ произвелъ впечатлѣніе далеко не для всѣхъ москвичей радостное. Поляковъ размѣстили по квартирамъ въ городѣ; занимали для нихъ дома не только у торговыхъ людей, но и у дворянъ и бояръ. Вторженіе въ домъ людей, различныхъ по образу жизни и нравамъ, — особенно когда изъ этихъ гостей было много наглыхъ, готовыхъ на разнаго вида своевольства и безпутства произвело на москвичей непріятное впечатлѣніе; особенно непріятно поразило москвичей, когда они увидѣли, что поляки, пріѣхавшіе въ свитѣ съ Мариною, вынимали изъ повозокъ ружья, пистолеты и сабли; иной привезъ ихъ пять—шесть. Шляхтичи смотрѣли на русскихъ высокомѣрно, они считали ихъ варварами, ниже себя по вѣрѣ и по образованію; поляки пользовались всякимъ случаемъ заявить о своемъ превосходствѣ. Они гордились тѣмъ, что дали Московской землѣ царя.

5 мая царь объявилъ своей невѣстѣ, что прежде совершенія желаннаго брака онъ намѣренъ короновать ее на царство. Чѣмъ вызывалось это неизвѣстно: честолюбіемъ-ли Марины и ея отца, или страстно влюбленный Лжедимитрій стремился всячески проявлять свою любовь къ Маринѣ. 8 мая въ четвергъ было назначено коронованіе Марины, а потомъ брачное вѣнчаніе. Съ утра всякія работы въ городѣ были прекращены. Народъ со всѣхъ сторонъ толпами валилъ къ Кремлю. Въ этотъ день, подъ пятницу, по обычаю церковному не вѣнчали, а къ тому еще это было наканунѣ праздника перенесенія мощей св. Николая,

особенно почитаемаго на Руси. Почему было допущено это нарушеніе неизвѣстно. Возможно, что окружавшіе царя тайные враги духовные и свѣтскіе, потакая его нетерпѣливости, подстрекали пренебречь обычаями, чтобы потомъ возбуждать этимъ народъ противъ царя. Несмотря на это нарушеніе обычая, бракосочетаніе торжественно состоялось съ точнымъ сохраненіемъ всѣхъ завѣтныхъ обычаевъ старинной русской свадьбы. Карамзинъ описываетъ его такъ: «7-го мая ночью невѣста изъ Вознесенскаго монастыря, при свѣтѣ двухсотъ факеловъ, въ колесницѣ, окруженной тѣлохранителями и боярскими дѣтьми, переѣхала во дворецъ, гдѣ въ слѣдующее утро совершилось обрученіе по уставу нашей церкви и древнему обычаю: невѣсту для обрученія ввели въ столовую палату княгиня Мстиславская и воевода сендомірскій. Тутъ присутствовали только ближайшіе родственники Мнишковъ и чиновники свадебные, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, дружка — братъ его и Григорій Нагой, сваха и весьма немногіе изъ бояръ. Марина усыпанная алмазами, яхонтами, была въ русскомъ красномъ бархатномъ платьѣ съ широкими рукавами и въ сафьяновыхъ сапогахъ; на головѣ ея сіялъ вѣнецъ. Въ такомъ-же платьѣ былъ и самозванецъ, также съ головы до ногъ блистая алмазами и всякими каменьями драгоцѣнными; духовникъ царскій, благовѣщенскій протоіерей, читалъ молитвы; дружка рѣзалъ каравай съ сырами и разносилъ ширинки (шелковые платки). Оттуда пошли въ Грановитую палату, гдѣ находились всѣ бояре и сановники двора, знатные ляхи и послы Сигизмундовы. Тамъ увидѣли Россіяне важную новость — два престола: одинъ для Самозванца, другой для Марины и князь Василій Шуйскій сказалъ ей: «наияснѣйшая великая государыня, цесаревна Марина Юрьевна, волею Божіею и непобѣдимаго самодержца, цесаря и великаго князя всея Россіи, ты избрана быть его супругою, садись-же на свой царскій тронъ и властвуй вмѣстѣ съ государемъ надъ нами». Она сѣла. Вельможа Михаилъ Нагой держалъ предъ ней корону Мономахову и діадему. Велѣли Маринѣ поцѣловать ихъ, а духовнику царскому нести въ храмъ Успенія, гдѣ уже все приготовили къ торжественному обряду, и куда по разостланнымъ сукнамъ и бархатамъ

вели жениха воевода сендомірскій, а невѣсту княгиня Мстиславская; впереди шли, сквозь ряды тѣлохранителей и стрѣльцовъ, стольники, стряпчіе, всѣ знатные ляхи, чиновники свадебные, князь Василій Голицынъ со скипетромъ, Басмановъ съ державою; позади бояре, люди думные, дворяне и дьяки. Народу было множество. Въ церкви Марина приложилась къ образамъ, и началось священнодѣйствіе дотолѣ безпримѣрное въ Россіи: царское вѣнчаніе невѣсты, коимъ Лжедимитрій хотѣлъ удовлетворить ея честолюбіе, возвысить ее въ глазахъ Россіянъ, и можетъ быть дать ей, въ случаѣ своей смерти и неимѣнія дѣтей, право на державство. Среди храма на возвышенномъ, такъ называемомъ чертожномъ мѣстѣ сидѣли женихъ, невѣста и патріархъ. Первый на золотомъ тронѣ персидскомъ, вторая на серебряномъ. Лжедимитрій говорилъ рѣчь, патріархъ ему отвѣтствовалъ и съ молитвою возложилъ на Марину животворящій крестъ діадему и корону (для чего сваха сняла головной уборъ невѣсты); ликъ пѣлъ многолѣтіе государю и благовѣрной цесаревѣ Маріи, которую патріархъ на литургіи украсилъ цѣпью Мономаховою, помазалъ и причастилъ.

Рис. 8. Марина Мнишекъ.

«Такимъ образомъ дочь Мнишкова, еще не будучи супругою царя, уже была вѣнчанною царицею, духовенство и бояре цѣловали ея руку съ обѣтомъ вѣрности. Наконецъ, выслали всѣхъ людей, кромѣ знатнѣйшихъ, изъ церкви, а протопопъ благовѣщенскій обвѣнчалъ растригу съ Мариною. Держа другъ друга за руку, оба въ коронахъ, царь и

царица вышли изъ храма и были громко привѣтствуемы звукомъ трубъ и литавръ, выстрѣлами пушечными, колокольнымъ звономъ, но тихо народными восклицаніями. Воевода сендомирскій и немногіе бояре обѣдали съ Лжедимитріемъ въ столовой палатѣ, но сидѣли не долго, встали и проводили его до спальни, а Мнишекъ и князь Василій Шуйскій до постели. Все утихло во дворцѣ. Москва казалась покойною; праздновали и шумѣли одни поляки въ ожиданіи брачныхъ пировъ царскихъ, новыхъ даровъ и почестей».

X.

Заговоръ противъ самозванца.—Поведеніе поляковъ.—Приведеніе заговора въ исполненіе.—Смерть самозванца.

Съ пятницы 9 мая начались въ Москвѣ торжества по случаю царской свадьбы: на улицахъ съ утра играли трубы, колотили въ бубны, звонили въ церквахъ колокола по всей Москвѣ, пушкари палили ради царской милости. Цѣлую недѣлю устраивались во дворцѣ роскошнѣйшіе пиры—лились напитки, гремѣла музыка, танцовали, гости были веселы, довольны. Въ эти веселые дни въ Москвѣ происходилъ необыкновенный шумъ. По улицамъ поляки скакали на лошадяхъ, стрѣляли изъ ружей на воздухъ, пѣли пѣсни, танцовали... Крикъ, вопль, говоръ неподобный!.. — Благочестивые москвичи негодовали на такую «бѣсовщину».

Въ то время какъ въ Москвѣ происходили брачныя торжества, а царь въ упоеніи любви и знать не хотѣлъ о какой-либо опасности, въ это время уже готовилась ему гибель.

Обаяніе самозванца, сильное вначалѣ, падало. Удивленіе, потомъ сомнѣніе и подозрѣніе перешли въ неудовольствіе,—чаша терпѣнія русскихъ людей переполнилась. Это недовольство Лжедимитріемъ началось уже давно во всѣхъ слояхъ Московскаго государства.

Вождемъ и руководителемъ недовольныхъ сталъ Василій Шуйскій, который еще въ первые дни по прибытіи въ Москву самозванца былъ изобличенъ въ подстрекательствѣ противъ Лжедимитрія приговоренъ къ смертной казни и въ тотъ моментъ, когда голова его была уже на плахѣ—былъ помилованъ и приговоренъ къ ссылкѣ, но вскорѣ возвращенъ и опять затѣмъ игралъ видную роль при дворѣ царя.

Въ домѣ Шуйскаго съ 13 на 14 мая были званые гости. Кромѣ нѣкоторыхъ бояръ и думныхъ людей единомышленниковъ, приглашены были нѣсколько сотниковъ и пятидесятниковъ изъ войска, бывшаго въ то время въ Москвѣ. Были также и пріѣзжіе торговые люди. Василій Шуйскій представилъ имъ общее дѣло въ такомъ смыслѣ: «Съ самаго начала я говорилъ, что царствуетъ у насъ не сынъ царя Ивана Васильевича, а Гришка—растрига Отрепьевъ и за то я чуть не поплатился жизнію. Меня Москва не поддержала тогда. Но пусть бы онъ былъ не настоящій, да человѣкъ хорошій, а то видите сами, до чего доходитъ.—Онъ женился на полькѣ и возложилъ на нее вѣнецъ, некрещенную ввелъ въ церковь и причастилъ. Роздалъ казну русскую польскимъ людямъ и насъ всѣхъ отдастъ имъ въ неволю. И теперь они уже дѣлаютъ что хотятъ: грабятъ насъ, ругаются надъ нами, насилуютъ, святыню оскверняютъ... Собираются за городомъ и съ оружіемъ будто на потѣху, а въ самомъ дѣлѣ затѣмъ, чтобъ насъ бояръ и думныхъ людей, извести, забрать въ свои руки столицу, а потомъ придетъ изъ Польши большое войско и поработятъ насъ и станутъ искоренять вѣру православную и разорять церкви Божіи. Если мы теперь же не срубимъ дурное дерево, то оно скоро выростетъ подъ небеса и все Московское государство пропадетъ до конца. Тогда наши малыя дѣтки въ колыбели начнутъ вопить и плакать и жаловаться къ Богу на отцовъ своихъ, что они не отвратили неминуемой бѣды. Либо намъ погубить злодѣя съ польскими людьми, либо самимъ пропадать. Теперь, пока ихъ еще не много и они помѣщены одни отъ другихъ далеко, пьянствуютъ и безчинствуютъ безконечно, теперь можно собраться въ одну ночь и загубить ихъ, такъ что они не спохватятся на

свою защиту». При этомъ Шуйскій открылся, что самозванца призналъ истиннымъ Димитріемъ только для того, чтобы освободиться отъ Годунова.

Собравшіеся на призывъ Шуйскаго сказали: «мы на все согласны—мы присягаемъ вмѣстѣ жить и умереть; назначь намъ день, когда дѣло дѣлать». Шуйскій въ отвѣтъ сказалъ: «Я для спасенія вѣры православной опять готовъ на все, лишь бы вы помогли мнѣ усердно».

Народъ уже волновался. Самозванца предостерегали даже польскіе послы, бывшіе тогда въ Москвѣ; для нихъ опасность казалась явною и они уже съ 15 на 16 мая держали свои караулы на посольскомъ дворѣ. Самозванецъ-же считалъ свою безопасность такою прочною, что думалъ по выраженію Авраамія Палицына будто «всѣхъ въ руку свою объятъ, яко яйце».

Между тѣмъ поляки помогали заговорщикамъ. Шуйскій сообразилъ заранѣе и сдѣлалъ вѣрный разсчетъ на характеръ и нравы поляковъ. Поляки при каждомъ удобномъ случаѣ продолжали выставлять свое превосходство и съ презрѣніемъ отзывались о московскихъ обычаяхъ. Получивъ отъ царя предложеніе вступить на службу съ хорошимъ жалованьемъ, они хвастались этимъ и кричали: «ваша казна вся перейдетъ въ наши руки». Другіе гордо побрякивали саблями кричали: «мы дали царя Москвѣ». Въ пьяномъ разгулѣ поляки бросались на женщинъ среди улицъ, вытаскивали ихъ изъ экипажей, даже врывались въ дома, гдѣ замѣчали красивыя лица. Всѣ эти выходки раздражали московскихъ людей, даже и не имѣвшихъ вражды къ царю, но побить поляковъ за ихъ наглости они были не прочь.

Во дворцѣ занимались дѣлами. 15 мая царь назначилъ свиданіе іезуиту Савицкому, который давно уже ждалъ этого, чтобы напомнить царю объ обѣщаніяхъ, данныхъ имъ папѣ. Лжедимитрій съ восторгомъ встрѣтилъ стараго друга, подтвердилъ, что помнитъ свои обѣщанія и готовъ исполнить ихъ. При оживленномъ разговорѣ, когда зашла рѣчь о религіи, іезуитъ Савицкій сказалъ, что присланъ выслушать приказанія царя и привести ихъ въ исполненіе. Прервавъ іезуита, самозванецъ сказалъ: «въ Москвѣ должна быть основана, и притомъ немедленно, коллегія съ уче-

ными и профессорами, выписанными изъ заграницы». Не закончивъ вопроса о религіи, самозванецъ заговорилъ о войскѣ: сто тысячъ человѣкъ,—сказалъ онъ, стоятъ подъ знаменами, готовые двинуться по мановенію его руки, но онъ еще не знаетъ, колеблется — противъ кого двинуть ихъ: противъ турокъ или противъ кого другого. Послѣ этого Лжедимитрій выражалъ обиду, что польскій король Сигизмундъ не хочетъ именовать его императорскимъ титуломъ. При этомъ Савицкій получилъ разрѣшеніе остаться въ Москвѣ и приходить къ царю, когда только нужно.

16 мая зловѣщіе слухи усилились. Тесть царя—Мнишекъ, предостерегая его, сказалъ, что вся Москва поднимается на поляковъ. Заговоръ несомнѣнно существуетъ. Царь отвѣчалъ: «удивляюсь, какъ это ваша милость дозволяете себѣ приносить такія сплетни». «Осторожность не заставитъ пожалѣть о себѣ никогда»,—сказалъ—Мнишекъ».—«Не говорите мнѣ объ этомъ, ради Бога»,—отвѣтилъ самозванецъ съ раздраженіемъ,—«мы знаемъ какъ управлять страною». Басмановъ также далъ совѣтъ принять сейчасъ-же мѣры противъ опасности. Царь не вѣрилъ и этимъ предостереженіямъ, но задумался и сказалъ: «хорошо, я сдѣлаю розыскъ; дознаемся, кто противъ меня мыслитъ зло», и отложилъ это разслѣдованіе до субботы.

Въ тотъ-же день Лжедимитрій разгнѣвался на Казанскаго митрополита Гермогена, который порицалъ его за допущеніе Марины вѣнчаться въ церкви, не принявъ прежде православной вѣры.

На 18 мая Мариною, не думавшею ни о чемъ, кромѣ удовольствій, былъ назначенъ во дворцѣ балъ. Самозванецъ въ тотъ-же день предполагалъ устроить военную потѣху. Въ полѣ, за Срѣтенскими воротами, приготовлялся деревянный, укрѣпленный валомъ городокъ, который предполагалось брать приступомъ. Нѣсколько пушекъ были отправлены туда изъ Кремля. Заговорщики воспользовались этими приготовленіями; они распустили слухъ, что царь во время потѣхи хочетъ истребить всѣхъ бояръ. Говорилось, что двадцать главныхъ бояръ должны быть убиты во время этой шумной потѣхи, а остальныхъ бояръ и лучшихъ

московскихъ людей будто-бы предполагалось отправить плѣнниками къ польскому королю. Такіе слухи подтверждались тѣмъ, что поляки запасались порохомъ. Эти разговоры произвели страшное волненіе, и участь самозванца была рѣшена.

Заговорщики не спали. Въ пятницу—въ ночь съ 16 на 17 мая, въ Москву вошелъ семнадцатитысячный отрядъ войска, который занялъ двѣнадцать воротъ въ Кремлѣ и никого не пропускалъ ни туда, ни оттуда. Отрядъ нѣмцевъ, находившійся обыкновенно при дворцѣ на стражѣ по сту человѣкъ, былъ именемъ царя, распущенъ по домамъ; для охраны оставалось при дворцѣ только тридцать алебардщиковъ.

Во дворцѣ спали. Спали также и гости — поляки, утомленные обычными ночными забавами; домà, гдѣ они жили, были отмѣчены заговорщиками.

Въ четыре часа ударили въ набатъ въ церкви пророка Ильи на Ильинкѣ и набатный звонъ распространился скоро по всѣмъ московскимъ церквамъ.

Бѣжали толпы народа, а среди толпы и преступники, выпущенные изъ тюремъ, вооруженные чѣмъ попало. Что за тревога? — кричалъ народъ, а заговорщики говорили народу: «Поляки собираются убить царя и бояръ, — идите бить поляковъ». Народъ бросался въ разныя стороны, одни думая, что дѣйствительно надо защищать царя, другіе же изъ ненависти къ полякамъ, а иные просто, по привычкѣ, пользовались случаемъ пограбить. Шуйскій-же, давъ такимъ порядкомъ нарядъ толпѣ, не ожидая, пока соберется очень много народу на Красной площади, сопровождаемый приближенными заговорщиками, въѣхалъ въ Кремль чрезъ Спасскія ворота, держа въ одной рукѣ мечъ, а въ другой крестъ. По выходѣ изъ Успенскаго собора, гдѣ Шуйскій помолился, онъ сказалъ сопровождавшимъ его, «во имя Божіе идите на злого еретика».

Въ виды Шуйскаго не входило истребленіе поляковъ-гостей, онъ направилъ народъ на нихъ для того лишь, чтобы отвлечь его отъ подачи помощи царю въ Кремлѣ.

Набатный звонъ и необыкновенные крики въ часъ ранняго утра разбудили царя. Поспѣшно вскочивъ, онъ

вышелъ въ сѣни и встрѣтилъ здѣсь одного изъ заговорщиковъ, который, на вопросъ царя: «что это за звонъ» — отвѣчалъ: «Пожаръ въ городѣ». Но звонъ, шумъ и

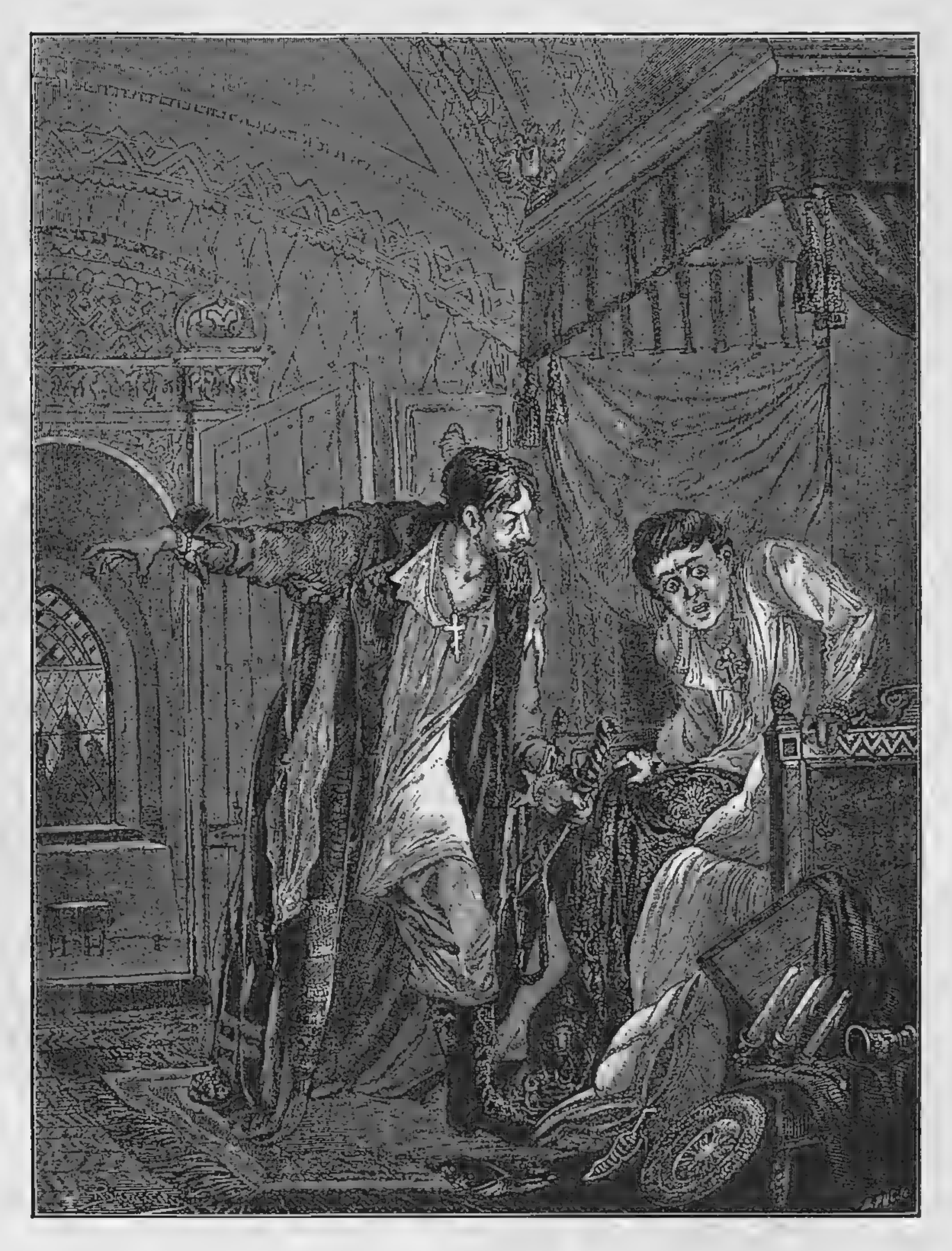

Рис. 9. Послѣднее утро самозванца.

крики приближавшейся толпы убѣждали, что это не пожаръ. Царь послалъ Басманова узнать о причинѣ смятенія. Басмановъ, открывъ окно, увидѣлъ разъяренную, вооруженную толпу, которая бѣжала и уже наполняла

дворъ. На вопросъ Басманова «что имъ нужно» — толпа отвѣтила неприличнымъ ругательствомъ и крикомъ «выдать самозванца». Басмановъ бросился къ Лжедимитрію и кричалъ: «Ахти мнѣ, государь, ты самъ виноватъ, не вѣрилъ,—бояре и народъ идутъ на тебя». Алебардщики оробѣли и пропустили одного изъ заговорщиковъ въ царскую спальню, который прокричалъ: «ну, безвременный царь. Проспался-ли? — Выходи давать отвѣтъ людямъ».. Басмановъ царскимъ палашемъ разрубилъ голову крикуну. Въ это время вошли бояре. Басмановъ подошелъ къ нимъ и упрашивалъ не выдавать Лжедимитрія народу, но въ отвѣтъ ударъ ножа въ сердце сразилъ Басманова и трупъ его былъ выброшенъ на показъ народу. Кровь Басманова опьянила толпу. Лжедимитрій, пріоткрывши дверь, сталъ махать по сторонамъ алебардою. кричалъ: я вамъ не Годуновъ! но выстрѣлы заставили его убраться. Дверь закрылась; натисками и ударами топоровъ дверь была выломана. Понявъ неминуемую опасность, Лжедимитрій метался изъ комнаты въ комнату. Кинувшись въ покои жены, онъ успѣлъ крикнуть: «Мое сердце, зрада (измѣна!). Пробравшись въ каменный дворецъ, Лжедимитрій прыгнулъ изъ окна со значительной высоты; вывихнулъ ногу и разбивъ грудь, лишился чувствъ. Перепуганная Марина спустилась первоначально въ подвалъ, а потомъ опять прошла на верхъ неузнанною среди бушевавшей толпы. Но только успѣла она пройти въ свою комнату, какъ заговорщики показались у дверей. Слуга Марины, долго сдерживая натискъ толпы, палъ подъ ударами ея, а Марина, благодаря небольшому росту, въ это время имѣла возможность спрятаться подъ юбку находившейся здѣсь среди другихъ женщинъ своей полнотѣлой приближенной. На вопросъ ругавшейся толпы: «гдѣ царь и царица»,—имъ отвѣчали, что о царѣ не знаютъ, а царицу отправили въ домъ ея отца.

Въ это время прибыли бояре-главари заговора; они прекратили уже происходившія здѣсь отвратительныя сцены грабежа и безчинства. Бояре приказали всѣмъ женщинамъ идти за ними, отвели ихъ въ особый покой и приставили стражу.

Въ это время раздались крики: «нашли, нашли еретика»!

Стрѣльцы, стоявшіе на караулѣ вблизи мѣста, гдѣ упалъ Лжедимитрій, услыхали стонъ раненаго, въ которомъ узнали царя, отлили его водою и отнесли на каменный фундаментъ сломаннаго по приказанію Лжедимитрія Борисова деревяннаго дома, въ которомъ, безъ малаго годъ назадъ, не вымолили себѣ жизни Борисова жена и его сынъ. Здѣсь пришлось самозванцу бороться со смертію и выпрашивать себѣ защиты и пощады. Придя въ себя, Лжедимитрій упрашивалъ стрѣльцовъ принять его сторону, обѣщая въ награду женъ и имѣніе измѣнниковъ—бояръ. Стрѣльцы обѣщали.

Заговорщики, найдя слѣдъ пропавшей было для нихъ жертвы, бросились туда. Стрѣльцы закрыли своего царя, стали въ строй и дали залпъ. Заговорщики готовы были разбѣжаться. Василій Шуйскій остановилъ ихъ: «Развѣ вы думаете, что спасетесь»—говорилъ онъ, «это не таковскій человѣкъ, чтобы забылъ обиду. Дайте ему волю, такъ онъ запоетъ иную пѣсню: онъ передъ своими глазами всѣхъ васъ замучитъ. Это не простой воръ—это змій свирѣпый. Задушите его, пока онъ еще въ ямѣ, а какъ выползетъ, то намъ горе, и женамъ нашимъ и дѣтямъ». Заговорщики опять приступили, но стрѣльцы приложились къ ружьямъ. Послѣ этого заговорщики закричали: «когда такъ, пойдемъ въ стрѣлецкую слободу и истребимъ ихъ женъ и дѣтей, если они не хотятъ выдать намъ измѣнника, плута, обманщика... и повернулись, дѣлая видъ, что спѣшатъ въ стрѣлецкую слободу. Любовь къ своимъ женамъ и дѣтямъ пересилила приманки, обѣщанныя Лжедимитріемъ. Стрѣльцы разступились и оставили царя. Они смутились и сказали боярамъ: «Спросимъ царицу; если она скажетъ, что это прямой ея сынъ, то мы всѣ за него помремъ; если же скажетъ, что онъ не сынъ ей, то Богъ въ немъ воленъ».

Въ ожиданіи отвѣта отъ царицы Марфы, заговорщики издѣвались надъ безпомощнымъ Лжедимитріемъ. Наконецъ пришелъ князь Иванъ Голицынъ и сказалъ, что онъ былъ у царицы Марфы, спрашивалъ ее и «она говоритъ, что сынъ ея убитъ въ Угличѣ, а это самозванецъ; она признала его по неволѣ, страшась смерти. Послѣ этого раздались въ толпѣ крики: «Бей, руби его!» Въ это время

одинъ изъ заговорщиковъ выстрѣлилъ въ Лжедимитрія, сказавъ: «что толковать съ еретикомъ; вотъ я благословлю польскаго свистуна».—Другіе такъ обезобразили трупъ, что трудно было узнать знакомыя черты. Его потащили на Красную площадь; туда-же притащили и тѣло Басманова; здѣсь оба трупа лежали три дня. Толпа потѣшалась надъ ними, наносили удары даже мертвому «еретику», какимъ считали его по внушенію Шуйскаго съ соумышленниками. Тѣло Басманова было похоронено родственниками у Николы Мокраго. Трупъ-же самозванца отвезли къ дому призрѣнія убогихъ, за Серпуховскими воротами. Пошли разные слухи, что надъ могилою творится что-то невѣроятное; между прочимъ говорили, что морозы въ маѣ стоятъ, благодаря волшебству растриги. «Пока тѣло его не будетъ уничтожено, не избыть бѣдѣ Московской землѣ», говорили въ Москвѣ.

Несчастное тѣло черезъ четыре дня вырыли и сожгли, тамъ же за Серпуховскими воротами, на мѣстѣ „Котлы“; потомъ собрали пепелъ, всыпали въ пушку и выстрѣлили въ ту сторону, откуда Лжедимитрій пришелъ въ Москву. «Теперь, говорили москвичи, онъ не встанетъ и не надѣлаетъ намъ бѣды».

Но какъ горько ошиблись московскіе люди.

XI.

Избраніе на царство Василія Шуйскаго.—Начало его царствованія.—Слухи о второмъ самозванцѣ.—Поиски второго самозванца. — Болотниковъ въ роли самозванца. — Борьба Шуйскаго съ Болотниковымъ.

По низверженіи самозванца бояре думали, какъ-бы сговориться со всей землей и вызвать въ Москву изъ городовъ всякихъ людей, чтобы «по совѣту выбрать государя такого, который бы всѣмъ былъ любъ». Но князь Василій Шуйскій не надѣясь на избраніе выборными отъ всего государства, посовѣтовалъ обойтись безъ земскаго собора.

Со времени убіенія Лжедимитрія прошло два дня. Рано утромъ 19 мая купцы, разносчики, ремесленники толпились на Красной площади; пришли туда и бояре, чины придворные и духовенство. Въ числѣ собравшихся на Красной площади, у Лобнаго мѣста стояли единомышленники Шуйскаго.

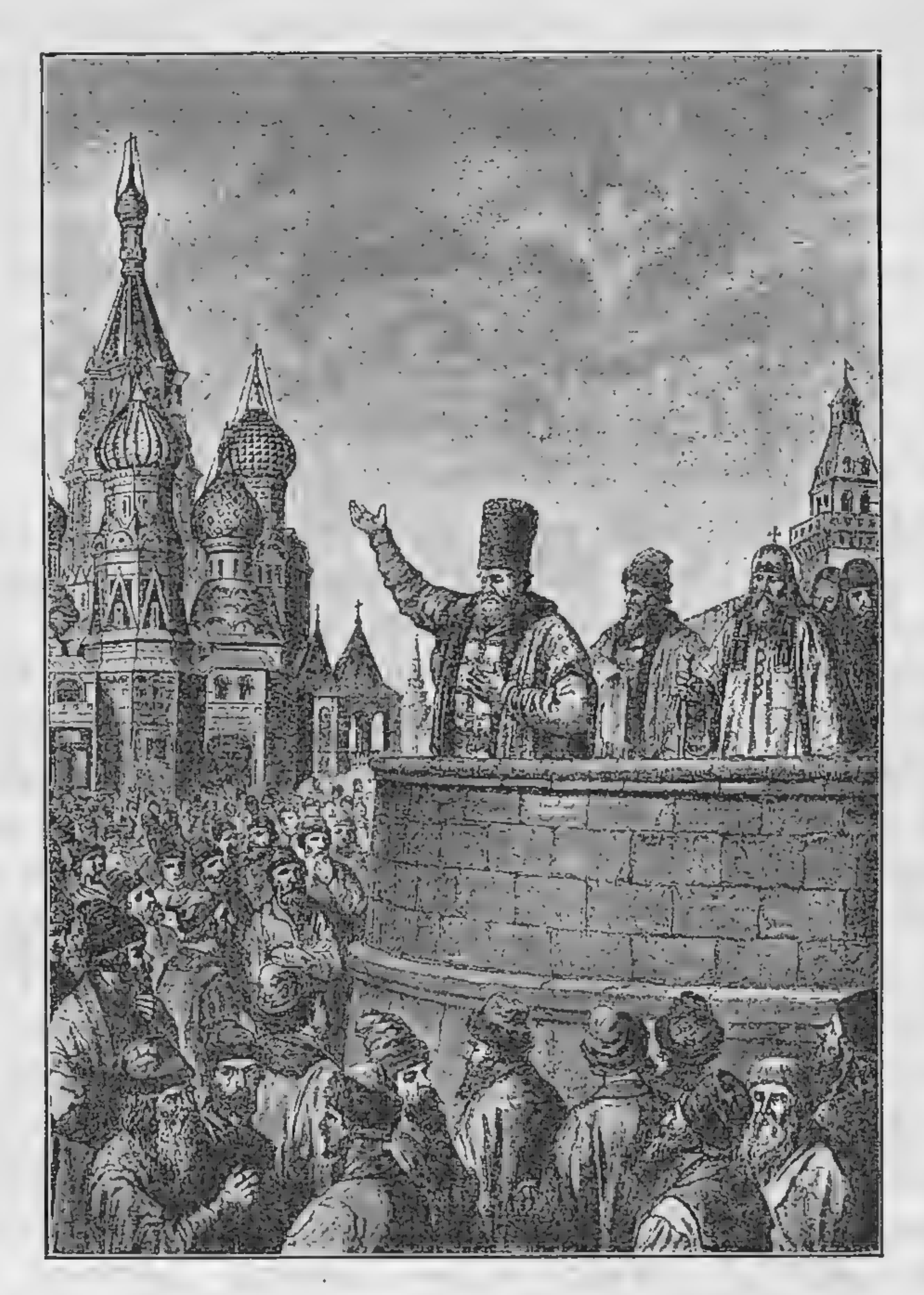

Рис. 10. Князь Василій Скопинъ-Шуйскій на лобномъ мѣстѣ.

Разговоръ начали бояре съ того, что вмѣсто патріарха Игнатія, ставленника растриги, нужно избрать другого; но въ толпѣ раздались голоса, что царь нужнѣе патріарха; невозможно намъ оставаться безъ царя. «Благородный князь Василій Ивановичъ Шуйскій избавилъ насъ, при Божіей помощи, отъ прелести вражіей и отъ власти

богопроклятаго еретика, растриги; онъ едва было не пострадалъ отъ сего плотояднаго медвѣдя; онъ живота своего не щадилъ за избавленіе Московскаго царствія. Пусть онъ будетъ царемъ нашимъ. Онъ отрасль благороднаго кореня царскаго, родъ его отъ Александра Невскаго. Да вручится ему царство россійскаго скипетродержавія»!

Толпа зашумѣла, закричала: «Пусть царствуетъ надъ нами благородный князь Василій Ивановичъ!» Этому провозглашенію толпы, только что заявившей себя истребленіемъ Лжедимитрія, никто не рѣшился противодѣйствовать, — всѣ согласились съ этимъ избраніемъ и стали поздравлять находившагося тутъ-же новаго царя. Немедленно по избраніи онъ пошелъ въ Успенскій соборъ и цѣловалъ крестъ на томъ, что онъ не станетъ никому мстить за прошлое и не станетъ никого судить и наказывать безъ боярскаго приговора.

На слѣдующій день по городамъ были разосланы извѣстительныя грамоты о низложеніи самозванца и о воцареніи Василія Ивановича Шуйскаго.

Избраніе Шуйскаго его приверженцами значительно осложнило тѣ междоусобицы, которыя вскорѣ начались. Въ избраніи его не участвовали даже многіе знатные бояре, бывшіе въ отсутствіи. Москва не видѣла ни празднествъ, ни торжественныхъ церемоній по случаю вѣнчанія на царство новаго царя. Люди умѣренные молчали, не питая сочувствія ни къ низложенію Лжедимитрія, ни къ выбору Шуйскаго. Но для существовавшей уже партіи людей, озлобленныхъ выборомъ Шуйскаго, для произвола людей безпокойныхъ открылось широкое поприще.

Царь Василій Шуйскій, старикъ лѣтъ за пятьдесятъ, маленькій, некрасивый съ подслѣповатыми глазами, по словамъ однихъ умный, а по словамъ другихъ, только хитрый и очень скупой, любилъ нашептыванія и доносы, вѣрилъ въ силу чародѣйства.

Вскорѣ послѣ вѣнчанія на царство, Василій Шуйскій, собравъ духовенство, предложилъ избрать патріарха.

25 мая соборомъ епископовъ былъ избранъ въ патріархи Гермогенъ, митрополитъ Казанскій, человѣкъ характера твердаго, готовый страдать за свои убѣжденія, за правду

и неприкосновенность ввѣреннаго ему дѣла; онъ былъ извѣстенъ какъ ревнитель старины и не любилъ иностранцевъ; онъ обладалъ тѣми именно качествами, которыя были необходимы въ то наступавшее бурное, смутное время.

Хотя патріархъ Гермогенъ по убѣжденіямъ своимъ и готовъ былъ защищать Василія Шуйскаго, какъ царя

Рис. 11. Царь Василій Шуйскій.

вѣнчаннаго, но отношенія между новымъ патріархомъ и царемъ не были дружественными.

Среди бояръ у Шуйскаго было много враговъ; они завидовали его возвышенію, считая себя имѣющими не менѣе правъ на престолъ по своему происхожденію. Нѣкоторые изъ бояръ оставались сторонниками Лжедимитрія; за это они подверглись опалѣ новаго правительства и были отправлены въ разные, большею частью отдаленные

города и области, въ качествѣ правителей. Они готовы были принять самое дѣятельное участіе въ возмущеніи противъ враждебнаго имъ правительства.

Разсылаемыми грамотами отъ своего имени, отъ имени бояръ и наконецъ отъ имени царицы—инокини Марфы, Шуйскій силился умиротворить народъ, взволнованный недавними смутами, но это желанное спокойствіе не наступало; народъ потерялъ довѣріе къ центру власти—Москвѣ, къ которой тянули всѣ области; колебаніе вѣры породило суевѣріе; вѣрили всему и всѣмъ, особенно когда стали пріѣзжать изъ Москвы въ области люди, недовольные переворотомъ, которые разсказывали, что дѣло было вовсе не такъ, какъ оповѣщено въ грамотахъ, что царь Димитрій спасся и бѣжалъ.

Слухъ о второмъ самозванцѣ получилъ начало сряду послѣ 17 мая, когда заговорщики были заняты истребленіемъ самозванца и поляковъ. Въ это время Михаилъ Молчановъ, одинъ изъ убійцъ Ѳедора Годунова, скрылся изъ Москвы. Сопровождаемый двумя поляками, Молчановъ, идя къ литовской границѣ, распускалъ вездѣ слухъ, что онъ царь Димитрій, спасается изъ Москвы, что вмѣсто его убили другого человѣка. Этотъ слухъ скоро пришелъ и въ Москву.

Съ цѣлью успокоенія населенія, были перенесены изъ Углича въ Москву мощи царевича Димитрія и былъ установленъ церковный праздникъ въ честь его.

Смута находила себѣ почву. Въ то же время, какъ бѣжалъ Молчановъ, князь Григорій Шаховской, преслѣдуя ту же цѣль, унесъ изъ дворца государственную печать, вещь важную при выполненіи созрѣвшихъ уже въ его головѣ замысловъ. За преданность Лжедимитрію Шуйскій послалъ его въ Путивль. Въ путивлѣ Шаховской объявилъ жителямъ, что царь Димитрій живъ. Путивльцы возстали противъ Шуйскаго, а за ними и другіе сѣверскіе города. Волненія начались и въ Москвѣ, и хотя имя Димитрія не произносилось открыто, но уже не разъ возникали нелѣпые слухи о разрѣшеніи его именемъ грабить дома иностранцевъ и бояръ. Шаховской звалъ къ себѣ въ Путивль Молчанова; Молчановъ не хотѣлъ самъ играть самозванца, а нашелъ Болотникова, человѣка, обладав-

шаго отвагой и богатырскимъ тѣлосложеніемъ: въ молодости онъ былъ взятъ въ плѣнъ татарами и проданъ туркамъ; нѣсколько лѣтъ былъ галернымъ невольникомъ; освобожденный, попалъ въ Венецію, а отсюда на родину черезъ Польшу. Его, какъ русскаго, схватили и доставили къ Молчанову, которому Болотниковъ былъ вполнѣ подходящимъ человѣкомъ.

Молчановъ, наградивъ Болотникова деньгами, отправилъ его въ Путивль къ Шаховскому. Шаховской принялъ его съ почетомъ, какъ царскаго посланника и поручилъ ему начальство надъ войскомъ. Болотниковъ тотчасъ-же увеличилъ дружину и упрочилъ дѣло будущаго самозванца. На обѣщанія войску богатствъ, почестей, подъ знамена «Димитрія» собрались разбойники, воры, бѣглые холопы и крестьяне, казаки и всякій сбродъ.

Грамоты изъ Украйны появились на московскихъ улицахъ; въ нихъ упрекали москвичей въ неблагодарности къ Димитрію, спасшемуся отъ ихъ ударовъ и грозили возвращеніемъ его, для наказанія столицы, не позже 1-го сентября.

Прежде какихъ либо военныхъ дѣйствій въ Сѣверской Украйнѣ Шуйскій пробовалъ прекратить тамъ возстаніе религіозными средствами; онъ послалъ туда духовенство съ увѣщаніями, но это средство не помогло. Бояринъ князь Воротынскій осадилъ Елецъ, князь Юрій Трубецкой Кромы; но на выручку Кромъ явился Болотниковъ съ 1300 человѣкъ и разбилъ Трубецкого съ 5000 человѣкъ царскаго войска на голову. Московское войско и безъ того не усердствовало Шуйскому; оно было ослаблено нравственно, а при шатаніи умовъ въ московскомъ государствѣ вообще, пораженіе царскихъ войскъ Болотниковымъ увлекало толпу, жаждавшую опереться на что нибудь положительное.

Какъ только узнали, что царское войско отступило, возстаніе на югѣ сдѣлалось повсемѣстнымъ. Боярскій сынъ, сотникъ Истома Пашковъ возмутилъ Тулу, Веневъ и Каширу. За Тулой, во имя Лжедимитрія, поднялась Рязанская земля, имѣя во главѣ возстанія воеводу Сумбулова и дворянина Прокопія Ляпунова. Кромѣ Рязани, двадцать городовъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ Орловской,

Калужской и Смоленской приняли сторону Лжедимитрія; заволновалась земля Вятская и Пермская; возмутившаяся мордва осадила Нижній Новгородъ.

Мятежъ охватилъ Московское государство быстро, какъ пожаръ. Въ Новгородѣ хотя и не было явнаго отпаденія отъ Шуйскаго, но и тамъ не могли собрать ратной силы. Во Псковѣ правилъ Шереметевъ; распоряжаясь своевольно достояніемъ жителей, онъ возбудилъ населеніе противъ себя и царя; въ пригородахъ Пскова явились измѣнники— тамошніе стрѣльцы и провозгласили царемъ самозванца.

Разбѣгавшіеся ратные люди, уходя каждый въ свою сторону, разносили вѣсти объ успѣхахъ того, кто назывался Димитріемъ, спасеннымъ въ другой разъ, и также дѣлались невольными возмутителями, а другіе умышленно волновали народъ. Холопы, крестьяне соблазнялись возможностію пограбить, пожить на чужой счетъ; они вооружась дубьемъ и косами, спѣшили въ полчище Болотникова. Болотниковъ, соединясь съ Пашковымъ и рязанцами, взялъ Коломну, затѣмъ полчища двинулись къ Москвѣ; въ семидесяти верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Троицкомъ, они были встрѣчены московскимъ войскомъ подъ начальствомъ Мстиславскаго. Болотниковъ разбилъ эту рать и дошелъ до села Коломенскаго, въ семи верстахъ отъ Москвы. Казалось, конецъ былъ царствованію Шуйскаго; при нерасположеніи къ нему многихъ, онъ мало имѣлъ средствъ къ защитѣ. Плоха была надежда на остатки полковъ, разбитыхъ Болотниковымъ; области кругомъ на юго-востокѣ и западѣ признавали Лжедимитрія: цѣны на хлѣбъ въ Москвѣ поднялись.

Болотниковъ построилъ острогъ и укрѣпилъ его деревянными стѣнами и валомъ. Грамотами по Москвѣ и другимъ городамъ онъ возбуждалъ бѣдныхъ противъ богатыхъ и знатныхъ, слабыхъ противъ сильныхъ. Москвичи послали къ Болотникову выборныхъ, чтобы онъ показалъ имъ Димитрія; — если онъ дѣйствительно живъ, то всѣ они придутъ къ нему, упадутъ въ ноги и поцѣлуютъ крестъ служить ему. «Я самъ видѣлъ его въ Польшѣ», говорилъ Болотниковъ. «А, можетъ быть это другой?» сказали москвичи. Того, кто выдавалъ себя за Димитрія, убили въ Москвѣ». Ушли москвичи ни съ чѣмъ.

Болотниковъ-же въ это время писалъ Шаховскому въ Путивль: «посылай, князь, скорѣе въ Польшу, — пусть царь Димитрій ѣдетъ скорѣе»... Но желанный и дѣйствительно многими любимый Димитрій не являлся.

Болотникову скоро пришлось убѣдиться, что средство возбужденія однихъ противъ другихъ неудобное: хотя оно дало ему силу, но оно же и подорвало его. Дворяне и дѣти боярскіе въ разныхъ городахъ, не зная достовѣрно о смерти Димитрія, возстали при его имени и готовы были идти за него, какъ щедраго и милостиваго, потому что надѣялись наградъ за услуги, а теперь они видятъ, что его именемъ возбуждаютъ противъ нихъ слугъ, крестьянъ и холопей. Москва больше другихъ городовъ имѣла побужденіе не поддаваться Болотникову; тамъ жили бояре, дьяки, окольничьи, знатные люди, которыхъ Болотниковъ грозилъ перебить или обратить въ простолюдиновъ; въ Москвѣ жили богатые торговцы и промышленники, достояніе которыхъ заранѣе отдавалось въ дѣлежъ неимущимъ. Все это дѣлалось именемъ Димитрія, но было не похоже на него: его знали, какъ покровителя промысловъ, торговли, зажиточности и роскоши.

Рязанскіе и тульскіе дворяне, дружины Ляпунова и Сумбулова, соединившись съ Болотниковымъ, теперь увидѣли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло; царь не показывался; породилось сомнѣніе въ томъ, что онъ спасенъ, а тутъ грозитъ переворотъ русской землѣ. Избравъ изъ двухъ золъ меньшее, рѣшили пойти съ повинною къ Шуйскому, увѣренные въ прощеніи и милости. Въ это время такой-же счастливый оборотъ дѣла для Шуйскаго получился и въ Твери. Здѣсь архіепископъ Ѳеоктистъ сталъ во главѣ населенія и когда толпа приверженцевъ самозванца появилась въ Тверскомъ уѣздѣ, онъ воодушевилъ населеніе и выяснилъ, что наступаютъ хищники; жители встрѣтили ихъ съ оружіемъ въ рукахъ и прогнали. Примѣру Твери послѣдовали и другіе города Тверской области. Тоже сдѣлало населеніе города Смоленска. Служилые люди этихъ городовъ отправились помогать Шуйскому.

Шуйскій ободрился; онъ пробовалъ уговорить Болотникова отстать отъ самозванца, но Болотниковъ, не

польстясь обѣщаніемъ царя дать ему значительный чинъ, отвѣчалъ: « Я далъ душу свою Димитрію и сдержу клятву, буду въ Москвѣ не измѣнникомъ, а побѣдителемъ».

Шуйскій рѣшилъ прогнать мятежниковъ. Царское войско подъ начальствомъ Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго—племянника царя, храбро вступило въ бой и разбило мятежниковъ у деревни Котлы. Болотниковъ бѣжалъ, засѣлъ сначала въ Коломенскомъ, пробовалъ удержаться въ ожиданіи Лжедимитрія въ Серпуховѣ, но тѣснимый царскимъ войскомъ, засѣлъ уже въ Калугѣ. При такихъ успѣхахъ дѣло царя Шуйскаго все же не было благопріятнымъ. Въ Сѣверской землѣ (нынѣшнія губерніи Орловская, Воронежская, Калужская, Тульская) кипѣло возбужденіе противъ московскихъ порядковъ. По сосѣдству съ украинскими городами жили съ одной стороны донскіе, а съ другой днѣпровскіе казаки. Для многихъ изъ нихъ стать подъ знамя мятежника, въ родѣ Болотникова, было заманчиво: пожить на счетъ старой Руси; тѣ и другіе готовы были по первому знаку двинуться къ сѣверу, стать заодно съ украинскими городами, чтобы начать смуту.

Шуйскій не сосредоточилъ всѣхъ войскъ подъ Калугою, чтобы уничтожить Болотникова, а отправилъ лишь свѣжія ратныя силы подъ Калугу; другіе отряды пошли для усмиренія украинскихъ городовъ, въ которыхъ вездѣ царское войско встрѣчало сопротивленіе и было отбиваемо. Подъ Калугою также приступы царскихъ силъ не удавались. Болотниковъ выдерживалъ осаду цѣлую зиму. Шаховской изъ Путивля послалъ ему на выручку отрядъ, но этотъ отрядъ, послѣ кровавой сѣчи палъ въ битвѣ, а оставшіеся сѣли на бочки съ порохомъ, сами зажгли ихъ и взлетѣли на воздухъ.

Шуйскій видѣлъ, что не представлялось возможности взять Болотникова въ Калугѣ, въ другихъ мѣстахъ дѣла шли тоже неудачно, а мятежъ усиливался.

Болотникова хуже всякой битвы тяготило то, что Лжедимитрія, котораго онъ ждалъ, не было. Напрасно и Шаховской писалъ къ Молчанову, чтобы тотъ скорѣе ѣхалъ въ Москву; тотъ, понабравши денегъ, которыя жертвовали ему для предпріятія, разсудилъ, что выгоднѣе избѣжать опасности, пересталъ именоваться Димитріемъ и остался

до поры до времени жить въ Польшѣ зажиточнымъ господиномъ.

Между тѣмъ «Димитрій» былъ необходимъ для поддержанія смуты въ Московскомъ государствѣ; не найдя Лжедимитрія, Шаховской отправился разыскивать Лжепетра. Въ царствованіе Лжедимитрія Перваго, среди терскихъ казаковъ появился самозванецъ подъ именемъ небывалаго царевича Петра. Казаки разсказывали, что у царя Ѳеодора Ивановича родился сынъ Петръ, котораго бояре подмѣнили дочерью и тайно выростили, опасаясь Бориса Годунова. Имя такого царевича Петра принялъ на себя молодой казакъ Илейка. По письму, въ которомъ этотъ Петръ называлъ Лжедимитрія дядею, онъ былъ приглашенъ въ Москву, но въ пути Лжепетръ былъ встрѣченъ извѣстіемъ, что его мнимый дядя погибъ. Лжепетръ вернулся со своими казаками на Донъ. Здѣсь нашли его посланные отъ Шаховскаго.

Во главѣ десяти тысячъ терскихъ, донскихъ, волжскихъ и запорожскихъ казаковъ Лжепетръ явился въ Путивль къ Шаховскому; отсюда они направились въ Тулу, отдѣливъ часть силъ на помощь Болотникову въ Калугу; при ихъ помощи Болотниковъ прорвался и ушелъ тоже въ Тулу.

Царскія войска оцѣпили Тулу; тамъ теперь засѣли всѣ вожаки мятежниковъ: Болотниковъ, Лжепетръ и Шаховской съ двадцатью тысячами войска.

Изъ Тулы опять были посланы гонцы въ Польшу къ друзьямъ Мнишка, съ просьбою немедленно прислать какого нибудь Лжедимитрія «только избавьте насъ отъ Шуйскаго». «Отъ границы до Москвы все наше,—придите и возьмите»,—писалось въ письмахъ съ гонцами, но Лжедимитрій все не являлся. А Тула должна была сдаться. По совѣту боярскаго сына Кравкова была запружена рѣка Упа, воды которой, поднимаясь, затопили весь городъ. Вожаки мятежниковъ были взяты: Илейка повѣшенъ, Болотникова сослали въ Каргополь и тамъ утопили, а Шаховскаго сослали въ Каменскую пустынь, на Кубенскомъ озерѣ.

Казалось-бы, съ уничтоженіемъ зачинщиковъ и вожаковъ, окраины Московскаго государства должны были

успокоиться, а между тѣмъ случилось наоборотъ, — смута еще больше увеличилась. Послѣ Петра стали появляться самозванцы съ именами такихъ царевичей, какихъ и не бывало: въ Астрахани появился царевичъ Августъ, кто-то назвался Иваномъ Ивановичемъ — сыномъ царя Ивана

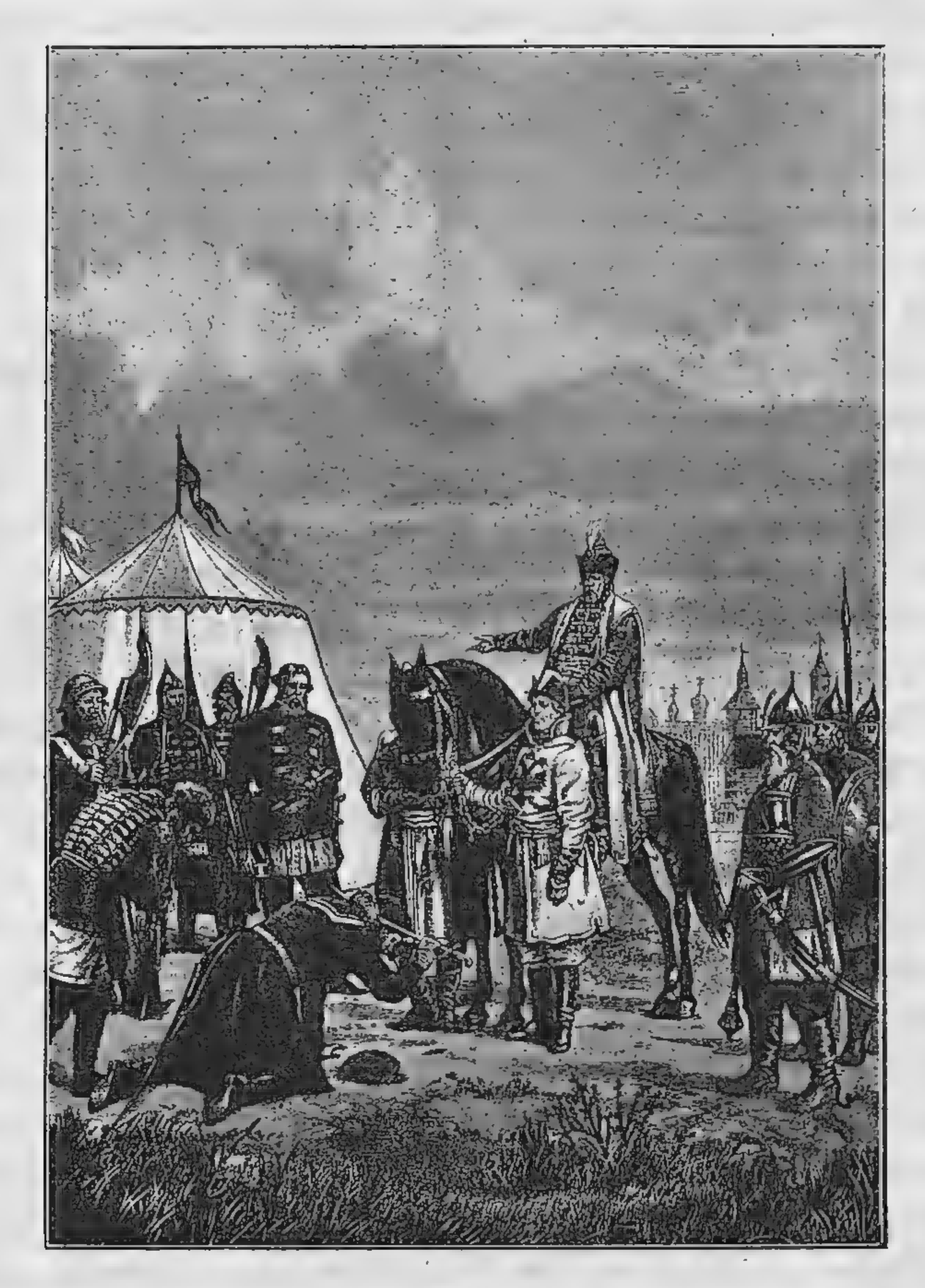

Рис. 12. Болотниковъ предъ царемъ Василіемъ Шуйскимъ въ станѣ подъ Тулой (1607 г.).

Грознаго; потомъ тамъ-же явился царевичъ Лаврентій, назвавшійся сыномъ убитаго Грознымъ царевича Ивана Ивановича, а затѣмъ появлялись среди казаковъ, какъ призраки, царевичи: Ѳеодоръ, Ерофей, Клементій, Савелій, Семенъ, Василій, Гаврила, Мартинъ, и всѣ они называли себя сыновьями Ѳеодора Ивановича.

XII.

Появленіе второго самозванца. Его войско. Движеніе къ Москвѣ.

На бѣду Шуйскаго и на долгія страданія Московскому государству появился долго жданный Димитрій. Шуйскій зналъ объ этомъ, находясь еще подъ Тулою. Что это за человѣкъ, никто не могъ сказать навѣрное: одни говорили, что это былъ поповъ сынъ, Матвѣй Веревкинъ— изъ Сѣверской земли; другіе, что это поповичъ изъ Москвы; иные называли его сыномъ князя Курбскаго; иные дьякомъ, школьнымъ учителемъ, жидомъ; иные — сыномъ стародубскаго служилаго человѣка.

Второй самозванецъ, извѣстный въ русской исторіи подъ названіемъ Тушинскаго вора, впервые появился въ мѣстечкѣ Пропойскѣ въ Бѣлоруссіи, входившей въ составъ польскаго государства. Тамъ сочли его шпіономъ, задержали и посадили въ тюрьму; чтобы избавиться отъ тюрьмы самозванецъ объявилъ, что онъ московскій бояринъ Нагой, дядя царя Димитрія. Пропойскій подстароста извѣстилъ объ этомъ старосту, который приказалъ отпустить задержаннаго и проводить его въ Московское государство. Тутъ пристали къ нему двое молодцовъ —Грицько и Рагозинскій и провели мнимаго Нагого въ мѣстечко Попову гору. Тамъ всѣ толковали, что Димитрій живъ и какъ только узнали, что пришелъ Нагой—дядя его, стали его распрашивать о Димитріѣ; мнимый Нагой увѣрялъ, что Димитрій живъ и скоро придетъ изъ Польши. Изъ Поповой горы мнимый Нагой пробрался въ Стародубъ; отсюда онъ отправилъ товарища своего Александра Рукина, назвавшагося московскимъ подъячимъ, въ сѣверскіе города, по которымъ онъ разглашалъ, что царь Димитрій живъ и находится въ Стародубѣ. Жители города Путивля приняли къ сердцу эти рѣчи Рукина и послали съ нимъ въ Стародубъ нѣсколькихъ боярскихъ дѣтей, чтобы онъ показалъ имъ царя Димитрія, причемъ пригрозили ему пыткой, если показаніе его окажется ложнымъ. Въ Старо-

дубѣ толпа жителей съ пришедшими изъ Путивля приступила къ названному Нагому: «Гдѣ-же Димитрій, почему не приходитъ»?—Нагой на всѣ вопросы и угрозы пыткою отвѣчалъ: «Не знаю». Послѣ этого стародубцы и путивляне принялись за Рукина—стали полосовать ему спину кнутомъ, приговаривая: «Говори, гдѣ Димитрій»?—Нестерпя мукъ, Рукинъ закричалъ: «Смилуйтесь, ради Николы Чудотворца,—я покажу вамъ Димитрія»... Его освободили, тогда онъ, указывая на Нагого, сказалъ: «Вотъ Димитрій Ивановичъ. Онъ предъ вами и смотритъ, какъ вы меня мучите... Онъ для того не объявился сразу, чтобы узнать: рады-ли вы будете его приходу».

Новопоказанному Димитрію оставалось или назваться этимъ именемъ или подвергнуться пыткѣ. Принявъ повелительную позу, онъ грозно махнулъ палкою и сказалъ: «Вы все еще меня не знаете, — я государь»! Сказано это было такъ рѣшительно, что стародубцы перепугались, упали къ ногамъ его и закричали: «виноваты государь передъ тобой,—не узнали тебя. Помилуй насъ»! Его повели съ колокольнымъ звономъ въ замокъ; убрали покои, чтобы они казались царскимъ жилищемъ. Новый самозванецъ былъ человѣкъ грубыхъ манеръ, съ дурнымъ языкомъ, жесткій и коварный. Сходство его съ первымъ самозванцемъ состояло лишь въ разнузданности. Второй самозванецъ не могъ руководить движеніемъ, а былъ лишь орудіемъ сторонниковъ самозванства: вопросъ о престолѣ Московскаго государства не былъ цѣлью его стремленій, а только лишь желаніемъ пожить на чужой счетъ, пограбить; отсюда онъ получилъ и прозвище «воръ». Онъ постоянно находился въ зависимости отъ польско-литовскихъ вождей, безъ которыхъ онъ ни на какое предпріятіе не былъ способенъ. Но несмотря на это, около самозванца-вора стали быстро собираться шайки мятежниковъ.

Изъ Стародуба разсылались грамоты въ сосѣдніе сѣверскіе города, чтобы русскіе люди спѣшили къ своему царю. Въ грамотахъ въ Москву извѣщалось всѣмъ, что «съ Божіей помощью Димитрій спасся отъ убійцъ; благодаритъ московскихъ людей за то что, при ихъ пособіи, онъ достигъ престола и снова проситъ, чтобы его другой разъ посадили на царство».

Изъ сѣверской земли собралось къ самозванцу около трехъ тысячъ разной вольницы. Явился въ Стародубъ и Мѣховецкій съ отрядомъ украинской вольницы. Этому Мѣховецкому приписываютъ, что онъ и выпустилъ второго Лжедимитрія изъ Литвы въ Россію. Въ это же время прибылъ въ Стародубъ Заруцкій, командированный Болотниковымъ изъ Тулы искать Димитрія. Казацкій атаманъ увидѣлъ, что это вовсе не тотъ Димитрій, который царствовалъ въ Москвѣ; но Заруцкому нуженъ былъ какой-нибудь Димитрій,—онъ поклонился ему и увѣрялъ всѣхъ, что дѣйствительно узналъ въ немъ настоящаго государя. Заруцкій не поѣхалъ въ Тулу, а остался при Димитріи, сдѣлавшись его всегдашнимъ товарищемъ, довѣреннымъ лицомъ.

Самозванецъ съ имѣвшимися у него тремя тысячами войска напалъ подъ Козельскомъ врасплохъ на отрядъ царскихъ войскъ и разбилъ его. Возвращаясь, литовцы заспорили изъ-за добычи, взятой у Козельска, и стали волноваться. Лжедимитрій, не предпріимчивый, не храбрый и еще при этомъ подозрительный, слыша этотъ споръ, сообразилъ, что поляки его оставляютъ, а русскимъ довѣриться нельзя и бѣжалъ тайкомъ въ Орелъ. И здѣсь Лжедимитрій струсилъ послѣ покушенія на его жизнь. Мѣховецкій прислалъ къ нему съ просьбою возвратиться въ Стародубъ, гдѣ одно его присутствіе можетъ удержать войско. Лжедимитрій возвратился, но войско не переставало волноваться и онъ снова украдкою выѣхалъ по дорогѣ въ Путивль. Изъ этого видно, что онъ хотѣлъ отказаться вовсе отъ званія Димитрія, принятаго имъ въ Стародубѣ случайно; онъ не находилъ себѣ достаточно силъ носить это имя и потому радъ былъ избавиться отъ навязанной ему роли.

По дорогѣ онъ встрѣтилъ шедшій къ нему отъ князя Романа Рожинскаго отрядъ въ тысячу человѣкъ. По словамъ современниковъ самозванецъ хотѣлъ отказаться при этой встрѣчѣ назвать себя царскимъ именемъ, но послѣ допытыванія онъ долженъ былъ сознаться, что онъ тотъ самый, который выдавалъ себя за Димитрія. Его не пустили идти въ Путивль. Вслѣдъ за этимъ явился къ нему князь Адамъ Вишневецкій, Лисовскій и другіе.

Адаму Вишневецкому хорошо была извѣстна личность перваго Лжедимитрія и дико было признавать новое лицо за то, которое онъ зналъ, но желаніе отомстить за пострадавшихъ въ Москвѣ, за тѣхъ, что были еще въ плѣну, побуждало его присоединиться къ самозванцу.

Въ Польшѣ имя Димитрія привлекало удальцовъ. Письма Мѣховецкаго призывали поляковъ во имя военной славы и ради мщенія за убитыхъ въ Москвѣ. Обстоятельства благопріятствовали этому. Въ Польшѣ только что кончилось возстаніе противъ своего короля. Возставшіе шляхтичи, послѣ понесеннаго пораженія, въ большомъ количествѣ бродили около границъ московскаго государства. Разоренные, гонимые страхомъ наказанія отъ своихъ, они искали случая поживиться на счетъ Москвы. Тутъ были проигравшіеся и пропившіеся шляхтичи, которымъ для дневнаго пропитанія нужно было пристать къ какому-нибудь дѣлу, приличному для шляхетскаго званія, а такимъ дѣломъ для нихъ и могло быть только военное. Тутъ были и неоплатные должники, увертывавшіеся отъ кредиторовъ, просиживавшіе по цѣлымъ днямъ до солнечнаго захода взаперти, когда уже по закону нельзя было взять должника; скучно; и вдругъ, въ московской землѣ, открылся имъ случай скрыться отъ кредиторовъ, весело пожить и шляхетской чести не замарать. Тамъ были и такіе молодцы, для которыхъ безразлично въ какую часть свѣта отправиться, лишь-бы весело пожить, не разбирая, чѣмъ это достигается.

Главнымъ заводчикомъ выхода въ московское государство изъ Польши сталъ князь Романъ Рожинскій, по призыву котораго собралось до четырехъ тысячъ удальцовъ. Рожинскій выступилъ въ походъ и остановился въ Кромахъ. Отсюда онъ отправилъ гонцовъ въ Орелъ къ Лжедимитрію объявить о своемъ приходѣ, предложить условія службы и требовать денегъ. Самозванецъ встрѣтилъ посланниковъ неласково. На ихъ рѣчи отвѣчалъ самозванецъ по русски: «я радъ былъ, когда узналъ, что Рожинскій идетъ ко мнѣ; но дали мнѣ знать, что онъ хочетъ измѣнить мнѣ, такъ пусть лучше воротится. Посадилъ меня Богъ прежде на столицѣ моей безъ Рожинскаго и теперь посадитъ; вы уже

требуете денегъ, но у меня здѣсь много поляковъ не хуже васъ, а я еще ничего имъ не далъ. Сбѣжалъ я отъ милой жены моей, отъ милыхъ пріятелей моихъ, ничего не захватилъ. Когда было у васъ собраніе подъ Новгородомъ, вы допытывались, настоящій-ли я царь Димитрій, или нѣтъ». Послы на это сердито отвѣтили: «Видимъ теперь, что ты не настоящій царь Димитрій, потому что тотъ умѣлъ людей рыцарскихъ уважать и принимать, а ты не умѣешь». Такая грубая выходка самозванпа была сдѣлана по совѣту Мѣховецкаго, который боялся, что власть его перейдетъ къ Рожинскому. Поляки въ Кромахъ, выслушавъ разсказъ пословъ о пріемѣ, какой сдѣлалъ имъ царь, рѣшили идти обратно, но бывшіе въ Орлѣ удержали.

Въ Орлѣ дано было правильное устройство разноплеменному войску самозванца: Рожинскій былъ назначенъ гетманомъ его, а Лисовскій и Заруцкій поставлены во главѣ казацкихъ отрядовъ.

Весною 1608 года самозванецъ съ Рожинскимъ изъ Орла двинулся въ Болховъ и здѣсь въ двухдневной битвѣ 10 и 11 мая разбилъ царское войско, бывшее подъ начальствомъ Димитрія Шуйскаго и Василія Голицына. Поляки увѣренные, что скоро посадятъ своего царя на престолъ московскій, требовали отъ самозванца, чтобы онъ далъ обѣщаніе, вскорѣ по прибытіи въ Москву, заплатить имъ жалованье и отпустить безъ задержки домой; самозванецъ обѣщалъ и со слезами просилъ, чтобы не отъѣзжали отъ него; онъ говорилъ: «Я безъ васъ не могу быть паномъ въ Москвѣ,—я бы хотѣлъ чтобы всегда поляки были при мнѣ, чтобы одинъ городъ держалъ полякъ, а другой москвитянинъ. Хочу чтобы все золото и серебро было ваше, а я буду доволенъ одною славою, которую вы мнѣ доставите».

Послѣ сраженія подъ Болховомъ для самозванца стали открытыми всѣ пути къ Москвѣ. Тамъ былъ распущенъ слухъ, что у самозванца войско многочисленное, что когда они бились съ передними полками въ Болховѣ, задніе стояли еще у Путивля.

Желая использовать произведенный побѣдою страхъ на приверженцевъ Шуйскаго, самозванецъ спѣшилъ къ Москвѣ, чрезъ Козельскъ, Калугу, Можайскъ и Звенигородъ, дѣлая

по 50 верстъ въ день, не встрѣчая сопротивленія. Передовой полкъ составляли московскіе люди и сдавшіеся самозванцу въ Болховѣ. Этотъ полкъ, перейдя Угру *), отдѣлился отъ полчищъ самозванца, убѣжалъ впередъ въ Москву и далъ знать царю, что воръ идетъ скоро, но что войско его не такъ велико, какъ показалось царскимъ войскамъ, разбитымъ у Болхова.

Самозванецъ спѣшилъ увеличить число своихъ приверженцевъ. Въ своихъ грамотахъ онъ разрѣшалъ крестьянамъ брать себѣ земли бояръ, присягнувшихъ Шуйскому, и жениться на ихъ дочеряхъ. Благодаря этому, по словамъ одного современника, многіе слуги сдѣлались господами, а господа уходили въ Москву, терпя лишенія.

Подъ Звенигородомъ Рожинскаго встрѣтилъ полякъ Борковскій, изъ свиты польскихъ пословъ въ Москвѣ, который именемъ пословъ предлагалъ полякамъ выйти изъ московскаго государства и не нарушать мирнаго договора, заключеннаго между Москвой и Польшей. Поляки дали такой отвѣтъ: «Что вы это говорите, то говорите по неволѣ—Москва васъ къ этому принуждаетъ. А мы, коли зашли сюда, такъ ужъ ничьихъ приказаній не слушаемъ и не оставимъ своего предпріятія, пока не посадимъ на престолъ того, съ кѣмъ пришли».

1 го Іюня войско Лжедимитрія подошло къ Москвѣ и остановилось надъ Москвою-рѣкою; былъ солнечный день; оно дивилось красотѣ золоченыхъ главъ многочисленныхъ церквей царской столицы.

Первоначально поляки не знали, гдѣ лучше раскинуть лагерь для своего войска. Нѣкоторые говорили, что слѣдуетъ перейти на другую сторону рѣки и занять большую дорогу на сѣверъ, по которой приходятъ въ Москву ратные люди и припасы. Войско перешло къ селу Тайнинскому, въ семи верстахъ отъ Москвы, но и это мѣсто оказалось неудобнымъ. Стѣснивъ проѣздъ въ Москву съ сѣвера, сами они должны были получать продовольствіе съ южной и западной сторонъ Москвы, а для этого приходилось огибать городъ; во время этихъ передвиженій москвичи захватывали возы съ запасами и въ ихъ руки попалось нѣсколько купцовъ, ѣхавшихъ съ товарами изъ Сѣверской земли.

*) Притокъ р. Оки.

Московское войско ставъ на тверской дорогѣ преградило полякамъ путь; самозванецъ же пробившись, вышелъ на волоколамскую дорогу и выбралъ мѣсто для стана въ селѣ Тушинѣ, между двумя рѣками—Москвою и Всходнею.

Сюда къ Рожинскому съ товарищами опять пріѣхалъ изъ Москвы, отъ королевскихъ пословъ, Доморацкій, съ приказомъ выходить изъ предѣловъ Московскаго государства, но поѣхалъ съ тѣмъ-же отвѣтомъ. Рожинскому хотѣлось вступить въ Москву послѣ рѣшительной битвы.

Войско царя Шуйскаго, состоявшее на половину изъ русскихъ, на половину изъ татаръ и другихъ инородцевъ—всего семьдесятъ тысячъ—стояло подъ городомъ, растянувшись до рѣки Ходынки. Самъ царь съ придворными стоялъ на Ваганьковскомъ полѣ, окруженный стрѣльцами и пушкарями. Съ 4-го на 5-е іюня Рожинскій врасплохъ напалъ на царское войско, захватилъ весь обозъ и гналъ бѣгущихъ на протяженіи пяти верстъ до самой Прѣсни. Часть войска, стоявшая на Ваганьковскомъ полѣ, увидѣвши погромъ своихъ, бросилась на поляковъ, прогнала ихъ за рѣку Химку, но вернуть захваченныхъ поляками пушекъ и обоза не удалось. Отсюда поляки опять ударили на русскихъ и, отогнавъ ихъ за Ходынку, вернулись въ свой тушинскій станъ. Эта битва не принесла пользы Шуйскому. Дѣла его шли плохо и въ другихъ мѣстахъ.

Рожинскій отъ Болхова отправилъ отрядъ подъ начальствомъ Лисовскаго въ Рязанскую землю. Лисовскій занялъ Зарайскъ; мятежъ противъ Шуйскаго распространялся по Рязанской землѣ; Пронскъ сталъ за Димитрія. Успѣхъ въ землѣ Рязанской зависѣлъ отъ Прокопія Ляпунова, а онъ былъ раненъ во время схватки съ поляками въ ногу. Братъ его, Захарій Ляпуновъ приступилъ было къ Зарайску, но былъ разбитъ. Лисовскій забралъ много плѣнныхъ, а другіе изъ побѣжденныхъ добровольно пристали къ Лисовскому. Отрядъ Лисовскаго увеличился еще прибывшими изъ украинскихъ городовъ московскаго государства до тридцати тысячъ.

Отъ Зарайска Лисовскій подошелъ къ Коломнѣ и взялъ городъ приступомъ На дорогѣ между Москвою и Коломною отрядъ Лисовскаго, на Медвѣжьемъ Бродѣ, былъ встрѣченъ царскимъ войскомъ. Послѣ упорной битвы Лисовскій

былъ разбитъ и бѣжалъ въ Тушино. Остатокъ отряда Лисовскаго, среди котораго было много людей, годныхъ къ бою, усилилъ самозванца.

Настроеніе умовъ въ Москвѣ не было благопріятно для Шуйскаго; многіе уже сжились съ мыслію, что пусть споръ между Шуйскимъ и призракомъ Димитрія тянется дольше. Москвичи съ совѣстью попокладливѣе, увидя, что двое называются царями—одинъ въ Москвѣ, а другой въ Тушинѣ, рѣшили что изъ этого можно извлекать выгоды; давши присягу Шуйскому, переходили въ Тушино. Тушинскій царекъ хотя и былъ царемъ черни, которой онъ дѣлалъ всевозможныя, незаконныя поблажки, но къ нему переходили и знатные люди.

Московскіе люди подумывали какъ имъ быть, если Димитрій возьметъ городъ. «И впрямь, видно онъ настоящій, когда къ нему чиновные люди идутъ»—говорили въ народной толпѣ. Что-же, бояре и дворяне учинили смуту, а не мы; они подняли народъ, людей царскихъ перебили, самого царя прогнали, а мы ничего не знаемъ:—такъ и скажемъ»!

Въ Москвѣ были убѣждены, что войска тушинскаго царя—грозная боевая сила; страхъ передъ нимъ и предчувствіе его торжества вредно отзывались на подданныхъ царя Василія. Шатаніе умовъ бывало и раньше, а теперь измѣна, открытый переходъ отъ Шуйскаго въ Тушино усилились.

При отпаденіи своихъ подданныхъ, уклоненіи нѣкоторыхъ отъ защиты Москвы, Шуйскому казалось вѣрнѣйшимъ средствомъ избавиться отъ тушинскаго соперника, заключить мирный договоръ съ поляками и при посредствѣ польскихъ пословъ удалить поляковъ, служившихъ тушинскому царьку. 25-го іюля 1608 года было заключено съ польскимъ королемъ перемиріе на три года и одиннадцать мѣсяцевъ.

Самозванецъ укрѣпился въ Тушинѣ и ни одинъ полякъ, вопреки договора, не оставилъ тушинскій станъ, а Шуйскій, по заключенному договору, отпустилъ изъ Москвы всѣхъ поляковъ, въ томъ числѣ и Мнишковъ.

Шуйскому показалось опаснымъ оставлять въ Москвѣ поляковъ, оставшихся послѣ погрома съ самозванцемъ, осо-

бенно Марину и отца ея; и до нихъ дошелъ слухъ, что Димитрій живъ и это имъ было очень пріятно. Они уже надѣялись, что какъ только этотъ Димитрій будетъ близко, народъ возстанетъ за него и ихъ освободитъ. А съ другой стороны это же для нихъ было и опасно: тѣ изъ москвичей, которые не хотѣли Димитрія и считали слухъ о его спасеніи выдумкою, могли побить плѣнныхъ поляковъ. 26 августа Юрій Мнишекъ съ Мариною были увезены въ Ярославль; часть поляковъ была отправлена въ Польшу, а другіе знатные поляки разосланы по разнымъ городамъ.

Военныя силы Тушинскаго вора ежедневно усиливались новыми отрядами, приходившими изъ польскихъ владѣній. Наконецъ разнесся слухъ, что въ Тушино идетъ на помощь знаменитый вояка и богатырь, Янъ Сапѣга. Онъ былъ осужденъ въ Польшѣ за буйство и неподчиняясь приговору суда, набралъ толпу всякой вольницы и повелъ ее въ Московское государство. Всего въ Тушинѣ собралось: поляковъ до 18 тысячъ конницы, и до двухъ тысячъ пѣхоты; казаковъ—тысячъ тридцать запорожскихъ и пятнадцать тысячъ донскихъ; кромѣ того московскихъ людей большое количество.

Для самозванца важнѣе всѣхъ подходящихъ подкрѣпленій было присутствіе въ его станѣ Марины Мнишекъ. Она теперь съ отцомъ ѣхала изъ Ярославля въ Польшу, подъ прикрытіемъ тысячнаго отряда. Самозванецъ отправилъ въ погоню за ними Зборовскаго, который разбилъ отрядъ царскихъ проводниковъ. Говорятъ, что Мнишки уже заранѣе условились, желая быть перехваченными въ пути. Зборовскій захватилъ Мнишковъ.

Марина и отецъ не хотѣли ѣхать прямо къ самозванцу въ Тушино, не хотѣли также отдаться ему въ руки безусловно; они пріѣхали прежде въ станъ къ Сапѣгѣ, и отсюда вели переговоры съ самозванцемъ. По другому извѣстію, Марина, увидѣвши тушинскаго вора, не имѣвшаго ничего общаго съ прежнимъ ея мужемъ, никакъ не хотѣла признать его. Паны достигли своего: при помощи нѣжнаго родителя, уговорили Марину; къ голосу ихъ присоединился и іезуитъ, увѣряя, «что на все должно рѣшаться для блага церкви». Есть извѣстіе, что тотъ-же іезуитъ и повѣнчалъ ихъ тайно «для успокоенія совѣсти».

Марина согласилась *играть комедію*. Отецъ же ея тогда только рѣшился назвать себя тестемъ второго самозванца, когда получилъ запись, что тотчасъ, по овладѣніи имъ Москвою, получитъ триста тысячъ рублей и кромѣ того во владѣніе сѣверское княжество съ четырнадцатью городами.

XIII.

Самозванецъ въ Тушинѣ. Дѣйствія Шуйскаго противъ самозванца. Осада Св.-Троицкой Сергіевской лавры.

Самозванецъ расположился лагеремъ подъ самою Москвою; къ нему постоянно подходили польскіе отряды; Мнишекъ съ дочерью признали тушинскаго царька дѣйствительнымъ Димитріемъ; все это было явнымъ нарушеніемъ заключеннаго договора. Находящемуся же въ тоже время въ затруднительномъ положеніи Шуйскому естественно было, хотя тоже вопреки договору, обратиться съ просьбою о помощи къ врагу Польши и короля ея, Карлу Шведскому.

Еще въ 1607 году шведы предлагали Московскому государству содѣйствіе и пособіе. Тогда, по приказанію Шуйскаго, не только въ предложеніи было отказано, но и отвѣтъ былъ данъ надменный: «По Божьей милости, у насъ всѣ служатъ великому государю, царю великому князю Василію Ивановичу, и нѣтъ никакой розни между нами и впередъ не будетъ; а вы, невѣдомо какимъ воровскимъ обычаемъ, пишете такія непригожія злодѣйскія рѣчи». Черезъ нѣсколько времени, король шведскій, зная печальное положеніе Россіи, послалъ гонца къ царю. Правительство московское и тогда скрыло отъ сосѣдей свою бѣду и притворилось сильнымъ.

Это было, когда царскія войска уничтожили войска Болотникова въ Тулѣ, а теперь, когда самозванецъ уже основалъ свое пребываніе подъ Москвой, Шуйскій поневолѣ перемѣнилъ тонъ. Теперь онъ нашелъ необходимымъ отправить племянника своего Скопина-Шуйскаго въ Новгородъ, чтобы оттуда завести сношеніе съ шведскимъ

королемъ о помощи. Въ Новгородѣ Скопина приняли съ честью; новгородцы издавна отличались привязанностью къ Шуйскимъ; была надежда собрать въ этомъ городѣ и въ Новгородской землѣ ополченіе.

Новгородцы же хотѣли привлечь къ этому и Псковъ. Они послали къ псковичамъ предложеніе соединиться и стоять противъ воровъ. «А къ намъ, говорили они, нѣмцы (шведы) будутъ изъ за моря тотчасъ въ помощь Новогороду и Пскову». Это обѣщаніе, что нѣмцы придутъ на помощь, могло лишь побудить псковичей стать на сторону самозванца; такъ какъ Псковъ издавна относился враждебно къ нѣмцамъ, псковичи объявили новгородцамъ, что именно изъ за нѣмцевъ они соединиться съ Новгородомъ не хотятъ. И вотъ, когда низшее населеніе Пскова было раздражено противъ воеводы и богатыхъ людей, за разныя притѣсненія, 1-го сентября 1608 года получилось извѣстіе, что нѣмцы уже близко. Тогда народъ всталъ, «какъ пьяный», по выраженію лѣтописца, и цѣловалъ крестъ самозванцу. Въ это-же время и Ивангородъ также присягнулъ Лжедимитрію; въ Орѣшкѣ Скопинъ не былъ впущенъ воеводою Салтыковымъ, объявившимъ себя за Тушино. Въ самомъ Новгородѣ началось было волненіе среди черни, но митрополитъ Исидоръ утишилъ его.

Пріѣхавши въ Новгородъ, шведскій королевскій секретарь Монсъ Мартензонъ предварительно договорился со Скопинымъ, что шведы вышлютъ на помощь царю пять тысячъ человѣкъ, на содержаніе которыхъ московское правительство обязалось выдавать ежемѣсячно условленную сумму; окончательное же заключеніе договора было отложено до съѣзда въ Выборгѣ.

Когда шведы только обѣщали помочь Шуйскому, самозванецъ съ поляками дѣйствовалъ. Сапѣга, хотя и былъ въ дружныхъ отношеніяхъ съ Рожинскимъ, но честолюбіе не позволяло ему признавать власть Рожинскаго,—онъ хотѣлъ дѣйствовать самостоятельно.

На пути изъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ областей, откуда могла придти помощь на защиту отечества, въ 67 верстахъ отъ Москвы, стояла св. Троицкая-Сергіева лавра, показавшая примѣръ стойкости за вѣру православную, за честь народную въ печальное смутное время.

Сокровища обители, собранныя вѣками, привлекли вниманіе самозванца, а старанія троицкихъ иноковъ, совмѣстно съ патріархомъ, поддержать въ Москвѣ вѣрность народа царю Василію Ивановичу Шуйскому заставляли самозванца видѣть въ обители нравственную силу изнемогающаго въ борьбѣ съ врагомъ русскаго народа.

Сапѣга вызвался взять Троицко-Сергіеву лавру. Ближайшимъ поводомъ къ походу на лавру послужило то, что монахи, выходя изъ стѣнъ обители и изъ лѣсовъ, которыми тогда окружена была лавра, нападали на гонцовъ, отправляемыхъ самозванцемъ по русскимъ городамъ. По словамъ лѣтописца, Сапѣга говорилъ самозванцу: «Царь Димитрій Ивановичъ! Стужаютъ твоему благородству эти сѣдые грайвороны, гнѣздящіеся въ своемъ каменномъ гробѣ. Они дѣлаютъ намъ всякія пакости. Слухъ носится, что ждутъ Михаила Скопина со шведами; когда они придутъ, то займутъ троицкую твердыню и могутъ быть намъ опасны. Пока они еще не окрѣпли, пойдемъ смиримъ ихъ; а если не покорятся, то разсыпемъ по воздуху жилища ихъ». Сапѣга тронулся къ лаврѣ; объ этомъ узналъ Шуйскій и послалъ брата своего Ивана перехватить дорогу. Сапѣга, узнавши о движеніи Ивана Шуйскаго, поворотилъ назадъ до деревни Рахманцы, произошла битва; московское войско было разбито на голову.

Поразивъ Шуйскаго 23 сентября 1608 года, тридцатитысячное полчище, съ Яномъ Сапѣгою во главѣ, по приказу самозванца, окружило обитель. Казалось—горькая участь разрушенія грозила обители: она не могла положиться ни на число воиновъ, ни на крѣпость силъ;—только надежда на всесильную помощь Божію, на молитвенное заступленіе Царицы Небесной и преподобнаго Сергія были опорою обители.

Настоятель архимандритъ Іоасафъ во время осады былъ отцомъ нуждающихся, утѣшителемъ скорбящихъ, усерднымъ молитвенникомъ и вѣрнымъ блюстителемъ святыни.

Келарь лавры, старецъ Авраамій Палицынъ, во время осады находился, по волѣ царя, въ Москвѣ на Троицкомъ подворьѣ. Страдая душою за лавру онъ изъ Москвы помогалъ ей словомъ и возможнымъ дѣломъ.

Главнымъ предводителями осажденныхъ защитниковъ

Рис. 13. Защитники св. Троицкой Сергіевой лавры. (1608 г.).

лавры были присланные царемъ: князь Григорій Долгорукій-Роща и воевода Алексѣй Голохвастовъ. Число этихъ защитниковъ простиралось до 2300 человѣкъ. Въ томъ числѣ были: 1) 300 человѣкъ монастырской братіи, изъ которыхъ нѣкоторые были уже до поступленія въ монастырь испытанные воины и потому при настоящихъ обстоятельствахъ могли быть полезными своимъ искусствомъ и мужествомъ; 2) отрядъ изъ войска въ 400 человѣкъ и 3) отрядъ изъ жителей окрестныхъ деревень, принадлежавшихъ лаврѣ.

Кромѣ защитниковъ лавры, въ монастырѣ было много жителей окрестныхъ селъ съ своими семьями, пришедшими сюда ради безопасности. Необходимость заставляла дать пріютъ въ стѣнахъ обители и инокинямъ окрестныхъ монастырей.

Почти 16 мѣсяцевъ Сапѣга продержалъ лавру въ осадѣ. Всѣ военскія средства для взятія монастыря были употреблены Сапѣгою; всѣ способы хитрости, обмана, измѣны были испробованы. Осажденные въ своихъ вылазкахъ выказывали непреодолимое мужество и по временамъ наносили непріятелю значительный ущербъ. Сапѣга пытался неоднократно взять монастырь приступомъ, но всякій разъ былъ отражаемъ. Неудалась и попытка взорвать монастырь. Двое крестьянъ отыскали подкопъ и взорвали его, пожертвовавъ при этомъ своею жизнью.

Съ одной стороны побѣды, одерживаемыя по временамъ, а съ другой—чудесныя явленія разнымъ лицамъ поддерживали духъ защитниковъ.

Когда-же число защитниковъ, вслѣдствіе губительной заразной болѣзни, происшедшей отъ всякаго рода лишеній и тѣсноты, значительно уменьшилось, осажденные во главѣ съ архимандритомъ просили присылки изъ Москвы помощи. Ходатайство келаря Авраамія, подкрѣпленное патріархомъ Гермогеномъ, объяснялось тѣмъ, что если взята будетъ обитель, то весь сѣверный предѣлъ Россіи будетъ въ рукахъ непріятеля. Отъ царя были посланы 60 воиновъ и 20 пудовъ пороху, а старецъ Авраамій послалъ 20 слугъ монастырскихъ. Помощь хотя и слабая, но все же поддержала духъ осажденныхъ. Келарь Авраамій прислалъ въ обитель грамоту, убѣждая стоять крѣпко и неоплошно противъ невѣрныхъ.

Архимандритъ Іоасафъ, для испрошенія чрезвычайной помощи Божіей, по древнему обычаю, устроилъ и освятилъ новый престолъ, въ храмѣ Успенія Божіей Матери, во имя св. Николая; послѣ этого дѣйствіе заразительной болѣзни сократилось.

Въ это время Сапѣгу тревожили вѣсти о движеніи къ Москвѣ Шереметева и Скопина-Шуйскаго. Сапѣга спѣшилъ покончить съ «лукошкомъ»—какъ онъ называлъ лавру, но попытка покончить не имѣла успѣха. Сапѣга вновь пробовалъ найти въ числѣ осажденныхъ измѣнника, но и эта попытка не удалась. Между тѣмъ тушинскій самозванецъ ждалъ отъ Сапѣги пріятныхъ извѣстій о взятіи лавры, а получивъ извѣстіе о разбитіи своихъ войскъ въ Твери, самозванецъ съ запальчивостью писалъ: «мы не разъ писали уже, напоминая, что не должны терять времени за «курятниками»—разумѣя подъ этимъ выраженіемъ лавру.

Изъ стана Сапѣги прибыли многіе русскіе измѣнники, которые предлагали монастырю вступить въ переговоры; они увѣряли, что Шереметевъ и Скопинъ-Шуйскій покорились самозванцу и грозили осажденнымъ гнѣвомъ его, въ случаѣ упорства. Но въ лаврѣ отвѣчали: «если-бъ намъ сказали, что князь Скопинъ-Шуйскій поравнялъ тѣлами враговъ и измѣнниковъ берега Волги, то мы этому повѣрили-бы. А теперь пусть докажутъ свою правду оружіемъ».

Снова Сапѣга сдѣлалъ приступъ. Опять неудача. А сколько было тогда защитниковъ въ монастырѣ не болѣе 200 человѣкъ, изнуренныхъ томительною осадою и болѣзнями. Не очевидно-ли здѣсь заступленіе и помощь Божія. Когда Скопинъ-Шуйскій, сталъ приближаться къ Троицкой лаврѣ, къ нему бросились троицкіе воеводы съ просьбою о помощи. Посланная имъ помощь дала возможность осажденнымъ разбить на голову поляковъ 12 января 1610 г. Сапѣга бѣжалъ, оставивъ въ рукахъ побѣдителей награбленныя имъ богатства.

Въ Февралѣ 1610 года Св. Троицкій Сергіевскій монастырь уже принималъ у себя, угощалъ и сопровождалъ благословеніемъ и дарами русское воинство, дѣйствовавшее противъ скопищъ Сапѣги.

Число доблестныхъ защитниковъ, положившихъ свою

жизнь за освобожденіе Троицкаго монастыря Авраамій Палицынъ полагаетъ до 2125, не считая младенцевъ, престарѣлыхъ и женщинъ.

Архимандритъ Іоасафъ, вскорѣ послѣ окончанія осады, удалился въ Пафнутіевъ монастырь; вмѣсто него архимандритомъ Троицкаго Сергіевскаго монастыря былъ назначенъ Діонисій.

Примѣръ лавры сильно поднялъ духъ защитниковъ порядка и православной руси. Св. Троицкій монастырь сдѣлался съ той поры однимъ изъ центровъ, въ которомъ организовалось народное движеніе на защиту родины отъ поляковъ и русскихъ крамольниковъ.

Въ Москвѣ, окруженной полчищами самозванца, сдѣлалась страшная дороговизна на хлѣбъ (около 24 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей четверть). Толпы народа приходили къ Шуйскому съ вопросомъ: «До какихъ поръ сидѣть и терпѣть голодъ»? Тогда келарь Авраамій пустилъ въ продажу хлѣбъ изъ монастырскихъ житницъ въ Москвѣ по 2 рубля четверть (около 6 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей). Пониженіе цѣны на хлѣбъ поуспокоило народъ.

Въ то время, когда Троицко-Сергіева лавра, изнемогая все-же выдерживала осаду,—другіе города Московскаго государства легко переходили въ руки Тушинскаго вора. Обложивъ лавру, тушинцы свободно распоряжались на всемъ пути, который прикрывалъ монастырь. Прежде другихъ захваченъ былъ Суздаль, въ которомъ засѣлъ Лисовскій, опустошая окрестности; жители Владиміра присягнули самозванцу, хотя сначала и не хотѣли, подобно суздальцамъ; переяславцы-же лишь только увидѣли сапѣгинскія войска, присягнули самозванцу и вмѣстѣ съ ними двинулись на Ростовъ. Ростовцы хотѣли было бѣжать всѣмъ городомъ дальше на сѣверъ, но были остановлены митрополитомъ своимъ Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ и воеводою Салтыковымъ, который съ нѣсколькими тысячами войска напалъ на сапѣгинскихъ казаковъ и переяславцевъ, но былъ разбитъ. Одолѣвъ воеводу, казаки и переяславцы ворвались въ соборную церковь, въ которой заперся Филаретъ съ толпою народа и не смотря на увѣщанія митрополита, вышедшаго съ хлѣбомъ солью, выбили двери, перебили много людей, а Филарета съ безчестіемъ

Рис. 14. Св. Троицко-Сергіевская лавра (въ настоящее время).

повезли въ Тушино; сорвавъ съ него облаченіе одѣли его въ худую одежду, покрыли голову татарской шапкой. Самозванецъ принялъ его какъ своего мнимаго родственника и возвелъ въ патріаршее достоинство, чтобы имѣть своего патріарха и противопоставить его Гермогену; но все же Филарета держали подъ наблюденіемъ. Послѣ Ростова присягнулъ самозванцу Ярославль, затѣмъ Вологда съ Тотьмою—потомъ еще двадцать два города, большей частью застигнутые врасплохъ, увлекаемые примѣромъ, въ тяжкомъ недоумѣніи: на чьей сторонѣ правда? Нижній-Новгородъ удержался въ повиновеніи Василію Шуйскому, благодаря воеводѣ Алябьеву Этотъ городъ уже въ то время имѣлъ важное значеніе: онъ былъ средоточіемъ торговли съ Азіей. Тамъ было нѣсколько купеческихъ домовъ, интересы которыхъ имѣли связь съ московскими гостями, поддерживавшими Шуйскаго.

Не поддавалась самозванцу и Рязань, удерживаемая Ляпуновыми, которые хотя и не любили Шуйскаго, но не хотѣли мѣнять его на вора.

Новгородъ былъ уже близокъ къ переходу на сторону самозванца. Примѣръ Пскова соблазнительно подѣйствовалъ на новгородцевъ. Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, отправивши пословъ въ Швецію, самъ ждалъ ихъ въ Новгородѣ. Видя, что новгородцы волнуются, онъ рѣшилъ, что нужно самому отправиться въ Швецію, чтобы оттуда привести иноземныя силы, и былъ уже въ пути. Старосты отъ пяти концовъ Новгорода нагнали Скопина и упросили его вернуться.

Тушинцы узнали, что Новгородъ хотѣлъ отпасть отъ Шуйскаго, но вновь опять сопротивляется самозванцу. Чтобы придать отваги своимъ доброжелателямъ въ Новгородѣ и испугать недоброжелателей былъ посланъ изъ Тушина полковникъ Кернозицкій съ литовскими людьми. Они безпрепятственно подошли къ Новгороду и расположились въ Хутынскомъ монастырѣ. Городъ заволновался. Лучшіе люди просили о сдачѣ, боясь грабежа при насильномъ занятіи города; но разнесшійся по новгородской землѣ слухъ, что Литва подходитъ къ Новгороду, привлекъ поселянъ, которые составляли ополченіе и спѣшили на выручку города. Въ Тихвинѣ составилась рать подъ началь-

ствомъ Степана Горихвостова, а изъ-за онежскихъ погостовъ ополчились крестьяне, подъ управленіемъ Евсѣя Резанова. Изъ числа этихъ добровольцевъ нѣкоторые попали въ плѣнъ; литовцы стали допрашивать ихъ: «сколько вашихъ? Они не могли объяснить, еслибъ и хотѣли; они только говорили, что большая сила идетъ. Литовцы повѣрили, что и дѣйствительно идетъ огромное войско, отступили отъ Хутынскаго монастыря и стали въ Старой Руссѣ.

XIV.

Поведеніе Тушинскаго вора и его сторонниковъ. Возстаніе противъ самозванца. Попытка свергнуть съ престола Шуйскаго.

Охваченное смутою пространство московскаго государства въ 1608—1609 г. было очень велико, но города, какъ быстро признавали самозванца, такъ быстро и отпадали отъ него. Стойкость, съ какою Св. Троицко-Сергіевская лавра отстаивала честь народную и вѣру православную, сообщилась всей Русской землѣ; эта стойкость придала смѣлость и внѣдрила въ сердца многихъ надежду къ отпаденію отъ самозванца.

Русскіе люди были уже утомлены. Поведеніе Тушинскихъ воровъ стало нестерпимымъ, поборамъ не было конца. Изъ Тушина пріѣзжали одинъ съ требованіемъ всякихъ товаровъ, вслѣдъ за нимъ изъ Сапѣгина стана является другой съ тѣми-же требованіями. Воеводы не знали, кого удовлетворять, а удовлетворить всѣхъ было невозможно. На требованіе воеводъ грамоты за царскою подписью, въ отвѣтъ получались ругательства. Паны отправлялись въ города безъ подробнаго наказа: что имъ брать, а говорилось въ общемъ, что они берутъ запасъ на столько-то ротъ; населеніе было въ недоумѣніи: сколько-же оно обязано давать и давало столько, сколько тѣ хотѣли. При такомъ шатаніи поляки, литовцы и русскіе, не видя преградъ, своевольничали, и уже никѣмъ не посланные составляли

отряды, выбирали предводителей, врывались въ посады и села и своевольничали. Паны распоряжались достояніемъ поселянъ безъ счета, безъ раскладки, заставляли крестьянъ молотить собственный хлѣбъ, молоть, печь его, варить пиво, убивать на мясо скотъ и тѣмъ-же крестьянамъ на своихъ лошадяхъ возить въ таборъ, а потомъ отнимали у нихъ и лошадей, а другіе заживали въ селахъ, какъ въ своихъ помѣстьяхъ. Мало того, что брали тушинцы то, чѣмъ сами они могли пользоваться, они брали просто для потѣхи: убивали скотъ, разсыпали хлѣбъ, топтали лошадьми. Если немногіе, попадаясь получали наказаніе, зато большая часть безчинствовала безнаказанно. Издѣвательства надъ храмами Божіими, церковными сосудами, иконами не поддаются описанію. Разоренные жители писали челобитныя самозванцу и Сапѣгѣ, но напрасно; насилія не прекращались, а увеличивались. Русскіе люди возненавидѣли Димитрія.

Города съ населеніемъ, болѣе зажиточнымъ, чѣмъ деревни, присягавшіе Лжедимитрію въ большинствѣ случаевъ по неволѣ, какъ только увидѣли, что простой народъ противъ Димитрія, стали слагать съ себя присягу Димитрію. Первымъ отпалъ отъ него Галичъ; жителямъ этого города показалось нестерпимымъ, когда пришли туда литовскіе люди и казаки. Въ это же время Шуйскій извѣстилъ, что Скопинъ ведетъ шведовъ. Галичане послали гонцовъ по своему уѣзду звать людей всѣхъ званій на всенародную сходку и цѣловали крестъ стоять за Москву, за царя Василія и всѣмъ за одно умереть за православную вѣру. Галичъ разослалъ по окрестнымъ городамъ дѣтей боярскихъ и посадскихъ и приглашалъ жителей составлять ополченія и идти на сходъ къ Галичу. Такіе посланцы поѣхали въ Вологду, Тотьму съ грамотами; списки этихъ грамотъ посылались далѣе—въ Устюгъ, Сольвычегодскъ, Вятку, Пермь. За Галичемъ возстали Кострома, Устюгъ, Сольвычегодскъ. Города не ограничивались однимъ сверженіемъ тушинскаго ига, но вездѣ собирали ратныхъ людей на защиту Москвы... Собранные отряды шли или въ Вологду, или прямо въ Галичъ и Кострому. Мѣста по Волгѣ и Клязьмѣ получали помощь и указанія изъ Нижняго Новгорода, подъ которымъ стояли войска

боярина Шереметева. Нижній Новгородъ и Казань упорно не поддавались самозванцу.

По полученіи извѣстій о возстаніи въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Московскаго государства, изъ Тушина посланы были войска для усмиренія, подъ начальствомъ Лисовскаго. Напугавши повстанцевъ галичскаго уѣзда, Лисовскій вернулся въ Тушино, боясь пуститься зимою на сѣверъ. А возстаніе усиливалось. Вскорѣ отпалъ отъ вора Ярославль, Рыбинскъ и нѣкоторые другіе города.

Въ то время, когда въ сѣверо-восточной части Московскаго государства происходила борьба съ иноземцами и съ своими ворами, Царь Василій Шуйскій едва-едва держался на престолѣ. Если Москва и держалась противъ Тушинскаго царька, то только потому, что боялась его разнородныхъ войскъ, а вовсе не изъ привязанности къ своему царю и не изъ сознанія его права.

До сего времени подвозъ припасовъ въ Москву, хотя и съ затрудненіями, но производился чрезъ Коломну изъ Рязанской области, а въ началѣ 1609 г. Тушинцы ставъ подъ Коломною преградили сообщеніе. Цѣны въ Москвѣ на припасы очень поднялись и ощущался недостатокъ въ нихъ. Противъ Шуйскаго въ Москвѣ возстали. Первая попытка свергнуть Шуйскаго была сдѣлана 17 Февраля 1609 г. Бунтовщики, до 300 человѣкъ, во главѣ съ Григоріемъ Сумбуловымъ, княземъ Романомъ Гагаринымъ и Тимофѣемъ Грязновымъ, вошли въ Кремль, явились въ боярскую думу и говорятъ: «Надобно перемѣнить царя Василія; онъ сѣлъ на престолъ самовольствомъ, а не всею землею выбранъ».—Изъ сидѣвшихъ тутъ бояръ были братья, родственники Шуйскаго и приверженцы его; они съ негодованіемъ выслушали это предложеніе, а другіе хотя и нерасположены были къ Шуйскому, но не могли согласиться на предложеніе. Поспоривши бояре разошлись, а заговорщики кинулись къ патріарху и требовали, чтобы онъ шелъ на Лобное мѣсто. Гермогенъ не хотѣлъ идти, но его потащили. Изъ думскихъ же бояръ отважился идти на Лобное мѣсто только одинъ Василій Голицынъ, мѣтившій на престолъ. Зазвонили въ набатъ. Народъ бѣжалъ на Красную площадь. Когда патріархъ уже стоялъ на Лобномъ мѣстѣ, заговорщики начали кричать народу, что Шуйскій избранъ

незаконно одними своими потаковниками; что кровь христіанская льется за человѣка недостойнаго и ни на что непотребнаго, глупаго, пьяницу, блудника. Но вмѣсто одобренія этихъ выкриковъ, заговорщики услыхали изъ толпы: «Сѣлъ онъ, государь, на царство не самъ собою, выбрали его большіе бояре и вы, дворяне и служилые люди; пьянства и никакого неистовства мы въ немъ не знаемъ; да если-бы онъ, царь, вамъ и не угоденъ былъ, то нельзя его безъ большихъ бояръ и всенароднаго собранія съ царства свести». Заговорщики продолжали взводить на Шуйскаго, что онъ убиваетъ, въ воду сажаетъ... Хотимъ избрать другого царя!

Патріархъ Гермогенъ говорилъ народу: «До сихъ поръ Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и никоторые города не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ. Государь, царь и великій князь Василій Ивановичъ возлюбленъ и избранъ и поставленъ Богомъ и всѣми русскими властьми... крестъ ему цѣловала вся земля, присягала добра ему хотѣть, а лиха не мыслить, а вы забыли крестное цѣлованіе, немногими людьми возстали на царя, хотите его безъ вины съ царства свесть,—а міръ того не хочетъ и не вѣдаетъ, да и мы съ вами въ тотъ совѣтъ не пристаемъ-же».

Сказавъ это, Гермогенъ ушелъ. Заговорщики, никѣмъ неподдержанные, не могли задержать патріарха; съ крикомъ и ругательствами заговорщики бросились во дворецъ; но Шуйскій спокойно вышелъ и съ твердостью сказалъ: «Зачѣмъ вы, клятвопреступники, ворвались ко мнѣ съ такою наглостію?—Если хотите убить меня, то я готовъ, но свести меня съ престола безъ бояръ и всей земли вы не можете». Заговорщики потерпѣвъ неудачу, убѣжали въ Тушино, кромѣ Голицына, который остался въ Москвѣ при прежнемъ значеніи. Другой заговоръ былъ составленъ бояриномъ Колычевымъ, но былъ открытъ.

Царь Василій не падалъ духомъ, продолжалъ разсылать по городамъ граматы; онъ всѣхъ убѣждалъ составлять ополченія и воевать противъ иноземцевъ и русскихъ измѣнниковъ, обѣщалъ всѣмъ прощеніе за прежнее и при-

знавалъ, что если кто цѣловалъ крестъ вору, то дѣлалось это по неволѣ.

Въ Тушинскомъ станѣ вся зима 1608—1609 года прошло въ смутахъ и бунтахъ; это мѣшало вору дѣйствовать рѣшительно противъ Москвы. Для укрощенія бунтовщиковъ были разосланы цѣлые отряды. Силы самозванца были раздѣлены. Вслѣдствіе такого раздѣленія подъ Москвою хотя и происходили битвы частыя, но мелкія. Послѣдняя большая схватка между Москвою и Тушиномъ произошла лѣтомъ, въ Троицынъ день, неожиданно для тушинцевъ; по свидѣтельству ихъ самихъ, они потеряли всю свою пѣхоту; много у нихъ было побито и взято въ плѣнъ москвичами. Русскій лѣтописецъ говоритъ, что московскіе люди проявили въ этой битвѣ такую храбрость, какой не бывало и тогда, когда силы Московскаго государства были въ сборѣ.

XV.

Договоръ со шведами о помощи. Скопинъ-Шуйскій и Делагарди. Движеніе наемнаго шведскаго войска къ Москвѣ.

Предварительный договоръ со шведами, заключенный въ концѣ 1608 г., былъ окончательно подписанъ въ Выборгѣ 28 февраля 1609 г. Шведы обязались выставить на помощь московскому государству пять тысячъ войска: три тысячи пѣшаго и двѣ коннаго; Московское государство будетъ платить ему ежемѣсячно тридцать двѣ тысячи рублей русскихъ, да кромѣ того уплатитъ пять тысячъ не въ зачетъ. Шведскій король сверхъ наемнаго войска обѣщалъ прибавить вспомогательнаго войска сколько будетъ нужно, съ тѣмъ, чтобы и Московскій государь отпустилъ войско безденежно шведскому королю, если потребуется. Московское государство уступало Швеціи навсегда свои прежнія притязанія на Ливонію; кромѣ того шведы потребовали уступки Корелы со всѣмъ уѣздомъ. Нужда въ иноземной помощи была очень велика; нужно было спѣшить; для спасенія

цѣлаго государства можно было пожертвовать пограничнымъ уголкомъ. Хотя Швеція и старалась взять какъ можно больше за свои услуги, но и ей самой, для собственнаго спасенія, было необходимо подать помощь; иначе, если-бы поляки овладѣли Московскимъ государствомъ, то Сигизмундъ, имѣвшій право на шведскій престолъ, обратилъ-бы соединенныя силы двухъ народовъ, для возвращенія короны, похищенной его дядею, принявшимъ королевское достоинство, подъ именемъ Карла IX, въ Швеціи. Заключеннымъ договоромъ Швеція вступила такимъ образомъ съ Московскимъ государствомъ въ оборонительный союзъ противъ Польши, такъ что ни та, ни другая сторона не могла заключить мира одна безъ другой.

Договоръ еще не былъ окончательно утвержденъ, а обѣщанныя пять тысячъ войска, да охотниковъ до десяти тысячъ, были уже высланы, подъ главнымъ начальствомъ Делагарди. Делагарди остановился въ Тесовѣ—въ 70 верстахъ отъ Новгорода.

Оба вождя, несмотря на свою молодость (Скопину было только двадцать три года, а Делагарди двадцать семь лѣтъ), уже успѣли прославиться. Отъ ихъ дружнаго согласія можно было ожидать великихъ дѣлъ. Иноземцы любовались русскимъ вождемъ: онъ былъ необыкновенно красивъ, привѣтливъ, статенъ, а болѣе всего привлекалъ своимъ умомъ и тою силою души, которая проявлялась во всѣхъ его поступкахъ.

Его величество, король шведскій,—сказалъ Делагарди при первой-же встрѣчѣ,—желаетъ, чтобы вашъ государь и все Московское государство процвѣтало вѣчно, а враги, взявшіе теперь такой верхъ, получили-бы достойное наказаніе на страхъ другимъ.

Скопинъ, по московскому обычаю, поклонился низко, прикоснувшись къ землѣ пальцами, и въ своей рѣчи старался скрыть тяжелое положеніе государства и представить дѣла его въ лучшемъ видѣ, чтобы не дать союзникамъ права думать, что отъ нихъ зависитъ все спасеніе земли Русской.

Съ прибытіемъ шведскаго войска, весною 1609 г. Скопинъ началъ наступательныя дѣйствія на тушинцевъ.

10-го Мая выступили—Скопинъ изъ Новгорода, а Де-

лагарди изъ Тесова. Шведы и Русскіе вытѣснили поляковъ изъ Старой Руссы и очистили Торонецъ и Порховъ. За ними сдались и прислали повинныя Ржевъ, Старица,

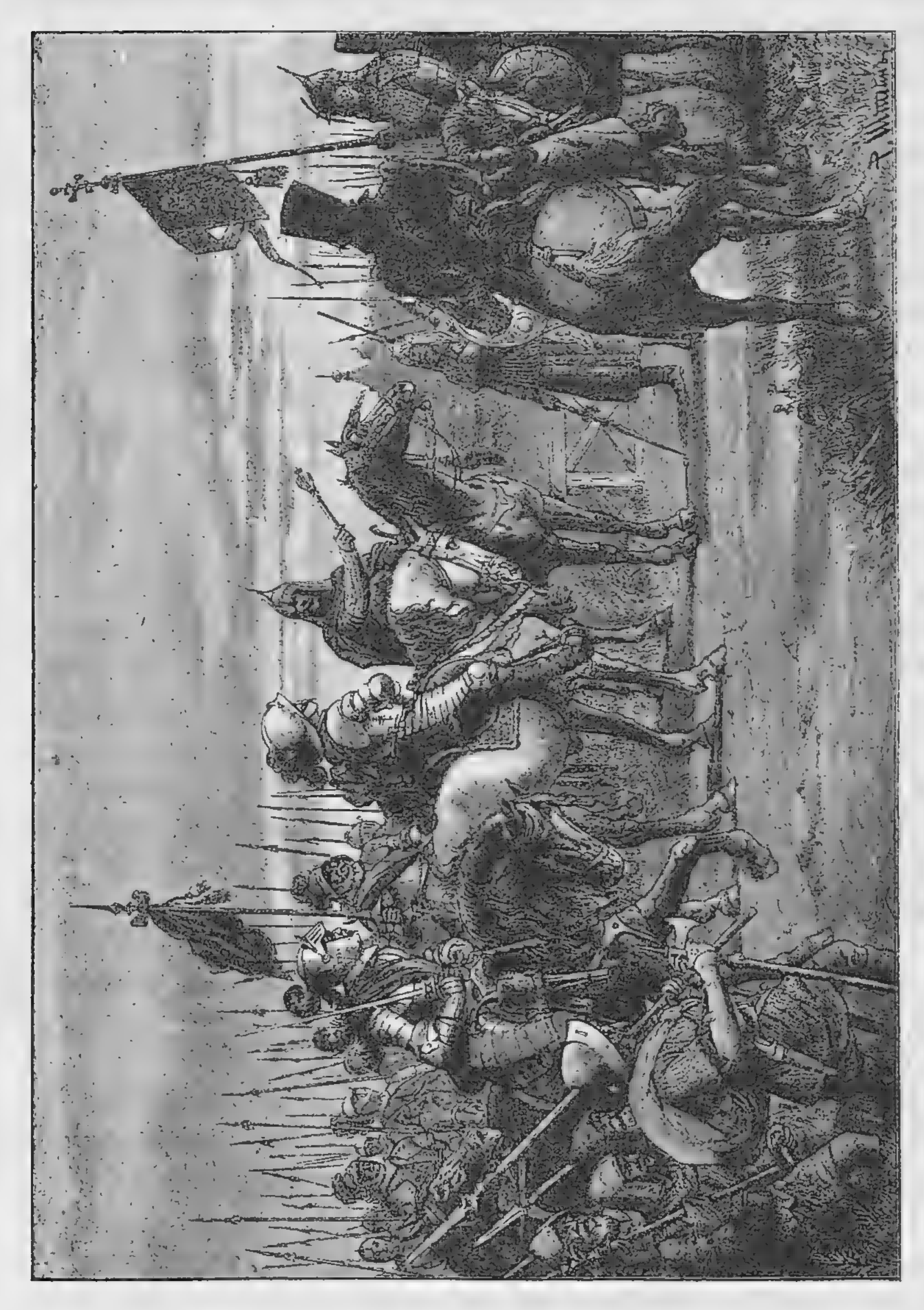

Рис. 15. Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій встрѣчаетъ шведскаго воеводу Делагарди близъ Новгорода.

Осташковъ; потомъ дворяне, дѣти боярскіе и посадскіе люди изъ Твери, Зубцова и Клина прислали ударить челомъ царю Василію Ивановичу.

Иноземное наемное войско предполагало, что оно будетъ медленно покорять городъ за городомъ чтобы продлить время и получить больше денегъ, а въ разсчетъ Делагарди входило и то предположеніе, что условленная Московскимъ правительствомъ его войску сумма такъ велика, что по прошествіи болѣе продолжительнаго времени, оно будетъ не въ состояніи ее выплачивать; тогда Швеція была-бы вправѣ захватить сѣверныя области, къ захвату которыхъ, какъ напримѣръ Корелы, путь уже былъ намѣченъ. Но Скопинъ убѣждалъ Делагарди чрезъ посланцевъ спѣшить на соединеніе съ нимъ, чтобы соединенными силами освободить Москву отъ осады. Шуйскій, увѣдомляя Скопина, отъ 2 іюня 1609 года, о посылкѣ изъ Тушина противъ него Зборовскаго и Шаховского съ отрядами войскъ и о нетерпѣніи, съ какимъ ждетъ его Москва, писалъ племяннику: «И тебѣ-бы, боярину нашему, никакъ своимъ походомъ не мѣшкать, намъ и всему нашему государству помощь на воровъ подать вскорѣ. И только Божіею милостію и твоимъ промысломъ и радѣньемъ государство отъ воровъ и отъ литовскихъ людей освободится—литовскіе люди твоего прихода ужаснутся и изъ нашей земли выйдутъ, или, по Божіей милости, побѣду надъ собою увидятъ, то ты великой милости отъ Бога, чести и похвалы отъ насъ и отъ всѣхъ людей нашего государства сподобишся; всѣхъ людей великой радостію исполнишь и слава дородства твоего въ нашемъ и въ окрестныхъ государствахъ будетъ памятна; а мы на тебя надежны, какъ на свою душу».

Скопинъ при движеніи не спѣшилъ, во-первыхъ потому, что къ нему стягивались посланные съ разныхъ сторонъ отряды, а во-вторыхъ онъ ждалъ пока прибудетъ къ нему Делагарди со своимъ войскомъ.

Во время выступленія изъ Новгорода былъ посланъ отрядъ подъ Псковъ; Скопинъ, не предвидя возможности скоро покончить со Псковомъ, приказалъ этому отряду спѣшить къ Москвѣ.

Изъ Тушина на встрѣчу Скопину были высланы, какъ уже было сказано, Зборовскій и князь Григорій Шаховской, который, освободившись изъ заключенія въ Каменской пустыни во время занятія сѣверныхъ городовъ войсками самозванца, пробрался въ Тушино. Весь отрядъ ихъ былъ до четырехъ тысячъ человѣкъ.

Отрядъ Зборовскаго и Шаховского встрѣтился съ передовымъ отрядомъ Скопина у Торжка. Зборовскій былъ прогнанъ; отходя отъ Торжка къ Твери, онъ отправилъ гонца въ Тушино, просить подкрѣпленія.

Скопинъ и Делагарди спѣшили къ Торжку, но придя, не нашли здѣсь Зборовскаго съ Шаховскимъ. Въ Торжкѣ силы ихъ увеличились новыми ратными людьми: къ нимъ пришли три тысячи человѣкъ изъ Смоленской земли. Получивъ такое подкрѣпленіе, шведскія и русскія войска выступили изъ Торжка къ Твери.

На пути изъ Торжка въ Тверь къ Делагарди явился отъ Зборовскаго посланный съ письмомъ, въ которомъ Зборовскій покушался отвлечь Делагарди отъ союза съ Шуйскимъ. Зборовскій писалъ, что поляки защищаютъ дѣло правое, и убѣждалъ Делагарди перейти со своими войсками на сторону Димитрія, увѣряя, что шведы обмануты людьми лживыми и злыми. Делагарди отвѣчалъ: «Я пришелъ сюда, въ Московское государство, рѣшать не словами, а оружіемъ вопросъ: кто справедливъ—поляки или москвитяне. Мое дѣло служить своему королю, устраивать воинскіе отряды, мечемъ рубить и изъ ружья стрѣлять»... Это отвѣтное письмо было послано съ другимъ, а принесшій письмо отъ Зборовскаго, былъ посаженъ на колъ, за попытку, пользуясь своимъ приходомъ, возмущать наемныхъ солдатъ.

Скопинъ далъ битву Зборовскому подъ Тверью и нанесъ полякамъ пораженіе. Зборовскій принужденъ былъ отступить отъ Твери, а Скопинъ двинулся впередъ, не придавая по прежнему значенія взятію мелкихъ городовъ, стремясь какъ можно скорѣе подойти къ столицѣ и освободить ее отъ осады. Не доходя до Москвы 130 верстъ, Скопинъ получилъ извѣщеніе, что шедшее за нимъ наемное иноземное войско отказывается служить, подъ предлогомъ неуплаты жалованья и что русскіе не очищаютъ Корелы, какъ бы слѣдовало, по договору, чрезъ одиннадцать недѣль по вступленіи шведовъ въ русскую землю. Делагарди хотѣлъ оффиціально скрыть отъ московскихъ людей, что его не слушаются подчиненные, и дѣлалъ видъ, будто самъ не хочетъ идти къ Москвѣ, потому что Москва не исполняетъ условія. Онъ отправилъ пословъ къ своему

королю за совѣтомъ и къ Василію Шуйскому, съ требованіемъ объ уплатѣ жалованья. Войско между тѣмъ бунтовало и настаивало на возвращеніи на родину. Делагарди вынужденъ былъ уступить и двинулся по дорогѣ къ Новгороду, но шелъ медленно; надѣясь, что дѣло поправится, онъ сталъ у Торжка. Шведскіе солдаты обращались съ населеніемъ не лучше поляковъ и воровъ...

Скопинъ, отправивши посланцевъ уговаривать Делагарди вернуться, самъ перешелъ Волгу подъ Городнею, чтобы соединиться съ ополченіями сѣверныхъ городовъ и дойдя, по лѣвому берегу, до Калязина, остановился. Соединясь съ сѣверными отрядами, Скопинъ выпросилъ у Делагарди около тысячи человѣкъ иноземцевъ, которые пришли подъ начальствомъ Христіерна Зоме.

Сапѣга и Лисовскій, послѣ неудачъ у Троицко-Сергіевской лавры, рѣшились напасть на Скопина подъ Калязинымъ. Сапѣга уже зналъ, что у Скопина двадцать тысячъ войска и ежедневно прибываютъ новыя силы. Скопинъ и царь грамотами повсюду сзывали отдѣльныя ополченія на соединеніе подъ Калязинъ. Здѣсь Христіернъ Зоме занимался обученіемъ ратному дѣлу московскихъ людей; онъ находилъ, что вооружены они хорошо, но не умѣли ни держаться строя, ни обращаться съ оружіемъ, ни копать валовъ, ни брать ихъ...

Сапѣга и Зборовскій, во главѣ двѣнадцатитысячнаго войска, пошли подъ Калязинъ и остановились 14 августа у Рябовой пустыни—верстахъ въ двадцати отъ Калязина. Скопинъ узналъ объ этомъ движеніи и отправилъ за Волгу отрядъ. Тушинцы выступили изъ подъ Рябовой пустыни и утромъ 18 августа стали переходить рѣку Жабну, недалеко отъ впаденія ея въ Волгу. Въ это время Скопинъ напалъ на тушинцевъ. Бились цѣлый день. Тушинцы подались и бѣжали. Это была первая ихъ битва со Скопинымъ, который уже давно наводилъ на нихъ страхъ. Скопинъ зналъ, что отъ этой побѣды надъ соединенными силами важнѣйшихъ предводителей смуты зависятъ во многомъ будущіе его успѣхи.

Сапѣга остановившись у Рябова хотѣлъ было поправиться, но войско его послѣ неудачи, не хотѣло биться.

XVI.

Заботы Василія Шуйскаго о прiисканiи средствъ на уплату жалованья наемному войску.

Теперь главнымъ дѣломъ царя Василія и Скопина было достать какъ можно больше денегъ для уплаты наемному войску. Царь, по требованію Делагарди и Скопина, уже прислалъ двѣнадцать тысячъ ефимковъ *), но больше прислать онъ не могъ. Царь и Скопинъ посылали грамоты за грамотами въ сѣверные города и монастыри съ требованіемъ денегъ на жалованье иноземному войску. Вотъ одна изъ этихъ грамотъ царя Василія въ Соловецкій монастырь: «Литва и измѣнники стоятъ подъ Московскимъ государствомъ долгое время и чинятъ утѣсненье великое; и въ томъ многомъ стояньи изъ нашей казны служилымъ людямъ на жалованье много денегъ вышло, а которые монастыри въ нашей державѣ и у нихъ всякая монастырская казна взята и роздана служилымъ людямъ. Что у васъ въ Соловецкомъ монастырѣ денежной всякой монастырской казны или чьи поклажи есть, то вы бы тотчасъ эту казну прислали къ намъ въ Москву, и когда Всесильный Богъ намъ надъ врагами побѣду подастъ и съ измѣнниками и съ ворами управимся, то мы ту монастырскую казну исполнимъ вдвое».

Скопинъ билъ челомъ пермскимъ приказнымъ людямъ въ такихъ выраженіяхъ: «Иноземцамъ, наемнымъ людямъ найму дать нечего, въ государевой казнѣ денегъ мало; извѣстно вамъ самимъ, что Государь въ Москвѣ отъ враговъ сидитъ въ осадѣ больше году; что было казны и та роздана ратнымъ людямъ, которые сидѣли съ государемъ въ Москвѣ. И вамъ бы говорить гостямъ и торговымъ лучшимъ и середнимъ, и всякимъ людямъ, чтобы они для покоя и христіанской избавы, чтобы московское государство за наемными деньгами до конца не разорилось, дали на наемъ ратнымъ людямъ денегъ, суконъ,

*) Такъ назывался въ Россіи талеръ (серебр. монета въ Германіи), около 90 коп.

камокъ, тафты, сколько кому можно; а какъ дастъ Богъ, отъ воровъ и отъ литовскихъ людей московское государство свободно будетъ, то государь велитъ тѣ деньги заплатить. Да собрать-бы вамъ съ посаду и съ уѣзду, кромѣ того, кто самъ дастъ, съ сохи по пятидесяти рублей денегъ, для избавы христіанской, нѣмецкимъ людямъ на наемъ. А у меня въ полкахъ дворяне и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ нѣмецкимъ людямъ деньги, лошадей и платье давали не однажды; а въ Новгородѣ митрополитъ, архимандриты и игумены, гости, посадскіе и уѣздные всякіе люди деньги, сукна и камки давали имъ сколько кому можно». Пермяки, плохо помогая царю Московскому деньгами, ту же холодность обнаружили, когда нужно было помочь отъ воровъ вятчанамъ. Напрасно, не разъ, писали вятчане, устюжане, вычегодцы и Строгановы, чтобы Пермяки выставили своихъ ратныхъ людей противъ воровъ, казаковъ и черемисъ, засѣвшихъ въ Котельничѣ.

Не такъ поступилъ Соловецкій монастырь, который вмѣстѣ съ Печенгскимъ въ два раза выслалъ все имѣвшееся у нихъ серебро 17.000 рублей и серебряную ложку.

Трудно сказать, насколько были виноваты пермяки, но видно, какихъ большихъ усилій требовалось Скопину, чтобы собрать жалованье наемнымъ войскамъ, приглашеннымъ спасать Московское государство.

XVII.

Приближеніе союзнаго войска къ Москвѣ.

Въ то время, когда Скопинъ стоялъ въ Калязинѣ, шли дѣятельные переговоры со шведами. Скопинъ, по договору съ секретаремъ Делагарди Олафсономъ, далъ на жалованье шведскому вспомогательному войску часть чистыми деньгами, а часть соболями. За это Олафсонъ обязался, отъ имени Делегарди, идти всѣмъ войскомъ на помощь Скопину подъ Калязинъ, а потомъ съ русскими силами— подъ Москву. При этомъ царь Василій принужденъ былъ

поспѣшить исполненіемъ Выборгскаго договора и послалъ въ Корелу приказъ очистить эту область. Король шведскій, получивъ извѣстіе о замѣшательствѣ, происшедшемъ среди посланныхъ имъ войскъ, понуждалъ Делагарди продолжать начатое дѣло.

Отрядъ, высланный Скопинымъ, занялъ Переяславль-Залѣсскій; съ другой стороны приближался Шереметевъ, который безпрепятственно вошелъ въ Муромъ и взялъ приступомъ Касимовъ.

Скопинъ отдалъ распоряженіе объ укрѣпленіи Переяславля. Отсюда союзники двинулись къ Александровской слободѣ. Здѣсь Сапѣга, Зборовскій и Рожинскій, съ четырьмя тысячами, дали союзнымъ войскамъ бой, продолжавшійся цѣлый день. Поляки отступили съ потерею. Такъ сѣверъ освобождался отъ тушинцевъ; и главныя рати царя Василія стягивались къ Москвѣ.

Тушинцы чувствовали, что рѣшительный часъ ихъ близокъ; имъ хотѣлось одолѣть Москву до прихода Скопина. Предъ приходомъ его въ Александровскую слободу они успѣли пресѣчь сообщеніе съ Москвою. Въ Серпуховѣ стоялъ нѣкто Млоцкій и не допускалъ подвоза съѣстныхъ припасовъ въ Москву; его шайки переходили съ владимірской дороги на коломенскую и обратно, перехватывая обозы съ хлѣбомъ. Кромѣ того еще шайка князя Урусова съ татарами сновала на Александровско-слободской дорогѣ. Отъ этихъ налетовъ не стало проѣзда въ Москву и быстро поднялась въ Москвѣ цѣна на все. Поднялся ропотъ и бунтъ. Царь Василій только и удерживалъ недовольныхъ постоянными обѣщаніями, что скоро придетъ Скопинъ.

Порывы Скопина идти прямо на Москву удерживалъ Делагарди: въ Суздали стоялъ Лисовскій и еще нѣкоторые города были заняты войсками вора: нужно было прежде обезпечить тылъ.

XVIII.

Выходъ польскаго короля изъ выжидательнаго положенія.

Союзъ московскаго государства съ Швеціей, войска которой уже дѣйствовали и помогали русскимъ, вывелъ Польшу изъ ея выжидательнаго положенія, заставилъ спѣшить рѣшительными мѣрами. До сихъ поръ она, косвенно, чрезъ разныхъ «своихъ-же» людей вредила московскому государству; мѣшало польскому королю Сигизмунду принять непосредственное участіе въ дѣйствіяхъ противъ Москвы, еще и то, что ему приходилось успокаивать своихъ же подданныхъ, возмутившихся противъ него; теперь онъ свободенъ. Онъ могъ еще терпѣть, спокойно ждать развязки, пока Шуйскій боролся съ самозванцемъ, а теперь, когда царь Московскій заключилъ вѣчный союзъ противъ Польши съ заклятымъ врагомъ, ея королемъ шведскимъ, Король польскій не могъ оставаться въ покоѣ.

Сигизмундъ 30 сентября 1610 года писалъ папѣ Павлу V: «Хотя несомнѣваюсь, что Вашему Святѣйшеству извѣстны причины, побудившія меня объявить войну Московскому государству, но здѣсь будетъ умѣстно повторить ихъ вкратцѣ для того, чтобы окончательно выяснить ихъ. Причины эти слѣдующія: распространеніе истинной христіанской вѣры и польза моего государства, неприкосновенность моихъ владѣній и сохраненіе пограничныхъ городовъ, которые непріятель собирался, повидимому, разорить, пуская для этого тайныя козни; захватъ исконныхъ владѣній королей польскихъ, совершенный измѣнническимъ образомъ тираномъ Василіемъ Ивановичемъ; наконецъ тиранство стольких самозванцевъ, которые, будучи увлечены страстнымъ желаніемъ царствовать, выдавали себя за потомковъ великихъ князей Московскихъ, разоряли Россію, какъ завзятые разбойники, и усѣяли ее могилами своихъ жертвъ, угнетая въ то же время подданныхъ моего королевства и нарушая вмѣстѣ съ тѣмъ мои права на наслѣдіе великихъ князей Московскихъ» (предокъ Сигизмунда, Ягайло, былъ сыномъ русской княжны и

женатъ былъ на княжнѣ русской). Папа одобрилъ побужденія Сигизмунда, благословилъ войну и послалъ ему нарамникъ *) и мечъ, какъ защитнику «истинной» вѣры.

Король польскій Сигизмундъ предпринялъ войну, чтобы завоевать Московское царство и объединить подъ одною короною Польшу, Литву и Москву, а потомъ добыть себѣ и Швецію.

Король, отправляясь къ границамъ Московскаго государства, оповѣстилъ сенаторовъ, что ѣдетъ въ Литву для наблюденія за ходомъ дѣлъ въ Россіи; онъ обѣщалъ имѣть въ виду только однѣ выгоды польской республики; все добытое на войнѣ съ Москвою отдастъ республикѣ, ничего для себя не удерживая.

Рис. 16. Король польскій Сигизмундъ III.

Смоленскъ, древній русскій городъ, былъ предметомъ спора между Литвою и Москвою издавна,—Москва возвратила его подъ свою власть при великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ; но Литва не могла забыть такой важной потери, такъ какъ этотъ городъ ключъ днѣпровской области, считался твердынею неприступною.

Всѣ замыслы и движенія въ Польшѣ были извѣстны смоленскому воеводѣ Шеину, который посылалъ туда своихъ лазутчиковъ; кромѣ того нѣкто Войтеховъ, подкупленный, письменно доносилъ Шеину. Въ мартѣ 1609 г. Войтеховъ писалъ ему, что по окончаніи сейма королевичъ хотѣлъ было идти на Москву, но пріѣхалъ воевода сендомирскій и посолъ отъ Лжедимитрія вмѣстѣ съ послами отъ тушинскихъ поляковъ съ просьбою къ королю

*) Наплечное украшеніе брони.

и панамъ, чтобы королевича на московское царство не слали, ибо они присягнули тушинскому царю головы свои положить, хотя-бъ и противъ своей братьи. Тотъ-же Войтеховъ сообщилъ извѣстія изъ тушинскаго стана: онъ писалъ, что крутиголова—Димитрій хочетъ оставить Тушино и утвердиться на новомъ мѣстѣ, потому что весною смрадъ задушитъ войско: весною-же онъ хочетъ непремѣнно добыть Москву. Еще Войтеховъ писалъ, что сендомирскій воевода на сеймѣ именемъ Димитрія обязался отдать Польшѣ Смоленскъ и сѣверскую землю, и еслибъ Мнишекъ не присягнулъ въ этомъ, то поляки непремѣнно хотѣли посадить королевича на царство Московское. (Это впослѣдствіи оказалось ложью). По письму Войтехова Шеину было извѣстно также, что изъ Тушина пріѣхало домой много польскихъ купцовъ, которые говорятъ, что Лжедимитрій хочетъ бѣжать боясь Рожинскаго и казаковъ, что у него нѣтъ денегъ, на жалованье польскому войску, которое будто-бы говоритъ: «если-бы царь Московскій заплатилъ намъ, то мы воровъ выдали-бы, а изъ земли Московской вышли», что Шуйскому стоитъ привлечь Заруцкаго съ его донскими казаками и тогда можно сжечь тушинскіе таборы. Войтеховъ писалъ Шеину и о себѣ: «Пришлите мнѣ, пожалуйста, бобра добраго, чернаго, самороднаго, потому что меня слово обошло за послѣднее письмо къ вамъ,—такъ надобно что-нибудь въ очи закинуть».

У пограничныхъ жителей московскихъ и литовскихъ происходили обычные споры. Гонсѣвскій, бывшій посолъ въ Москвѣ, приглашалъ Шеина на порубежный съѣздъ для рѣшенія спорныхъ вопросовъ; но Шеинъ боялся принять на себя отвѣтственность въ рѣшеніи пограничныхъ вопросовъ въ такое смутное время, а тутъ еще ему стало извѣстно, что Гонсѣвскій затѣмъ и пріѣзжалъ въ пограничное мѣстечко Велижъ, чтобы подговорить жителей Смоленска къ сдачѣ королю. Этотъ-то Гонсѣвскій извѣщалъ короля о желаніи бояръ имѣть царемъ королевича Владислава.

Сигизмундъ выступилъ въ походъ послѣ Пасхи, въ 1609 году. Въ Минскѣ король имѣлъ свиданіе съ гетманомъ Жолкѣвскимъ, который еще раньше возражалъ про-

тивъ войны, а теперь онъ говорилъ: «Имѣете-ли ваше величество подтвержденіе отъ бояръ, что они дѣйствительно желаютъ вашего прихода; точно-ли Смоленскъ хочетъ сдаться?» Но сторонники предпріятія говорили: «Пока король далеко, боярамъ трудно отозваться; а когда услышатъ, что король перешелъ границу, тотчасъ заявятъ свое расположеніе».—Тутъ получилось новое письмо Гонсѣвскаго, которое подбодрило короля: въ немъ Гонсѣвскій настаивалъ, чтобъ поляки шли какъ можно скорѣе, чтобы не упустить благопріятныхъ обстоятельствъ.

Перейдя границу, Сигизмундъ отправилъ въ Смоленскъ грамоту, въ которой говорится, что по смерти послѣдняго Рюриковича, царя Θеодора, стали Московскими государями люди не царскаго рода и не по Божію изволенію, но собственною волею, насиліемъ, хитростію и обманомъ, вслѣдствіе чего возстали братъ на брата, пріятель на пріятеля; что многіе изъ большихъ, меньшихъ и среднихъ людей московскаго государства и даже изъ самой Москвы, видя такую гибель, били челомъ ему Сигизмунду, чтобъ онъ, какъ царь христіанскій и наиближайшій родичъ московскаго государства, вспомнилъ свойство и братство съ природными, старинными государями Московскими, сжалился надъ гибнущимъ государствомъ ихъ. И вотъ онъ, Сигизмундъ, идетъ съ большимъ войскомъ не для того, чтобъ проливать кровь русскую, но чтобъ оборонить русскихъ людей, стараясь болѣе всего о сохраненіи православной русской вѣры Потому смоленцы должны встрѣтить его съ хлѣбомъ и солью, и тѣмъ положить всему дѣлу доброе начало, въ противномъ же случаѣ войско королевское не пощадитъ никого.

Въ словахъ Сигизмунда видно желаніе царствовать на Руси самому, о Владиславѣ-же ни слова.

Шеинъ посланье Сигизмунда оставилъ безъ отвѣта. Посланному приказалъ немедленно удалиться и грозилъ утопить его, если станетъ медлить и разговаривать. Поляки, бывшіе съ самозванцемъ, раздражили противъ себя русскихъ до того, что мысль отдаться Сигизмунду соединялась съ ужасомъ, что придутъ поляки и будутъ своевольничать.

Городъ Смоленскъ былъ очень великъ. Окружность его

была до семи верстъ; по стѣнамъ крѣпости его стояло 38 башенъ, каждая въ длину до девяти саженъ, стѣны изъ громадныхъ квадратныхъ природныхъ камней. Мѣстоположеніе Смоленска было очень выгодно для обороны— онъ стоялъ на холмахъ, перерѣзанныхъ оврагами. На другомъ берегу протекающаго тутъ Днѣпра былъ посадъ, обнесенный деревянною стѣною, называвшійся «Деревяннымъ городомъ».

При приближеніи польскаго войска смоленцы зажгли «Деревянный городъ», а сами ушли въ «Каменный городъ». Поляки повторяли предложенія сдаться нѣсколько разъ. Былъ посланъ монахъ, но тотъ не вернулся. Пришелъ какой-то русскій съ убѣжденіями о сдачѣ, но его смоленцы повѣсили за то, что онъ, будучи русскимъ, принялъ на себя такое порученіе. Пострѣлявши нѣсколько дней напрасно, поляки отправили посланца собственно къ смоленскимъ купцамъ; тѣ приняли его ласково, но приказали говорить и слушать не иначе, какъ глядя въ землю, чтобы онъ не могъ разсмотрѣть крѣпость.

Съ первыхъ-же дней осада Смоленска шла неудачно. Осажденные держали себя смѣло: такъ однажды шестеро смѣльчаковъ, переѣхавъ изъ крѣпости черезъ Днѣпръ на лодкѣ къ непріятельскимъ шанцамъ среди бѣлаго дня, засхватили знамя и вернулись благополучно.

12 октября король приказалъ идти на приступъ; разбивъ ворота петардой, часть войска ворвалась въ городъ, но не получивъ подкрѣпленія, была вытѣснена осажденными. Неудавались также и подкопы.

XIX.

Недовольство тушинцевъ дѣйствіями Сигизмунда и переговоры съ нимъ. Затруднительное положеніе второго самозванца. Переговоры тушинскихъ пословъ съ Сигизмундомъ.

Приходъ Сигизмунда подъ Смоленскъ произвелъ въ тушинскомъ станѣ волненіе. Въ походѣ короля тушинцы усматривали, что онъ самъ домогается московской короны

и признаетъ тушинскаго царька обманщикомъ и не уважаетъ правъ и видовъ поляковъ, помогавшихъ Димитрію. Гетманъ Рожинскій былъ первый противъ короля; въ Тушинѣ онъ былъ полновластнымъ хозяиномъ, а въ войскѣ короля онъ не могъ имѣть такого значенія. Рожинскому не трудно было уговорить товарищей не отступать отъ цѣли, столь уже близкой къ осуществленію. Они обязались другъ передъ другомъ не покидать Димитрія пока онъ не достигнетъ престола, не переходить въ другое войско, хотя-бы и королевское, подъ смертною казнію; а въ случаѣ воцаренія Димитрія требовать отъ него вознагражденія всѣмъ вмѣстѣ; если-же царь сталъ-бы медлить, то захватить области сѣверскую и рязанскую и кормиться доходами отъ нихъ пока не получатъ свое сполна. Подписанный актъ тушинцы отправили къ королю подъ Смоленскъ съ послами Мархоцкимъ и товарищами съ просьбою, чтобы онъ вышелъ изъ Московскаго государства и не мѣшалъ ихъ предпріятію.

Въ то время, какъ тушинцы отправили пословъ къ Сигизмунду, къ нимъ шли послы короля. Имъ было поручено внушить полякамъ, что имъ гораздо приличнѣе служить своему государю, чѣмъ иноземному искателю приключеній и что они должны прежде всего заботиться объ интересахъ Польши. Король обѣщалъ, если соединенными силами будетъ покорена Москва, выдать имъ вознагражденіе изъ московской казны. Русскимъ-же, находившимся въ Тушинѣ, обѣщать сохраненіе вѣры, обычаевъ, законовъ, имущества и богатыя награды, если они передадутся польскому королю.

Тушинцы, отправленные къ королю, встрѣтились въ Дорогобужѣ съ послами короля въ тушинскій таборъ. Королевскіе послы допытывались узнать, за чѣмъ ѣдутъ Тушинцы къ королю, но ничего не узнали.

Король встрѣтилъ тушинскихъ депутатовъ съ почетомъ. Передъ королемъ, отъ лица всего рыцарства, служащаго Димитрію, говорилъ Мархоцкій. Онъ сказалъ, что королю не нужно вступаться въ Московское государство, что вступленіе короля есть непріятельское дѣйствіе противъ Димитрія, что чрезъ это рыцарство теряетъ надежду на вознагражденіе своихъ трудовъ, предпринятыхъ на соб-

ственныя издержки. Непочтительный тонъ рѣчи возбудилъ пановъ: они смѣялись депутатамъ, что Марина вышла замужъ за второго Димитрія... Получивъ отъ короля суровый отвѣтъ, тушинцы немедленно отправились изъ-подъ Смоленска и прибыли въ свой таборъ раньше пословъ короля.

По выслушаніи ихъ донесенія, Рожинскій съ товарищами совѣтовались принимать или не принимать пословъ короля, уже приближавшихся къ Тушину. Многіе настаивали, чтобы остаться при томъ рѣшеніи, которое было постановлено первоначально; но войско не согласилось, оно уже страдало безденежьемъ; между тѣмъ, еще до прибытія своего въ Тушино, посольство чрезъ своихъ агентовъ пустило среди тушинскаго войска слухъ, что король привезъ большую сумму денегъ для уплаты войску; всѣ надежды этого войска были построены на обѣщаніи, что вотъ-вотъ возьмемъ Москву, получимъ все; а Москва что-то недавалась имъ; а теперь возможность получить вознагражденіе другимъ путемъ—измѣнила прежній духъ и взаимная клятва потеряла свою силу. Въ это время Сапѣга, стоявшій у св. Троицко-Сергіевской лавры, послалъ извѣстить, что онъ со всѣмъ своимъ войскомъ покоряется королю и требовалъ, чтобы тушинцы вступили въ переговоры.

Послы короля прибыли 17 декабря 1609 года. Рожинскій принялъ ихъ, а царекъ и Марина смотрѣли въ окно изъ своей избы, когда проѣхало это посольство къ стану, въ сопровожденіи Зборовскаго и Рожинскаго; сидѣли они, какъ говорится не у дѣлъ, чувствовали свое горе, на нихъ уже не обращали никакого вниманія; при этомъ вожди тушинскихъ поляковъ ругали царька, что онъ мошенникъ, обманщикъ. Лжедимитрій намѣревался уѣхать съ своими русскими приверженцами, которымъ непріятно было такое обращеніе поляковъ съ ихъ «царемъ прирожденнымъ». Царьку удалось было выйти изъ стана съ 400 донскихъ казаковъ, но Рожинскій, догнавъ, вернулъ ихъ въ Тушино, гдѣ Лжедимитрій съ тѣхъ поръ былъ подъ строгимъ надзоромъ.

На другой день послы короля сказали, что они должны объявить свое посольство отъ короля войску. На это Рожинскій отвѣтилъ: «У насъ есть царь Димитрій,—прежде

ему слѣдуетъ представиться; мы его войско, служимъ подъ его властію и знаменемъ и потому спрашиваемъ васъ, имѣете-ли что либо сообщить царю Димитрію?» Послы на такой вопросъ вмѣсто отвѣта сами спросили: «Тотъ ли этотъ Димитрій Ивановичъ, которому вся земля присягнула? Если онъ тотъ самый, то намъ поручено объявить ему, что государь нашъ не только не хочетъ ему противодѣйствовать, но еще будетъ помогать ему противъ измѣнниковъ. Если-же онъ ложный, то его величество не можетъ посылать своихъ пословъ къ обманщику». На это было отвѣчено такъ: «Не хотимъ васъ обманывать, онъ не тотъ, который царствовалъ прежде, и не тотъ, за кого себя выдаетъ, но такъ дѣла требуютъ и особенно такъ слѣдуетъ поступать ради Москвы, которая смотритъ въ оба глаза на королевское посольство. Если его явно отвергнуть и пренебречь, сдѣлается смута. Предоставьте намъ... мы лучше знаемъ свойства нашего Димитрія. Мы съумѣемъ сохранить достоинство нашего государя». — Произошелъ между поляками споръ: одни отказывались принимать пословъ мимо Димитрія, а другіе говорили, что послы пріѣхали не къ Димитрію, а къ намъ, отъ нашего короля, государя.

28 декабря Димитрій спросилъ у Рожинскаго о чемъ идутъ переговоры съ королевскими послами; подвыпившій гетманъ отвѣтилъ: «А тебѣ что за дѣло, зачѣмъ послы пріѣхали ко мнѣ. Чертъ тебя знаетъ, кто ты таковъ. Довольно мы служили тебѣ и проливали кровь, а пользы не видимъ». Послѣ этого Лжедимитрій рѣшилъ непремѣнно бѣжать изъ Тушина и въ тотъ же день вечеромъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, сѣлъ въ навозныя сани и уѣхалъ въ Калугу съ шутомъ своимъ Кошелевымъ. Въ таборѣ произошелъ страшный безпорядокъ. Пестрое войско, собранное во имя призрачнаго царя, узнавъ, что его нѣтъ, сильно волновалось. Умѣнье дѣйствовать на толпу, повелительный тонъ Рожинскаго успокоилъ волновавшихся. Они не имѣли привязанности къ Димитрію, но страхъ потерять заслуженное,—желаніе получить *золотыя горы* вскружило имъ головы, и кончилось волненіе тѣмъ, что напавъ на царскія избы, мигомъ захватили въ нихъ все, что тамъ было болѣе или менѣе цѣннаго.

Совѣщанія тушинцевъ съ королевскими послами ни къ чему не привели. Послы короля воздерживались отъ большихъ обѣщаній, какъ напримѣръ—уплатить всему тушинскому войску жалованье, зато они щедры были на обѣщанія по одиночкѣ и въ короткое время склонили на свою сторону Зборовскаго, Рожинскаго и другихъ.

За отъѣздомъ самозванца, Рожинскому съ товарищами ничего не оставалось, какъ только вступить въ соглашеніе съ королемъ, сокративъ требованія. Но что было дѣлать съ русскими, которыхъ было много въ Тушинскомъ станѣ? Двинуться за самозванцемъ они не могли,—ихъ поляки и не пустили-бы, да и надѣяться, что онъ поправитъ свои обстоятельства не было основаній. Не могли они просить и Шуйскаго, который теперь уже не могъ смотрѣть на нихъ, какъ на прежнихъ перебѣжчиковъ отъ Димитрія. Русскимъ тушинцамъ оставался одинъ выходъ вступить въ соглашеніе съ послами короля. Въ назначенное время, по просьбѣ послѣднихъ, собрались: нареченный патріархъ Филаретъ съ духовенствомъ, Заруцкій съ ратными людьми, Салтыковъ съ людьми думными и придворными. Посолъ Станиславъ Стадницкій въ рѣчи своей собравшимся доказывалъ добрыя намѣренія польскаго короля относительно Московскаго государства, о готовности короля принять его подъ свою защиту, для освобожденія отъ тирановъ безправныхъ. Русскіе охотно слушали рѣчь посла и королевскую грамоту, но принимая покровительство короля, они требовали прежде всего неприкосновенности православной вѣры. Послы поручились въ этомъ. Русскіе написали отвѣтную грамоту королю, въ которой видны нерѣшительность и желаніе протянуть время, дождаться, что произойдетъ въ Москвѣ и областяхъ вѣрныхъ ей. Русскіе тушинцы вступили въ соглашеніе съ тушинцами—поляками, обязавшись не оставлять другъ друга и не приставать ни къ бѣжавшему царьку, ни къ Шуйскому или его братьямъ.

Партія русскихъ тушинцевъ, склонная къ переходу на сторону короля, постановила послать къ нему депутацію, которая должна была представить королю письменно пункты условій, на которыхъ эта партія готова передаться польскому королю.

Послами отъ московскихъ людей, находившихся въ тушинскомъ лагерѣ были: Михаилъ Салтыковъ и сынъ его — Иванъ, князь Василій Рубецъ—Мосальскій, Юрій Хворостининъ, князь Федоръ Мещерскій, дьякъ Иванъ Грамотинъ и другіе дворяне—всего сорокъ два человѣка.

31 января 1610 года послы отъ русскихъ тушинцевъ были торжественно представлены королю. Прибытіе ихъ было праздникомъ для польскаго самолюбія. Поляки радовались и думали, что завоеваніе Московіи уже совершено безъ боя. Король сидѣлъ въ шатрѣ, окруженный сенаторами.

Прежде всѣхъ приблизился къ королю Салтыковъ, который говорилъ о расположеніи московскаго народа къ королю и отъ имени этого народа благодарилъ его за милость. Сынъ его, Иванъ Салтыковъ, билъ челомъ королю отъ имени патріарха Филарета и отъ имени всего духовенства. Наконецъ дьякъ Иванъ Грамотинъ отъ имени Думы, Двора и всѣхъ людей объявилъ, что въ Московскомъ государствѣ желаютъ имѣть царемъ королевича Владислава, съ тѣмъ, чтобы король сохранилъ неприкосновенною святую православную вѣру, которую столько вѣковъ исповѣдывали московскіе люди. Послѣ Грамотина опять говорилъ Михаилъ Салтыковъ и также подтвердилъ желаніе имѣть царемъ Владислава. Салтыковъ заплакалъ, когда просилъ о сохраненіи православной вѣры; онъ зналъ какая опасность угрожаетъ православію отъ Сигизмунда.

При переговорахъ между сенаторами и послами русскіе прежде всего потребовали неприкосновенности православія. 4-го февраля былъ написанъ предварительный договоръ изъ восемнадцати пунктовъ, которые обнимали желанія русскихъ людей въ интересахъ православія и всего строя жизни Московскаго государства. Въ этихъ пунктахъ вопросъ о принятіи Владиславомъ православной вѣры обойденъ молчаніемъ.

У короля съ сенаторами былъ такой разговоръ: «Ничего не можетъ быть славнѣе, какъ призвать къ этому великому назначенію царственнаго отрока Владислава, надежду христіанства; но только не нужно забывать, съ какимъ народомъ имѣемъ дѣло: у этого народа такіе же суровые нравы, какъ сурово небо ихъ земли; онъ него-

степріимен, ненавидит иноземцев, вѣроломен, коварен; с ним нужно водиться очень осторожно Нужно узнать, что у него на умѣ. Может быть, они только хотят избавиться от Шуйскаго и поневолѣ к нам обращаются. Царством этим легко овладѣть, да удержать его много будет труда. Но все же не слѣдует пренебрегать случаем, так как небо дает нам в руки это государство; нужно ласкать их; теперь они расположены лучше отдаться чужим государям, чѣм своим, и нѣт у них в виду претендента, которому бы они приносили законное повиновеніе».

Сенаторы рѣшили, что такого важнаго дѣла рѣшить окончательно нельзя без согласія всѣх чинов польскаго государства.

Послѣ этого король писал польским сенаторам: «Хотя, при таком усиленном желаніи этих людей, мы, по совѣту находящихся здѣсь панов, и не разсудили вдруг опровергнуть надежды их на сына нашего, дабы не упустить случая привлечь к себѣ и москвитян, держащих сторону Шуйскаго, и дать дѣлам нашим выгоднѣйшій оборот, однако имѣя в виду, что поход предпринят не для собственной пользы нашей и потомства нашего, а для общей выгоды республики, мы без согласія всѣх чинов ея не хотим постановить с ними ничего положительнаго». Король указал здѣсь на свое безпристрастіе к семейным своим выгодам. Далѣе король просит сенаторов помочь войском и деньгами: «только недостаток в деньгах может помѣшать такому цвѣтущему положенію наших дѣл, когда открывается путь к умноженію славы рыцарства, к расширенію границ республики и даже к совершенному завладѣнію Московскою монархіей».

Сигизмунд спѣшил сдѣлать и второй шаг вперед для выполненія своих замыслов: он потребовал от послов, и они согласились повиноваться ему до прибытія Владислава в Москву, в чем и дали присягу.

Окончательное признаніе Владислава было отложено. Послы, обнадеженные и обласканные, пировали у Сигизмунда; пировали с панами, очарованные любезностью, с какою обходились с ними поляки.

По выходѣ тушинцевъ—москвичей были приняты королемъ тушинскіе послы отъ поляковъ, во главѣ съ Хруслинскимъ, который произнесъ рѣчь, полную покорности и готовности служить королю. Тутъ-же были поданы изложенныя на бумагѣ требованія, но эти требованія показались королю и сенаторамъ непріемлемыми.

Тушинскіе послы—москвичи уже собирались къ отъѣзду въ Тушино; въ это время польскіе депутаты, не получившіе удовлетворенія отъ короля, обратились къ русскимъ посламъ съ претензіею, ссылаясь на то, что москвичи въ Тушинѣ обѣщали быть заодно съ поляками, и теперь настаивали, чтобы они не отдѣляли своего дѣла отъ ихъ дѣла. Вслѣдствіе этого депутаты отъ тушинскихъ польскихъ войскъ получили, въ присутствіи короля, письменный отвѣтъ, въ которомъ выяснено, что король не можетъ принять на себя того, что по законамъ Польши не можетъ быть допущено безъ согласія Рѣчи Посполитой, т. е. налагать налоги, распоряжаться королевскими имѣніями; но король обѣщалъ дать имъ требуемое вознагражденіе тогда, когда будетъ владѣть Московскимъ государствомъ и опредѣлялъ доходы съ сѣверской и рязанской земли на жалованье войску и сверхъ того обѣщалъ дать имъ въ подарокъ извѣстную сумму. Что-же касается Марины, за которую депутаты также просили, то король выразилъ готовность сохранить ей, по справедливости, какъ женѣ бывшаго на престолѣ Димитрія, часть Московскаго государства. По полученіи такого отвѣта тушинцы—московскіе уѣхали 20 февраля, а польскіе 1 марта.

Между тѣмъ тушинскій станъ волновался. Было привезено кѣмъ-то письмо отъ царька, въ которомъ онъ жаловался на коварство польскаго короля, убѣждалъ рыцарство ѣхать къ нему на службу въ Калугу и привезти къ нему его супругу; предлагая тотчасъ по тридцати злотыхъ на коня, обѣщалъ исполнить всѣ прежнія обѣщанія по завоеваніи Москвы. Марина бѣгала отъ палатки къ палаткѣ, умоляя ратныхъ людей принять сторону ея мужа; обѣщанія выгодъ въ устахъ Марины получали особую привлекательность. Димитрій былъ особенно необходимъ тѣмъ изъ поляковъ, которые, потерявъ собственность въ Польшѣ,

или не имѣя ея, мечтали получить ее въ московской землѣ. Но болѣе всѣхъ были на сторонѣ Вора донскіе казаки: имъ были совершенно чужды Сигизмундъ и Шуйскій, да и сама Москва была имъ чужою,—имъ нуженъ былъ свой особенный государь, *царь—своеволія*. Ихъ атаманъ Заруцкій сталъ было на сторону короля Сигизмунда и хотѣлъ вести подчиненныхъ подъ Смоленскъ, но казаки его уходили изъ табора и шли въ Калугу. Ихъ пытались остановить силою оружія и уложили тысячъ до двухъ. Остальные достигли Калуги, въ томъ числѣ князь Димитрій Трубецкой и Засѣкинъ; были и такіе, которые послушали Заруцкаго, вернулись къ нему. Казаки ушли, но тушинскій станъ продолжалъ волноваться. Сочувствовавшіе Димитрію не поспѣли на помощь къ казакамъ, за которыми былъ въ погонѣ Рожинскій. Марина была внѣ себя и въ ночь съ 16 на 17 февраля 1610 года, переодѣтая въ мужское платье, она бѣжала въ Дмитровъ къ Сапѣгѣ, который обѣщалъ принять ея сторону. Тушинцы волновались. Не осталось въ лагерѣ ни царька, ни жены его. Негодованіе противъ Рожинскаго росло. Онъ убѣждалъ имѣть терпѣніе, хотя до возвращенія отправленныхъ къ королю пословъ; Московскіе люди, остававшіеся въ Тушинѣ вмѣстѣ съ Филаретомъ, котораго продолжали называть патріархомъ, также роптали, не получая свѣдѣній отъ пословъ.

Наконецъ послы прибыли; прочитали отвѣтъ короля, въ которомъ нашли только одни обѣщанія. Тушино еще больше начало волноваться и требовало немедленной уплаты денегъ. Рожинскій вынужденъ былъ отправить гонца къ королю съ письмомъ, въ которомъ онъ писалъ: «Войско готово идти къ Димитрію снова; если жалованье не будетъ уплачено какъ можно скорѣе,—оно уйдетъ.» Въ это время получилось извѣстіе, что Лжедимитрій обѣщаетъ тушинскому войску уплатить жалованье восемьдесятъ тысячъ злотыхъ, которые дѣйствительно могли-бы водворить порядокъ, но ихъ не получалось ни отъ царька, ни отъ короля.

Волненіе поднялось до высшей степени. Собрались на совѣтъ: «Нужно снова поднять Димитрія», — говорили одни. «Будемъ вести переговоры съ Шуйскимъ»,—гово-

рили другіе. «Отойдемъ за Волгу, этимъ откроемъ бокъ королевскій,—пусть его тѣснитъ непріятель»,—говорили третьи. «Пойдемъ, когда такъ, въ Польшу»,—кричали иные.

Рожинскій ничего не могъ возразить на доводы своихъ подчиненныхъ, нуждавшихся въ деньгахъ. Раздались выстрѣлы въ сторону, гдѣ былъ гетманъ; приверженцы его отвѣчали. Противники Рожинскаго при крикахъ: «Кто добръ, тотъ за нами!» — выѣхали изъ стана въ поле и рѣшили ѣхать въ Калугу къ Лжедимитрію.

Рожинскій пробовалъ еще доносить королю о необходимости высылки денегъ или прибытія короля на помощь, но король не трогался изъ подъ Смоленска и не прислалъ никого въ Тушино для окончательныхъ переговоровъ съ рыцарствомъ. Онъ вынужденъ былъ покинуть Тушино въ первыхъ числахъ марта 1610 года, зажегъ станъ и двинулся къ Іосифову Волоколамскому монастырю. Немногіе изъ русскихъ пошли за нимъ; большая часть поѣхали съ повинною въ Москву или Калугу.

Когда въ Тушинѣ все распадалось, Сапѣга съ Мариною въ Дмитровѣ выдержали напоръ войскъ Скопина. Теперь Марина рѣшила ѣхать въ Калугу къ Димитрію. Сапѣга пробовалъ ее удерживать. «Не безопаснѣе-ли вамъ, говорилъ онъ, воротиться въ Польшу, къ отцу и матери, а то вы попадете въ руки Скопина и Делагарди». «Я царица всея Руси, отвѣчала Марина; лучше исчезнуть здѣсь, чѣмъ со срамомъ воротиться къ своимъ ближнимъ въ Польшу». Сапѣга хотѣлъ ее удержать противъ воли, но Марина сказала: «Если ты меня не пустишь, то я дамъ тебѣ битву. У меня есть триста пятьдесятъ казаковъ». Послѣ этого Сапѣга не останавливалъ Марину; она надѣла бархатный кафтанъ краснаго цвѣта, вооружилась саблею и пистолетомъ и уѣхала въ Калугу.

Послѣ отъѣзда Марины Сапѣга вскорѣ двинулся къ Волоколамску, къ Іосифову монастырю; здѣсь былъ уже Рожинскій.

Въ Іосифовомъ монастырѣ Рожинскій какъ-то упалъ, ушибся и, недолго поболѣвъ, умеръ. Послѣ суматохи, происшедшей вслѣдствіе его смерти, нѣкоторые польскіе военачальники съ своими отрядами объявили, что будутъ служить одному королю.

Зборовскій съ большею частью войска пошелъ къ Смоленску, а другая осталась въ Іосифовомъ монастырѣ, но была вытѣснена союзнымъ войскомъ. Уходя изъ монастыря, поляки покинули русскихъ выведенныхъ изъ Тушина, среди нихъ и митрополита Филарета, который теперь получилъ возможность уѣхать въ Москву. Изъ 1500 поляковъ и донскихъ казаковъ, послѣ битвы подъ Іосифовымъ монастыремъ, спаслось только триста человѣкъ, потерявши все и знамена. Всѣ тушинскіе поляки послѣ этого соединились на рѣкѣ Угрѣ и отсюда завели сношенія съ Лжедимитріемъ, пріѣзжавшимъ къ нимъ изъ Калуги дважды, такъ какъ, не получивши денегъ, поляки не трогались. Войско Лжедимитрія вновь достигло до 6000 человѣкъ.

Сапѣга съѣздилъ къ королю, поклонился ему и поѣхалъ, какъ говорятъ, по тайному соглашенію съ королемъ, къ тушинскому вору.

Лжедимитрій и король находились въ затруднительномъ положеніи: первый ничего не могъ предпринять противъ Москвы съ шестью тысячами войска; московскіе-же отряды подходили уже подъ самую Калугу, а второй, поспѣшившій къ Смоленску съ малыми силами, думалъ, что одного присутствія его будетъ достаточно, чтобы покорить Московское государство, истерзанное смутою; теперь онъ видѣлъ предъ собою неравную борьбу. Въ то же время король убѣждался, что приходъ его въ Московское государство принесъ только пользу Шуйскому, разогнавъ тушинскій таборъ. При такихъ обстоятельствахъ произошло теперь сближеніе Калужскаго царька съ королемъ.

XX.

Въѣздъ Михаила Скопина-Шуйскаго и Делагарди въ Москву. Недовольство народа царемъ Василіемъ Шуйскимъ. Кончина Михаила Скопина-Шуйскаго.

Москва освободилась отъ Тушина. Скопинъ и Делагарди 12 марта 1610 г. въѣхали въ Москву.

По приказу царя бояре встрѣтили Скопина-Шуйскаго у городскихъ воротъ съ хлѣбомъ-солью. Простые граждане предупредили ихъ, падали ницъ и со слезами благодарили его за освобожденіе Москвы отъ самозванца. Взоры всѣхъ обратились къ Скопину-Шуйскому. Замутившееся русское общество страдало отъ отсутствія человѣка, на котораго можно было бы опереться. Такимъ человѣкомъ явился Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Послѣ горькихъ лѣтъ тѣсноты и униженія Москва справляла теперь давно невиданный праздникъ.

Но не долго пришлось Москвѣ радоваться. При похвалахъ Скопину въ народѣ росло неуваженіе къ царю Василію. Вездѣ шелъ говоръ, что лучше-бы избрать на царство всею землею боярина, который доказалъ уже свою способность, заслужилъ честь трудами на пользу и избавленіе всей земли. Когда Скопинъ былъ еще въ Александровской Слободѣ, до прихода въ Москву, Прокопій Ляпуновъ присылалъ къ нему представителей отъ рязанской земли, которые заявили, что вся рязанская земля хочетъ, чтобы онъ былъ избранъ въ цари. Михаилъ Васильевичъ, не придавъ этому заявленію значенія, не сообщилъ своему дядѣ, который узналъ объ этомъ стороною. И недавній любимецъ-племянникъ сталъ теперь царю Василію ненавистенъ. Трудно было увѣрить его въ несправедливости подозрѣній. Вездѣ уже стали говорить, что царь тайно готовитъ Михаилу Васильевичу зло. Непрерывные знаки народнаго расположенія къ Скопину тревожили царя Василія: онъ уже смотрѣлъ на Скопина, какъ на соперника. Делагарди, слыша толки о зависти и ненависти къ Скопину, предостерегалъ его и уговаривалъ, какъ можно скорѣе оставить Москву и выступить къ Смоленску противъ Сигизмунда. Удер-

живали его въ Москвѣ молодая жена и страстно любившая его мать.

Царь Василій при всемъ этомъ не проявлялъ види-

Рис. 17. Князь Скопинъ-Шуйскій разрываетъ грамоту пословъ Ляпунова.

мыхъ знаковъ неудовольствія къ Скопину. Въ непріязненныхъ отношеніяхъ царя Василія къ Скопину имѣлъ главное значеніе братъ царя, Димитрій Шуйскій, который, при ста-

Рис. 18. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій на пиру у князя Воротынскаго.

рости и бездѣтности Василія, считалъ себя наслѣдникомъ престола; порядокъ-же престолонаслѣдія не былъ утвержденъ, а тутъ вспышки народной любви царскій вѣнецъ сулятъ Михаилу Скопину.

23 апрѣля Скопинъ былъ приглашенъ на крестины къ князю Воротынскому кумомъ, а кумою была жена Димитрія Шуйскаго Екатерина, дочь извѣстнаго опричника, Малюты Скуратова; она обносила угощенье. Во время пира Скопину сдѣлалось дурно, онъ занемогъ кровотеченіемъ изъ носа; его отвезли домой, а черезъ двѣ недѣли народный любимецъ скончался на рукахъ своей матери и жены. Взрывъ негодованія при извѣстіи о кончинѣ Скопина-Шуйскаго былъ очень сильный. Народная молва приписала кончину его отравѣ, поднесенной Скопину женой Димитрія Шуйскаго. Домъ царскаго брата Димитрія спасли отъ разрушенія только войско, разогнавшее негодовавшихъ. Въ народномъ сознаніи сложилось полное убѣжденіе, что Скопинъ отравленъ; такого же мнѣнія былъ и Делагарди, который, взглянувъ на мертваго Скопина, прослезился и сказалъ: «Московскіе люди,—не только на всей Руси, но и въ королевскихъ земляхъ государя моего не видать мнѣ такого человѣка». Народъ плакалъ по князѣ Михаилѣ. Не суждено было любимцу народа быть на Московскомъ престолѣ; но зато гробъ его поставили между гробами царей и великихъ князей Московскаго государства, въ Архангельскомъ соборѣ.

Кончина Скопина была самымъ тяжелымъ ударомъ царю Василію Шуйскому; его и прежде не любили, не уважали — видѣли въ немъ царя несчастнаго, Богомъ не благословеннаго; но Скопинъ примирялъ царя съ народомъ, давъ послѣднему твердую надежду на будущее. И вотъ этого примирителя не стало и, что всего хуже, народная молва утверждала, что самъ царь изъ зависти и злобы лишилъ себя и царство крѣпкой опоры. Будущее для народа теперь уже ничѣмъ не связывалось съ фамиліей Шуйскихъ: царь старъ, бездѣтенъ, а наслѣдника, князя Димитрія, также не любили, не уважали, теперь же кромѣ того обвиняютъ его въ отравленіи племянника.

XXI.

Дѣйствія Прокопія Ляпунова. Неудачный походъ московскаго войска къ Смоленску. Присяга русскихъ городовъ Владиславу. Низверженіе Шуйскаго.

Вѣсть, что не стало лучшаго воеводы, спасителя земли русской, разнеслась по русской землѣ. Взоры многихъ тревожно обращались въ разныя стороны, ища опоры для будущаго. Въ это время начинаетъ усиленно дѣйствовать рязанскій дворянинъ Прокопій Ляпуновъ, давній ненавистникъ царя Василія. Пользуясь общимъ настроеніемъ противъ Шуйскихъ по случаю кончины Скопина, онъ требуетъ сверженія царя Василія, но преемника ему не указывалъ. Въ Москвѣ Ляпуновъ имѣетъ сильнаго сотрудника, князя Василія Голицына, который присталъ къ Ляпунову будто мстителемъ за Скопина, но для своихъ цѣлей—ему самому мерещился царскій престолъ. Ляпуновъ перестаетъ слушаться царя, посылаетъ возмущать города, вѣрные послѣднему. Противъ царя уже возстала рязанская земля.

Между тѣмъ московское войско въ числѣ сорока тысячъ, вмѣстѣ со шведами, выступило по направленію къ Смоленску подъ начальствомъ князя Димитрія Шуйскаго, ненавистнаго ратнымъ людямъ по подозрѣнію въ отравленіи ихъ вождя и за его гордость.

Сигизмундъ, узнавъ, что въ Можайскѣ собирается большой отрядъ царскаго войска, отправилъ ему на встрѣчу гетмана Жолкѣвскаго, который 14 іюня осадилъ Царево-Займище, гдѣ засѣли царскіе воеводы Елецкій и Валуевъ. Здѣсь съ Жолкѣвскимъ соединился Зборовскій, съ тушинскими поляками, которые службу королю предпочли службѣ царьку Калужскому. Но Жолкѣвскій не хотѣлъ брать приступомъ Царево-Займище, зная, что русскіе, слабые въ чистомъ полѣ, трудно одолимы при защитѣ укрѣпленій. Елецкій и Валуевъ, увидѣвъ, что Жолкѣвскій намѣревается принудить ихъ къ сдачѣ голодомъ, послали къ Димитрію Шуйскому въ Можайскъ, съ просьбою о выручкѣ. Шуйскій двинулся и сталъ у Клушина,

истомивъ войско переходомъ при сильной жарѣ. Два нѣмца — перебѣжчика изъ отряда Делагарди—донесли Жолкѣвскому о движеніи Шуйскаго. Жолкѣвскій, оставивъ часть войска у Царева-Займища для задержанія Елецкаго и Валуева, съ остальными самъ пошелъ къ Клушину противъ Шуйскаго, раздѣливъ, по тѣснотѣ мѣста, войско на два отряда: одинъ схватился со шведами и заставилъ Делагарди отступить, а другой отрядъ поляковъ напалъ на московское войско и прогналъ часть его, — именно конницу, но съ пѣхотою Шуйскій засѣлъ въ деревнѣ Клушинѣ и упорно отбивался. Пушки его наносили большой уронъ полякамъ. Исходъ битвы былъ очень сомнительнымъ. Неожиданно, наемные нѣмцы понемногу начали передаваться полякамъ, а потомъ объявили, что всѣ хотятъ вступить въ переговоры съ гетманомъ. Когда переговоры уже начались, подоспѣлъ Делагарди и хотѣлъ прервать переговоры, но никакъ не могъ, — иноземное войско согласилось соединиться съ гетманомъ. Делагарди-же и Горнъ съ небольшимъ отрядомъ получили дозволеніе отступить на сѣверъ, къ границамъ своего государства. Русскіе, видя, что нѣмцы измѣняютъ, начали готовиться къ отступленію. Нѣмцы дали знать полякамъ, что русскіе бѣгутъ, —поляки бросились въ погоню и овладѣли всѣмъ обозомъ. Димитрій Шуйскій, потерявъ свой отрядъ, по словамъ лѣтописца возвратился въ Москву со срамомъ: «Былъ онъ воевода сердца не храбраго, обложенный женствующими вещами, любящій красоту и пищу, а не луковъ натягиваніе».

Измѣну наемниковъ лѣтописецъ приписываетъ Димитрію Шуйскому: «они просили денегъ, а онъ отговаривался что денегъ нѣтъ, тогда какъ деньги были. Нѣмецкіе люди стали сердиться и послали подъ Царево-Займище сказать Жолкѣвскому, чтобъ шелъ, не мѣшкая, а они съ нимъ биться не станутъ».

Отъ деревни Клушина Жолкѣвскій вернулся подъ Царево-Займище. Елецкому и Валуеву казалась невѣроятною побѣда Жолкѣвскаго; имъ показали знатныхъ плѣнниковъ; но и убѣдившись въ страшной истинѣ, они все еще не хотѣли сдаваться, а говорили Жолкѣвскому: «Ступай подъ Москву: будетъ Москва ваша и мы будемъ готовы присягнуть королевичу». Гетманъ отвѣчалъ: «Когда возьму я

васъ, то и Москва будетъ наша». Елецкій и Валуевъ не видѣли возможности защищаться далѣе; они разсудили, что дѣло Василія Шуйскаго проиграно, царству его конецъ; они волей-неволей цѣловали крестъ Владиславу; гетманъ-же долженъ былъ присягнуть: православной вѣры у московскихъ людей не отнимать, престоловъ Божіихъ не разорять, костеловъ римскихъ въ Московскомъ государствѣ не ставить; быть Владиславу государемъ также, какъ были и прежніе природные государи; боярамъ и всякихъ чиновъ людямъ быть по прежнему; въ московскіе города не посылать на воеводство польскихъ и литовскихъ людей; у дворянъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ служилыхъ людей жалованья, помѣстій и вотчинъ не отнимать; противъ Тушинскаго царька промышлять заодно, а королю отступить отъ Смоленска и оставить его по прежнему при Московскомъ государствѣ, наравнѣ съ другими городами—какъ только смоленцы присягнутъ Владиславу.

За Елецкимъ и Валуевымъ присягнули Владиславу Можайскъ, Борисовъ, Іосифовъ монастырь, Погорѣлое Городище и Ржевъ. Изъ отрядовъ отъ этихъ городовъ войско гетмана увеличилось на десять тысячъ. Чрезъ этихъ новыхъ подданныхъ королевича Жолкѣвскій сносился съ Москвою; туда онъ посылалъ и запись, данную имъ воеводамъ при Царевѣ-Займищѣ, думая, что она послужитъ для московскихъ жителей полнымъ ручательствомъ за ихъ будущее при Владиславѣ. Но вотъ что отвѣчали гетману изъ Москвы смоленскіе и брянскіе служилые люди, которымъ онъ, чрезъ ихъ земляковъ, подослалъ грамоты и запись: «Мы эти грамоты и отвѣтныя рѣчи и запись, сами прочитавши, давали читать въ Москвѣ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, и многихъ разныхъ городовъ всякимъ людямъ, и они прочитавъ говорятъ: въ записи не написано, чтобъ государю нашему королевичу Владиславу Сигизмундовичу окреститься въ нашу христіанскую вѣру, и окрестившись сѣсть на Московскомъ государствѣ».

Извѣстіе о пораженіи подъ Клушинымъ дошло до Калуги. Тамъ нашли своевременнымъ двинуться къ Москвѣ. Дѣлами царька заправлялъ Сапѣга, которому приходила мысль: «почему-бы ему, подъ шумокъ, не сдѣлаться царемъ». По дорогѣ ему нужно было взять Пафнутіевъ

Боровскій монастырь, въ которомъ находился съ отрядомъ войскъ московскій воевода, князь Михаилъ Волконскій съ двумя товарищами; видя непреклонность старшаго воеводы сдаться, они тайно открыли острожныя ворота, чрезъ которыя вошло войско Лжедимитрія. Волконскій, увидя измѣну, бросился въ церковь. Напрасно звали его измѣнившіе товарищи выйти изъ церкви съ покорностью къ побѣдителямъ: «Умру у гроба Пафнутія чудотворца», отвѣчалъ Волконскій, сталъ въ церковныхъ дверяхъ и бился, пока не изнемогъ отъ ранъ и палъ у лѣваго клироса, гдѣ и былъ изрубленъ. Разсказываютъ, что сколько ни скребли, ни мыли, не могли уничтожить кровавыхъ пятенъ на камнѣ. Отъ Пафнутіева монастыря самозванецъ пошелъ къ Серпухову. Городъ сдался; защищавшіе его крымскіе татары, пришедшіе къ царю Василію на помощь за большія деньги, не бились противъ войскъ Сапѣги, а бросились грабить. Сдались дальше Коломна и Кашира, но не сдался Зарайскъ, въ которомъ управлялъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Жители Зарайска пришли къ воеводѣ всѣмъ городомъ, просили цѣловать крестъ самозванцу, но Пожарскій отказался и съ немногими людьми заперся въ крѣпости. Никольскій протопопъ воодушевлялъ его и благословилъ умереть за православную вѣру; Пожарскій еще больше укрѣпился и заключилъ съ жителями Зарайска такой уговоръ: «Будетъ на московскомъ государствѣ по старому царь Василій, то и ему служить, а будетъ кто другой—и тому также служить». Послѣ этого договора Зарайскъ не колебался, побивалъ воровскихъ людей и городъ Коломну вернулъ царю Василію.

Лжедимитрій шелъ впередъ и остановился у села Коломенскаго.

Жолкѣвскій видѣлъ, что овладѣть Москвою можно только именемъ Владислава, и только при условіи, что онъ будетъ царствовать какъ прежніе природные государи; онъ понималъ, что малѣйшій намекъ на униженіе Московскаго государства, нарушеніе его цѣлости, можетъ испортить все дѣло.

Когда московскіе служилые люди переписывались съ Жолкѣвскимъ объ условіяхъ, на которыхъ долженъ цар-

ствовать Владиславъ, Голицынъ сносился съ Ляпуновымъ, который прислалъ въ Москву Алексѣя Пѣшкова къ брату своему Захару и своимъ сторонникамъ, чтобъ царя Василія съ государства ссадить; они начали сноситься съ полками Лжедимитрія, и условились, что тушинцы отстанутъ отъ своего царька, а москвичи сведутъ съ престола Василія Шуйскаго.

Шуйскій чувствовалъ, что ему трудно удержаться на престолѣ и собрался вступить въ переговоры съ Жолкѣвскимъ; но пока онъ собирался, Захаръ Ляпуновъ съ товарищами 17 Іюля 1610 года пришли во дворецъ. Выступилъ Захаръ Ляпуновъ и сталъ говорить: «Долго-ль за тебя будетъ литься кровь христіанская? земля опустѣла, ничего добраго не дѣлается въ твое правленіе. Сжалься надъ гибелью нашею, положи посохъ царскій, а мы уже о себѣ какъ нибудь промыслимъ».

Шуйскій, привыкшій къ подобнымъ выступленіямъ, видя предъ собою толпу людей незначительныхъ, пристращалъ ихъ окрикомъ непристойно—бранными словами, а, обращаясь къ Ляпунову, сказалъ: «Смѣлъ ты вымолвить это, когда бояре мнѣ ничего такого не говорятъ»? И вынулъ было ножъ, чтобы еще больше пристращать мятежниковъ. Въ Москвѣ уже стало извѣстнымъ, что въ Кремлѣ что-то происходитъ. Толпы пошли къ Лобному мѣсту. Когда пріѣхалъ туда патріархъ и нужно было объяснить, въ чемъ дѣло, то народъ уже не вмѣщался на Красной площади. Захаръ Ляпуновъ съ Салтыковымъ и Хомутовымъ, взойдя на Лобное мѣсто, просили идти всѣхъ на всенародное собраніе, на болѣе просторное мѣсто къ Серпуховскимъ воротамъ. Туда-же долженъ былъ слѣдовать и патріархъ.

Здѣсь бояре, дворяне, гости и торговые лучшіе люди совѣтовались, «какъ быть московскому государству, чтобы не быть въ разореніи и расхищеніи: пришли подъ Московское государство поляки и литва, а съ другой стороны Калужскій воръ съ русскими людьми и Московскому государству съ обѣихъ сторонъ стало тѣсно».

Охотниковъ стоять за Шуйскаго было мало и потому не произошло смятенія и большого разногласія. Патріархъ пробовалъ возражать, но, въ виду подавляющаго боль-

шинства, не противился и ушелъ. Порѣшили идти къ царю и бить челомъ отъ всего міра, чтобы оставилъ царство. Бояре отправились къ царю. Выступилъ своякъ царя, князь Иванъ Воротынскій и сказалъ: «Вся земля бьетъ тебѣ челомъ, царь Василій Ивановичъ, оставь свое государство ради междоусобной брани, чтобы тѣ, которые тебя, государь, не любятъ и служить тебѣ не хотятъ и боятся твоей опалы, не отстали отъ Московскаго государства, а были-бы съ нами въ соединеніи и стояли-бы за православную вѣру всѣ заодно».

Царю Василію ничего не оставалось, какъ подчиниться. Та сила, которая возвела его на царство, теперь объявляетъ, что не хочетъ видѣть его царемъ. Онъ переѣхалъ изъ царскихъ палатъ въ свой княжескій домъ.

Шуйскій сдѣлалъ было попытку остаться царемъ: онъ сносился со своими приверженцами, подкупалъ стрѣльцовъ.

Пользуясь этимъ, патріархъ, началъ требовать возстановленія Шуйскаго на царство, нашлись и сторонники; но вожаки партіи низведенія Шуйскаго поспѣшили покончить съ притязаніями Шуйскаго: они постригли его противъ желанія а также и жену его въ монашество; братьевъ-же посадили подъ стражу.

Такъ закончилось кратковременное, тревожное царствованіе Василія Шуйскаго.

XXII.

Правленіе Боярской Думы.

Осталась русская земля безъ царя...

Настало междуцарствіе. Кому-же было взять въ руки правленіе государствомъ, по крайней мѣрѣ, до избранія царя, какъ не Боярской Думѣ?

Стала править государствомъ Боярская Дума, или со-

вѣтъ изъ семи знатныхъ вельможъ (*Семибоярщина*). — «Всѣ люди били челомъ князю Мстиславскому съ товарищи, чтобы пожаловали, приняли Московское государство, пока намъ Богъ дастъ государя».—Въ грамотахъ, разосланныхъ по городамъ 20 іюля отъ временнаго правительства, во главѣ котораго былъ Мстиславскій, отъ имени Москвы, писали: «Видя междоусобіе между православными христіанами, польскіе и литовскіе люди пришли въ землю Московскаго государства и многую кровь пролили, церкви и монастыри разорили, святынѣ поругались и хотятъ православную вѣру въ латинство превратить; польскій король подъ Смоленскомъ стоитъ, гетманъ Жолкѣвскій—въ Можайскѣ, а воръ—въ Коломенскомъ»... «И вамъ-бы всѣмъ, всякимъ людямъ», говорилось въ грамотѣ, «стоять съ нами вмѣстѣ заодно и быть въ соединеньи, чтобы наша православная христіанская вѣра не разорилась, и матери-бы наши, жены и дѣти въ латинской вѣрѣ не были».

Самою сильною партіею въ Москвѣ, которой держался и патріархъ, была партія, не желавшая имѣть государемъ ни польскаго королевича, ни Лжедимитрія. Эта партія намѣчала двухъ лицъ на московскій престолъ: князя Василія Васильевича Голицына и четырнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова — сына митрополита Филарета Никитича; но эта партія должна была поступиться пока своими стремленіями предъ надвинувшимися уже обстоятельствами.

Стоявшій въ Можайскѣ Жолкѣвскій требовалъ признанія царемъ польскаго королевича Владислава, опираясь на большой отрядъ русскихъ служилыхъ людей, уже присягнувшихъ Владиславу, а въ Коломенскомъ стоялъ Лжедимитрій, царь черни, между которой онъ имѣлъ много приверженцевъ въ Москвѣ. Во главѣ сторонниковъ Лжедимитрія былъ Захаръ Ляпуновъ, польстившійся на громадныя обѣщанія Тушинскаго вора. Стало извѣстнымъ, что Захаръ Ляпуновъ намѣренъ тайно впустить въ Москву войско самозванца.

Бояре, опасаясь московской черни съ ея покровителемъ Тушинскимъ воромъ, нашли, что единственное спасеніе — Владиславъ, т. е. гетманъ Жолкѣвскій съ его войскомъ.

По приглашенію Мстиславскаго, Жолкѣвскій съ войскомъ 20 іюля двинулся изъ Можайска и въ тоже время послалъ грамоты, въ которыхъ извѣщалъ, что идетъ защищать столицу отъ Вора, а Мстиславскому съ боярами прислалъ кромѣ того грамоту, изъ которой они могли видѣть, какія выгоды получатъ они отъ тѣснаго сближенія съ Польшей.

Хотя Мстиславскій и пригласилъ Жолкѣвскаго, хотя помощь его и была очень нужна противъ самозванца, но мысль имѣть царемъ иновѣрнаго королевича большинству москвичей была очень страшна. Патріархъ возставалъ противъ этого, и когда Жолкѣвскій былъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы, бояре написали ему, что не нуждаются въ помощи, и требовали, чтобы польскія войска не приближались къ столицѣ.

Патріархъ продолжалъ настаивать на избраніи русскаго православнаго царя, убѣждая примѣрами изъ исторіи; но люди, «закрывъ уши чувственныя и разумныя, посмѣялись надъ увѣщаніемъ патріарха и разошлись»—говоритъ современникъ. Митрополитъ Филаретъ также говорилъ народу съ лобнаго мѣста: «Не прельщайтесь, мнѣ самому подлинно извѣстно королевское ѕлоумышленье надъ Московскимъ государствомъ; хочетъ онъ имъ съ сыномъ завладѣть и нашу истинную христіанскую вѣру разорить, а свою латинскую утвердить». Но и это увѣщаніе не подѣйствовало.

Жолкѣвскій не обратилъ вниманія на письмо Мстиславскаго и 24 іюля стоялъ уже въ селѣ Хорошевѣ, въ семи верстахъ отъ Москвы, а съ другой стороны находился его *могущественный* теперь союзникъ, самозванецъ, который уже дѣйствовалъ: со стороны, гдѣ стоялъ Воръ, сапѣжинцы зажгли кирпичный заводъ, пожаръ распространился по предмѣстью Москвы; во время суматохи войско Вора пошло на приступъ къ Москвѣ.

Во время сраженія съ самозванцемъ, Мстиславскій, чтобы завязать сношенія съ Жолкѣвскимъ, спросилъ его, «врагомъ или другомъ пришелъ онъ подъ Москву?» — Жолкѣвскій отвѣтилъ, что готовъ помогать Москвѣ, если она признаетъ царемъ Владислава. Въ тоже время въ станъ Жолкѣвскаго явились посланцы изъ стана самозванца; они

доставили письмо Жолкѣвскому отъ Сапѣги, который просилъ не мѣшать имъ, Димитріевымъ людямъ, покорить Москву, и тутъ же эти посланцы испрашивали у гетмана пропускъ для проѣзда къ королю, къ которому посланцы имѣли письмо; въ немъ самозванецъ предлагалъ королю и Рѣчи Посполитой разныя выгоды, по вступленіи его на московскій престолъ. Жолкѣвскій видѣлъ, что Воръ не нуженъ Польшѣ, но для избѣжанія открытой вражды между поляками его и служившими Вору онъ просилъ короля обойтись милостиво съ посланцами самозванца и польскаго войска.

На слѣдующій день опять пришли къ Жолкѣвскому съ письмомъ отъ Мстиславскаго, но гетманъ не отвѣтилъ письменно, а велѣлъ сказать, что письменныя сношенія только затянутъ дѣло; «пусть лучше съѣзжаются съ нами бояре для переговоровъ».

Съѣзды начались, но и теперь дѣло затягивалось: вопросъ о принятіи Владиславомъ православія былъ камнемъ преткновенія на совѣщаніяхъ. Патріархъ объявилъ боярамъ относительно избранія королевича: если крестится и будетъ въ православной христіанской вѣрѣ, то я васъ благословляю; если-же не крестится, то во всемъ Московскомъ государствѣ будетъ нарушеніе православной христіанской вѣрѣ, и «да не будетъ на васъ нашего благословенія». Московскіе уполномоченные говорили: «Все Московское государство только и желаетъ, чтобы имѣть государемъ королевича Владислава, и надѣется, что подъ его правленіемъ снова наступитъ золотое время для Московскаго края... но съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ православную вѣру». Поляки говорили, что это нужно предоставить самому королевичу: невозможно насиліемъ заставить его отрекаться отъ римско-католической вѣры.

Поляки, гордо считая себя побѣдителями и завоевателями, принимали отъ русскихъ предложенія условій недружелюбно. Послѣ неоднократныхъ измѣненій и дополненій въ статьяхъ договора русскими, наконецъ Жолкѣвскій объявилъ, что онъ принимаетъ только тѣ условія, которыя были утверждены королемъ и на которыхъ цѣловалъ крестъ Салтыковъ съ товарищами подъ Смоленскомъ; прибавки-же, сдѣланныя боярами теперь въ Москвѣ, меж-

ду которыми главная состояла въ томъ, что Владиславъ приметъ православіе—должны быть переданы на рѣшеніе короля.

Заготовленный договоръ бояре отправили на благословеніе патріарха. 27 августа происходила торжественная присяга московскихъ жителей на Дѣвичьемъ полѣ королевичу Владиславу. На другой день присяга продолжалась въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи патріарха. Сюда пришли русскіе тушинцы, прибывшіе въ Москву съ Жолкѣвскимъ, Михаилъ Салтыковъ, князь Масальскій и другіе; они подошли подъ благословеніе къ патріарху, который гнѣвно сказалъ имъ: «Если вы пришли правдою, а не лестью, и въ вашемъ умыслѣ не будетъ нарушенія православной вѣрѣ, то будь на васъ благословеніе всего вселенскаго собора и отъ меня грѣшнаго; если-же вы пришли съ лестію, съ злымъ умысломъ противъ вѣры, то будьте прокляты»! Салтыковъ плакалъ, увѣряя, что въ немъ нѣтъ лукавства. Когда подошелъ въ числѣ другихъ подъ благословеніе патріарха Михаилъ Молчановъ (убійца Борисова сына, игравшій недолго роль второго Димитрія), патріархъ закричалъ: «Окаянный еретикъ! Ты недостоинъ войти въ церковь Божію», и велѣлъ выгнать его вонъ.

Во время переговоровъ московскаго правительства съ Жолкѣвскимъ воровской таборъ не дѣлалъ нападеній на Москву, онъ ждалъ, чѣмъ кончится ихъ посольство къ королю. Послы эти вернулись 13 августа не удовлетворенными: паны въ королевскомъ совѣтѣ разсудили, что странно было-бы оказать помощь Вору въ овладѣніи Москвою, когда та же Москва готова отдаться Польшѣ; при этомъ они нашли, что безчестно будетъ для короля помогать человѣку неизвѣстнаго рода, не царской крови; кромѣ того не видно, чтобъ у него въ Московскомъ государствѣ много было сторонниковъ.

Послѣ этого воровской таборъ снова затѣвалъ нападеніе на Москву; ихъ располагали къ этому и слухи, что черный народъ склонялся лучше покориться тому, кто носилъ имя ихъ природнаго царя, чѣмъ полякамъ.

Бояре, узнавъ о замыслахъ въ воровскомъ таборѣ, упрашивали Жолкѣвскаго, чтобы онъ отвелъ поляковъ отъ Вора и расправился съ нимъ окончательно заодно съ мо-

сквичами. Гетманъ написалъ Сапѣгѣ, но отвѣтъ получился отрицательный. Увѣщанія не помогали. Жолкѣвскій 25 августа двинулъ свое войско противъ своихъ соплеменниковъ. Мстиславскій также вывелъ пятнадцать тысячъ на помощь и Сапѣга выставилъ свои военныя силы. Казалось, готово было вспыхнуть междоусобіе у побѣдителей, на глазахъ у побѣжденныхъ москвичей. Жолкѣвскій поставилъ свой отрядъ въ боевое положеніе, но не хотѣлъ произвести такого соблазна и потому просилъ Сапѣгу на свиданіе для переговоровъ. Послѣ совѣщаній были посланы къ самозванцу нѣкіе Быховецъ и Побѣдинскій, которые передали ему: «король вашей милости даетъ Самборъ или Гродно, что сами выберете; соглашайтесь, ваша милость, приступите на договоръ съ гетманомъ, а то видите, уже столица отдалась королевичу; трудно завладѣть столицей вамъ».

Оскорбительнымъ показалось Вору это предложеніе, хотя еще недавно самъ хотѣлъ бѣжать, но поляки удержали его, обѣщавъ стоять за него. Въ порывѣ досады онъ сказалъ: «Да лучше я буду служить у мужика и кусокъ хлѣба добывать трудомъ, чѣмъ смотрѣть изъ рукъ его величества». А Марина въ раздраженіи сказала депутатамъ: «Пусть король Сигизмундъ отдастъ царю Краковъ, а царь ему изъ милости уступитъ Варшаву». Самозванецъ предполагалъ еще держаться около Москвы и заперся въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ. Гетманъ, проведя, съ разрѣшенія бояръ, войско чрезъ Москву, хотѣлъ захватить его тамъ, но онъ, предупрежденный какимъ-то москвичемъ, убѣжалъ съ Мариною, въ сопровожденіи атамана Заруцкаго и отряда Донскихъ казаковъ, въ Серпуховъ, а потомъ въ Калугу. Бояре, находившіеся при Ворѣ, также присягнули Владиславу.

Изгнаніе Вора и избраніе Владислава сопровождалось пирами. Бояре и гетманъ взаимно угощали другъ друга, дѣлали другъ другу подарки.

XXIII.

Стремленіе Сигизмунда занять московскій престолъ. Московское посольство къ Сигизмунду. Переговоры о сдачѣ Смоленска.

Спустя два дня послѣ того, какъ была принесена торжественная присяга съ обѣихъ сторонъ, къ Жолкѣвскому прибылъ отъ короля гонецъ съ письмомъ, въ которомъ Сигизмундъ требовалъ, чтобы Московское государство было утверждено за нимъ самимъ, а не за сыномъ его.

Вслѣдъ за этимъ гонцомъ пріѣхалъ Гонсѣвскій съ подробнѣйшими указаніями къ гетману. Исполнить эти указанія не представлялось возможнымъ по мнѣнію не только самого Жолкѣвскаго, но и Гонсѣвскаго, узнавшаго положеніе дѣлъ. Гетманъ нашелъ невозможнымъ нарушить договоръ и исполнить желаніе короля, котораго одно имя, по признанію самихъ-же поляковъ, было ненавистно московскому народу.

Увѣдомляя короля о присягѣ Москвы Владиславу, гетманъ писалъ ему: «Одинъ Богъ знаетъ, что въ сердцахъ кроется, но сколько можно усмотрѣть, москвитяне искренно желаютъ, чтобы королевичъ царствовалъ у нихъ. Для переговоровъ о крещеніи Владислава и другихъ условіяхъ отправляются къ вашей королевской милости князь Василій Голицынъ съ товарищами». Гетманъ писалъ королю, что Голицынъ добрый, надежный человѣкъ.

По освобожденіи Москвы отъ самозванца, Жолкѣвскій настаивалъ на скорѣйшей отправкѣ посольства къ Сигизмунду. Выборомъ главныхъ лицъ въ число посольства руководилъ самъ гетманъ. Это давало ему случай удалить изъ Московскаго государства подозрительныхъ для него людей. Первымъ лицомъ въ это посольство былъ намѣченъ самимъ гетманомъ Василій Голицынъ, съ удаленіемъ котораго Жолкѣвскій достигалъ двухъ цѣлей: удалялъ изъ Москвы самаго виднаго по способностямъ и дѣятельности боярина и отдавалъ въ королевскія руки искателя престола. Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, носившій въ это время званіе стольника, былъ еще очень молодъ и потому

не могъ быть включенъ въ составъ посольства, за то гетманъ настоялъ, чтобы въ числѣ пословъ ѣхалъ отецъ его, митрополитъ Филаретъ, какъ тоже опасный человѣкъ. Гетманъ слышалъ, какъ поговаривали—не выбрать-ли царемъ Филаретова сына Михаила.

Удаливъ такимъ образомъ Голицына и Филарета, Жолкѣвскій позаботился, чтобы и бывшій царь Василій былъ отправленъ въ Волоколамскій монастырь, а двое братьевъ его въ Бѣлую. Отсюда, предполагалось, удобнѣе было переправить ихъ въ Польшу.

Число лицъ посольства доходило до 1246 человѣкъ. Кромѣ Голицына и митрополита Филарета тамъ были: думный дьякъ Томило—Луговской, Спасскій архимандритъ Евфимій, Троицкій келарь Авраамій Палицынъ и другіе. Къ нимъ присоединены были выборные изъ разныхъ чиновъ люди.

Посольство получило подробный наказъ, помѣченный 17 августа 1610 года, въ которомъ возобновлялись требованія, отклоненныя временно Жолкѣвскимъ: чтобы Владиславъ непремѣнно принялъ православіе, причемъ указывалось принять ему крещеніе отъ митрополита Филарета и архіепископа Сергія въ Смоленскѣ, а въ Москву прибыть уже православнымъ, чтобы здѣсь можно было встрѣтить королевича патріарху и всему духовенству со крестами и чудотворными иконами; чтобы, царствуя въ Москвѣ, онъ женился на православной. Будучи царемъ, Владиславъ не долженъ былъ имѣть сношенія съ папою по вопросамъ вѣры или принимать отъ него благословеніе; чтобъ не допускать въ Московское государство учителей римской вѣры; московскихъ людей, какого бы званія они ни были, за отступленіе отъ православной вѣры въ католичество, казнить смертію, а имущество ихъ отбирать; требовалось также, чтобы новый царь не приводилъ съ собою много поляковъ. Далѣе шли статьи и условія о томъ, чтобы король оставилъ Смоленскъ и ушелъ въ свое государство, чтобы города были очищены отъ поляковъ, чтобы всѣ плѣнные, взятые въ Московскомъ государствѣ во время смуты, были возвращены безъ выкупа и т. д. Вообще же послы должны были усердно заботиться о скорѣйшемъ пріѣздѣ Владислава въ Москву.

Съ избраніемъ Владислава шведы естественно превратились изъ союзниковъ въ непріятелей Московскому государству: они взяли Ладогу, но не имѣли успѣха подъ Иванъ-городомъ, жители котораго, несмотря на крайность, оставались вѣрными самозванцу. Самозванецъ опять укрѣпился въ Калугѣ и, какъ будто, готовился къ войнѣ съ бывшимъ своимъ союзникомъ Сапѣгою, который выступилъ въ сѣверскую землю будто-бы для того, чтобы отнять ее у самозванца; но на самомъ дѣлѣ онъ, по соглашенію съ братомъ своимъ, канцлеромъ польскаго королевства, Львомъ Сапѣгою, долженъ былъ поддерживать самозванца, отвлекавшаго вниманіе москвичей отъ замысловъ короля.

Жолкѣвскій видѣлъ, что положеніе, занятое имъ, опасно — онъ одинъ подъ Москвою съ небольшимъ отрядомъ войскъ; онъ понималъ, что русскіе, вынужденные крайнею необходимостью принять на престолъ иноземца, никогда не примутъ иновѣрца, а Сигизмундъ не согласится позволить сыну принять православіе.

Но и теперь самозванецъ сослужилъ гетману службу: бояре, опасаясь, что простой народъ, при первомъ подходящемъ случаѣ, станетъ за Димитрія, предложили Жолкѣвскому ввести въ Москву польское войско. Въ началѣ гетманъ охотно согласился на это, а потомъ, приведя въ примѣръ перваго Димитрія, сказалъ: «Мнѣ кажется гораздо лучше размѣстить войско по слободамъ столицы, которая будетъ, благодаря этому, какъ-бы въ осадѣ».

Жолкѣвскій послалъ Гонсѣвскаго въ Москву къ боярамъ предложить, чтобы они отвели ему слободы и Новодѣвичій монастырь, бывшій тогда внѣ города. Бояре согласились, но патріархъ возражалъ противъ постановки польскихъ войскъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Вокругъ Гермогена собрались дворяне, торговые и посадскіе люди, стрѣльцы. На двукратныя приглашенія патріарха придти къ нему бояре отзывались, что заняты государственными дѣлами. Послѣ этого Гермогенъ сказалъ, что если бояре не хотятъ придти, то онъ самъ придетъ къ нимъ, но не одинъ, а съ народомъ. Это подѣйствовало, бояре пришли и бесѣдовали два часа, опровергая будто-бы неблагонамѣренные замыслы гетмана.

Гермогенъ говорилъ, что Жолкѣвскій, не отправляя

своихъ войскъ противъ Калужскаго вора, ведетъ ихъ въ Москву, а русскіе полки посылаетъ противъ шведовъ. Бояре изъ боязни черни, сочувствующей Лжедимитрію, оправдывали необходимость прихода въ Москву войскъ Жолкѣвскаго; послѣ долгихъ пререканій, наконецъ, патріархъ уступилъ. Ночью съ 20 на 21 сентября поляки тихо вступили въ Москву, размѣстившись въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городѣ; заняли также Новодѣвичій монастырь и города: Можайскъ, Борисовъ и Верею,—для безопасности сообщеній съ королемъ.

Жолкѣвскій зналъ, что возстаніе въ Москвѣ можетъ вспыхнуть при первомъ извѣстіи о нежеланіи короля отпустить Владислава въ Москву. Увѣряя москвичей, что Владиславъ пріѣдетъ, Жолкѣвскій отлично понималъ, что королевичъ не будетъ, что Москвѣ со всей московской землей готовится не воцареніе его, а порабощеніе Польшѣ. Поэтому Жолкѣвскій и спѣшилъ оставить столицу, для выхода изъ положенія, которое грозило скоро стать затруднительнымъ, а слава его, послѣ столь успѣшно законченнаго похода, могла угаснуть. Бояре встревожились, когда гетманъ объявилъ имъ, что онъ уѣзжаетъ; они упрашивали гетмана остаться, но онъ былъ непреклоненъ. Уѣзжая изъ Москвы, Жолкѣвскій взялъ съ собою царя Василія и двухъ братьевъ его. Мѣсто Жолкѣвскаго занялъ Гонсѣвскій.

Московское посольство выѣхало 11 сентября, а 7 октября оно было уже подъ Смоленскомъ. По польскимъ извѣстіямъ, московскіе послы были приняты хорошо, а по русскимъ—дурно, надменно, даже кормили худо; на жалобы-же пословъ отвѣчали, что король не въ своей землѣ,— взять негдѣ. 10 октября послы представились королю и били челомъ, чтобы отпустилъ сына своего на Московское царство. Канцлеръ Левъ Сапѣга отвѣчалъ именемъ короля. Рѣчь Сапѣги показалась посламъ высокомѣрною; непріятно звучало въ ушахъ пословъ, что Сапѣга восхвалялъ благодѣянія короля, который хочетъ прекратить кровопролитіе въ Московскомъ государствѣ и успокоить его, но ни слова о королевичѣ и о его избраніи.

До прибытія Жолкѣвскаго послы имѣли три съѣзда съ панами, которые старательно уклонялись отъ вопроса о

скорѣйшей присылкѣ Владислава, но требовали, чтобы послы приказали Смоленску сдаться и присягнуть не королевичу, а самому королю.—Послы ссылались на договоръ съ Жолкѣвскимъ, представляли, что, какъ только Владиславъ будетъ царемъ, то и Смоленскъ будетъ принадлежать ему. Паны увѣряли, что король хочетъ сдачи Смоленска и присяги на его имя только для чести, а послѣ отдастъ Смоленщину своему сыну. Посламъ понятно стало, что это однѣ увертки; они не соглашались, отговариваясь тѣмъ, что у нихъ нѣтъ на сдачу Смоленска полномочія. Паны рѣшительно объявили, что король не уйдетъ и будетъ брать Смоленскъ приступомъ, а взявши его, не пошлетъ сейчасъ-же сына въ Москву; прежде король самъ пойдетъ въ Московское государство съ войскомъ, уничтожитъ скопище Калужскаго Вора, успокоитъ страну, волнуемую партіями, а потомъ вмѣстѣ съ послами отправится на сеймъ и тамъ будетъ обсуждаться вопросъ объ отправленіи Владислава въ Москву.

Все это явно показывало, что король хочетъ присоединить къ Польшѣ Московское государство, какъ завоеванное оружіемъ, и ему предстоитъ сдѣлаться провинціею Рѣчи Посполитой. Сколько разъ послы ни касались важнѣйшаго вопроса — о крещеніи королевича въ православную вѣру, имъ отвѣчали, что въ этомъ дѣлѣ воленъ Богъ да самъ королевичъ, а когда митрополитъ Филаретъ настойчиво спрашивалъ объ этомъ Льва Сапѣгу, то онъ положительно отвѣчалъ, что королевичъ уже крещенъ, а второго крещенія не требуется. Такъ откладывали посылку королевича на неопредѣленное время, не исполняли ни одного желанія московскаго народа и въ то же время требовали, чтобы послы учинили съ панами постановленіе объ уплатѣ московскимъ государствомъ издержекъ королю и жалованья польско-литовскому войску, причемъ ссылались на договорную грамоту съ Жолкѣвскимъ, но не считали ее обязательною для себя.

По пріѣздѣ Жолкѣвскій былъ принятъ торжественно и, въ присутствіи сената, привелъ къ Сигизмунду плѣннаго, бывшаго царя Василія Шуйскаго вмѣстѣ съ его братьями. По русскимъ источникамъ Шуйскій проявилъ здѣсь, какъ и прежде, твердость духа: его заставляли

стать на колѣни предъ Сигизмундомъ, но онъ говорилъ: «Недостоитъ Московскому царю, какъ рабу, кланяться королю; такъ судьбами Божіими сотворилось, что я взятъ въ плѣнъ, но не вашими руками, а мои рабы—измѣнники отдали меня вамъ».

На третьемъ съѣздѣ, 20 октября, паны откровенно заявили, что еслибъ король и согласился отступить отъ Смоленска, то они—паны и все рыцарство на то не согласятся и скорѣе помрутъ, а «вѣковѣчную свою отчину достанутъ». Послы-же въ отвѣтъ читали гетманскій договоръ, а паны гнѣвно закричали: «Не разъ вамъ говорено, что намъ до гетманской записи никакого дѣла нѣтъ!»

23 октября состоялся четвертый съѣздъ. Паны объявили, что король жалуетъ своего сына, но отпуститъ его не раньше, какъ послѣ сейма. Тутъ-же были прочитаны статьи, на которыя король соглашался: 1) въ вѣрѣ королевича и женитьбѣ воленъ Богъ да онъ самъ; 2) съ папою королевичъ о вѣрѣ списываться не будетъ; 3) плѣнныхъ выдать король велитъ; 4) о числѣ людей при королевичѣ и о ихъ наградѣ послы должны договориться съ самимъ королевичемъ; 5) на счетъ казни отступившимъ отъ вѣры король согласенъ со статьею наказа. На счетъ другихъ статей будетъ рѣшено на сеймѣ.

На пятомъ съѣздѣ, 27 октября, паны, желая напугать пословъ и показать необходимость подчиненія Сигизмунду, говорили имъ объ успѣхахъ шведовъ на сѣверо-западѣ, объ усиленіи самозванца, къ которому хотятъ придти турскіе и крымскіе люди, но многаго будто бы еще не сказали,—«видите сколько недруговъ смотрятъ на ваше государство,—всякій хочетъ что-нибудь сорвать». Послы отвѣчали, что они сомнѣваются въ справедливости этихъ извѣстій, такъ какъ изъ Москвы къ нимъ объ этомъ ничего не пишутъ. Если-же въ московскихъ людяхъ есть измѣна и поэтому гетману идти съ войскомъ на Вора нельзя, то король можетъ послать войска, которые стоятъ въ Можайскѣ, Боровскѣ, Вязьмѣ, Дорогобужѣ и Бѣлой; эти войска теперь ничего тамъ не дѣлаютъ, а только разоряютъ и опустошаютъ государство.

Паны на это говорили: «Вамъ надобно о своемъ государствѣ радѣть, пока злой часъ не пришелъ, а отъ го-

сударскаго похода не отговаривать; хотя бы и самъ государь нашъ захотѣлъ въ свое государство идти, то вы должны были ему челомъ бить, чтобы прежде ваше госу-

Рис. 19. Подъ Смоленскомъ въ 1611 г. Семья воеводы Шеина умоляетъ его положить оружіе и сдаться въ плѣнъ.

дарство успокоилъ государь нашъ; жалѣя о государствѣ вашемъ, онъ самъ хочетъ идти на Вора, а вы этой государской милости не разумѣете и походъ отговариваете».

Послы говорили, что указывать королю они не могутъ, но дѣйствуютъ такъ, какъ имъ приказано, а если и отговариваютъ походъ короля, то потому только. что государство и безъ того пусто и разорено и этимъ приходъ королевича отложится. Послы просили позволенія написать въ Москву, паны отвѣчали: «Вамъ и безъ указу московскаго, какъ великимъ посламъ, все дѣлать можно,— такъ сперва потѣшьте короля, сдѣлайте, чтобъ смоленцы королю и королевичу крестъ цѣловали. Королевича вы называете своимъ государемъ, а короля отца его безчестите; чего вамъ стоитъ поклониться его величеству Смоленскомъ, которымъ онъ хочетъ овладѣть не для себя, а для сына-же своего. Король оставитъ ему послѣ себя не только Смоленскъ, но и Польшу и Литву:—тогда и Польша и Литва и Москва будетъ все одно». На это послы сказали: «Свидѣтельствуемся Богомъ, что у насъ объ этомъ въ наказѣ не написано, и теперь, и впередъ на сеймѣ мы не согласимся, чтобы намъ какимъ-нибудь городомъ Польшѣ и Литвѣ поступиться. Московское государство все Божье, да государя нашего королевича Владислава Сигизмундовича и, какъ онъ будетъ на своемъ царскомъ престолѣ, то во всемъ будетъ воленъ Богъ да онъ, государь нашъ, а безъ него не только что говорить—помыслить объ этомъ нельзя». «Мы хотимъ — говорилъ Сапѣга, — чтобъ Смоленскъ цѣловалъ крестъ королю только для одной чести». «Честь королю» — отвѣчали послы, будетъ большая отъ всего свѣта и отъ Бога милость, если онъ сына своего посадитъ на россійскій престолъ и тогда не только Смоленскъ, но и все Россійское государство будетъ за сыномъ его». Паны кричали: «Много уже пустого мы слышимъ отъ васъ; скажите однако,—хотите-ли послать къ Смоленцамъ, чтобъ они государю нашему честь сдѣлали, крестъ поцѣловали?» Послы отвѣчали: «Сами вы знаете, что наказъ нашъ писанъ съ гетманскаго согласія, на чемъ гетманъ крестъ цѣловалъ за короля и за васъ пановъ; но чтобъ королю крестъ цѣловать,—того нетолько въ наказѣ нѣтъ, но и въ мысляхъ всего народа не бывало: какъ-же намъ безъ совѣту всей земли это сдѣлать?» —«Когда такъ, то Смоленску пришелъ конецъ»— закричали паны. Послы опять просили пановъ позволить

имъ списаться съ патріархомъ и боярами. При этомъ жаловались, что дворянамъ, пріѣхавшимъ съ ними, содержать себя нечѣмъ; съ голоду помираютъ, что сами они, послы, во всемъ терпятъ большую нужду.—Паны отвѣчали: «Всему этому вы сами причиною; еслибъ вы исполнили волю короля, то и вамъ и дворянамъ вашимъ было бы всего довольно».

Послѣ этого послы упрашивали Жолкѣвскаго, но онъ сказалъ посламъ: «не упрямьтесь, исполните волю короля, а какъ Смоленскъ сдастся, тогда объ уходѣ короля договоръ напишемъ».—Послы отвѣчали: «Попомни Бога, Станиславъ Станиславовичъ. Въ записи, данной Елецкому и Валуеву, прямо написано, что когда Смоленцы королевичу крестъ поцѣлуютъ, то король отойдетъ отъ Смоленска».—Всѣ дальнѣйшіе доводы пословъ не убѣдили Жолкѣвскаго, а когда другіе паны заставили читать въ слухъ договоръ его съ Елецкимъ и Валуевымъ, то онъ сказалъ: «Я готовъ присягнуть, что ничего не помню, что въ этой записи писано; писали русскіе люди, которые были со мною, и ее мнѣ поднесли; я, не читавши, руку свою и печать приложилъ, и потому лучше эту запись оставить, а говорить объ одной московской, которую и его величество утверждаетъ».

Послы, боясь за Смоленскъ, на другой день были у Жолкѣвскаго, напоминали ему его обѣщаніе, но напрасно: и онъ и паны настаивали на сдачѣ Смоленска. Послы просили, чтобы послать гонца въ Москву по дѣлу о сдачѣ Смоленска; но паны отвѣтили, что они этого не хотятъ. «Увидите, что завтра будетъ со Смоленскомъ». Послы упрашивали, чтобы дали хотя посовѣтоваться съ митрополитомъ, который по болѣзни на этомъ съѣздѣ отсутствовалъ. Паны согласились.

На совѣтѣ Филаретъ говорилъ: «Того никакими мѣрами учинить нельзя, чтобъ въ Смоленскъ королевскихъ людей впустить; если разъ и немногіе королевскіе люди будутъ тамъ, то намъ Смоленска не видать; а если король и возьметъ Смоленскъ приступомъ, мимо крестнаго цѣлованія, то положиться на судьбы Божіи, только-бъ намъ своею слабостью не отдать города»,—и было рѣшено не впускать въ Смоленскъ ни одного человѣка, а на

слѣдующій день послы объявили панамъ о своемъ рѣшеніи и просили со слезами не приступать къ Смоленску; но не помогли и слезы.

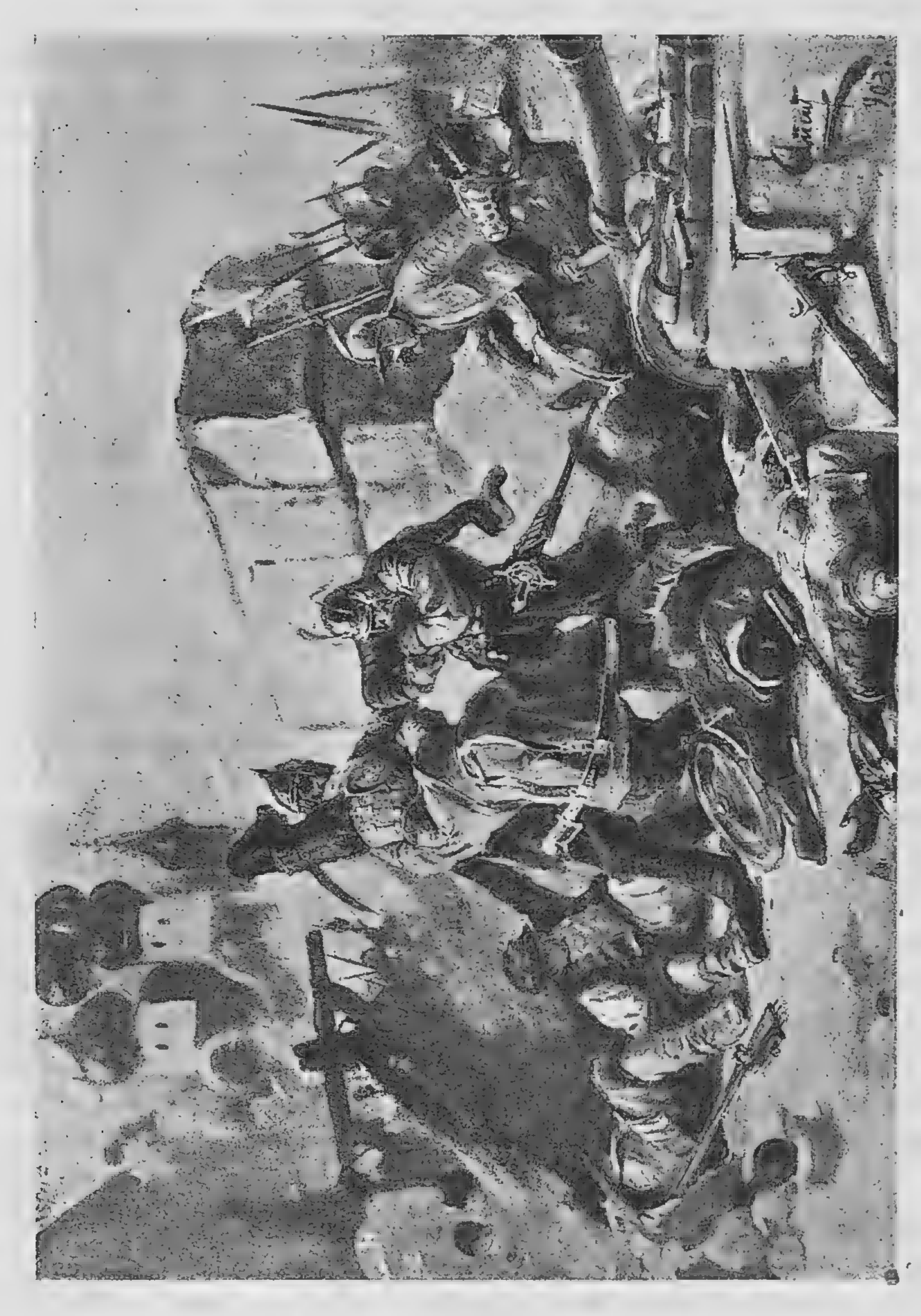

Рис. 20. Воевода Шеинъ при защитѣ Смоленска.

21 ноября войско приступило къ городу. Посольству пришлось съ грустью смотрѣть, какъ польское войско подступало къ городскимъ стѣнамъ; слухъ ихъ былъ потрясенъ взрывомъ грановитой башни, подъ которую былъ

сдѣланъ подкопъ еще раньше; башня распалась, съ нею взрывомъ вырвало около десяти сажень городской стѣны; но осажденные энергично отбивали троекратное нападеніе и чинили разрушенную часть стѣны.

29 ноября послы были приглашены къ Жолкѣвскому; они увидѣли тѣхъ-же пановъ; услышали тѣ же предложенія отъ поляковъ, тѣ же и отвѣты. Левъ Сапѣга встрѣтилъ пословъ съ словами: «Надумались-ли вы? впустите-ли въ Смоленскъ королевскихъ ратныхъ людей? Знайте, что Смоленскъ не взятъ только по просьбѣ гетмана и вашей». Обо всемъ происшедшемъ послы написали и 6 декабря послали въ Москву гонца, съ которымъ и отъ короля поѣхалъ нѣкто Исаковскій.

Поляки пробовали и успѣли поселить разномысліе среди второстепенныхъ членовъ посольства. Были между ними нѣкоторые, въ которыхъ поляки подмѣтили податливость на заманчивыя предложенія: имъ вручали жалованныя королемъ грамоты на владѣніе помѣстьями; имъ предлагалось отстать отъ посольства, ѣхать въ Москву и приводить тамъ народъ къ присягѣ королю.

Въ то же время пословъ Луговскаго и Сукина паны уговаривали, чтобы они, какъ члены посольства, шли подъ Смоленскъ и уговорили Смоленцевъ впустить въ крѣпость польское войско. Луговской, не поддавшись соблазну предложенія, передалъ разговоръ свой главнымъ посламъ.

Митрополитъ Филаретъ увѣщевалъ отпадшихъ отъ посольства, но они отвѣчали: «Насъ послалъ король со своими листами въ Москву для государскаго дѣла; какъ не ѣхать намъ!»

Всѣхъ отставшихъ отъ посольства было до сорока трехъ человѣкъ. Въ числѣ ихъ былъ и Авраамій Палицынъ, который сдѣлалъ это не изъ корыстныхъ побужденій, а убѣдившись, что посольство ничего не достигнетъ, ожидалъ, что оно закончится плѣномъ и потому нашелъ болѣе благоразумнымъ заблаговременно удалиться къ центру власти, чтобы послужить родинѣ, находясь на свободѣ, что онъ, какъ извѣстно, и исполнилъ.

XXIV.

Отношеніе москвичей къ Владиславу и Сигизмунду.—Дѣйствія Прокопія Ляпунова.—Патріархъ Гермогенъ.—Гибель второго самозванца.

До настоящаго времени въ Московскомъ государствѣ большинство все еще продолжало думать и надѣялось видѣть королевича Владислава сыномъ православной церкви; теперь-же всѣ дѣйствія и увертки короля ясно показали, что онъ стремится лишь къ тому, чтобы, воспользовавшись разстроеннымъ состояніемъ Московскаго государства, лишить его независимости, а затѣмъ ввести и католичество.

Сочувствующіе польскому королю москвичи сначала боязливо, а потомъ уже и открыто стали высказывать, что присягать нужно не одному Владиславу, но и отцу его. Большая-же часть москвичей стала роптать, что Гонсѣвскій дѣйствуетъ какъ правитель, будучи иноземецъ; начальствуетъ стрѣльцами. Съ цѣлью обезоруженія москвичей, на случай возмущенія, поляками были сняты со стѣнъ Бѣлаго города и Деревяннаго города пушки и перевезены въ Китай городъ и Кремль. Въ ожиданіи тревоги было воспрещено русскимъ ходить по городу рано утромъ и по вечерамъ; по улицамъ днемъ и ночью, для наблюденія за жителями, ѣздили верховые конные отряды. Всѣ боялись иноземцевъ, никто не смѣлъ вслухъ выражать ропотъ; не расположенныхъ къ Сигизмунду записывали.

Запугана была Москва, но въ другихъ городахъ не молчали. Первымъ поднялъ голосъ на всю Русь Прокопій Ляпуновъ, который до сихъ поръ былъ сторонникомъ призванія Владислава; онъ надѣялся, что вотъ наконецъ Русь успокоится отъ смутъ. Подъ его управленіемъ рязанская земля была скоро приведена къ присягѣ королевичу. Когда Ляпуновъ узналъ, что Москва занята поляками, то и это онъ нашелъ явленіемъ вполнѣ естественнымъ, чтобы не дать подняться сочувствующимъ самозванцу. Ляпуновымъ приказано было доставлять изъ рязанской земли припасы для находившихся въ Москвѣ польскихъ войскъ. Время

шло, желанный царь не являлся; король польскій раздавалъ должности, помѣстья... Смоленскъ находился въ осадѣ; отъ русскихъ требовали присяги чужому королю... Волнуемый всѣмъ этимъ Прокопій Ляпуновъ, видя со стороны поляковъ обманъ, написалъ боярамъ въ Москву съ укоризною: «будетъ или не будетъ королевичъ?» Это письмо стало извѣстнымъ королю и Гонсѣвскому, который понималъ, что съ подобными лицами, какъ Ляпуновъ, шутить нельзя.

Въ это время прибылъ гонецъ изъ подъ Смоленска; въ отпискѣ послы испрашивали указа, что имъ дѣлать съ королевскими требованіями. Михаилъ Салтыковъ и Федоръ Андроновъ, придя къ Гермогену, говорили, что нужно послать королю грамоту, въ которой снова просить у него сына; что вполнѣ предаются на волю короля, объ этомъ написать и Филарету, чтобы и онъ съ своей стороны объявилъ королю, что послы во всемъ полагаются на волю короля. Гермогенъ понялъ, что бояре ведутъ дѣло въ угоду Сигизмунду; не забота о томъ, чтобъ посадить Владислава на престолъ, а задумали они отдать польскому королю Московское государство. Патріархъ настойчиво противорѣчилъ, и они ушли недовольными.

На другой день Салтыковъ и Андроновъ опять пришли къ патріарху и съ ними Мстиславскій, — требовали того же, что и вчера съ грамотою, подписанною боярами, которую предложили подписать и патріарху. Бояре выражали желаніе, чтобы Гермогенъ духовною властію воспретилъ Ляпунову его сопротивленіе, а патріархъ отвѣчалъ: «Пусть король дастъ сына своего на Московское государство и выведетъ всѣхъ своихъ людей изъ Москвы, пусть королевичъ приметъ православіе. Если вы напишите такое письмо, то я къ нему руку приложу и васъ благословлю на тоже. А чтобы такъ писать, — что намъ всѣмъ положиться на королевскую волю, и чтобы и посламъ велѣть тоже отдаться на королевскую волю, — я и самъ того не сдѣлаю и другимъ повелѣваю не дѣлать, и если меня не послушаете, то наложу на васъ клятву. Явное дѣло, что послѣ такого письма придется намъ цѣловать крестъ королю. Скажу вамъ, — я буду писать къ городамъ: если королевичъ приметъ православную вѣру и воцарится

надъ нами, я имъ подамъ благословеніе, а если и воцарится да вѣры единой съ нами не будетъ и королевскихъ

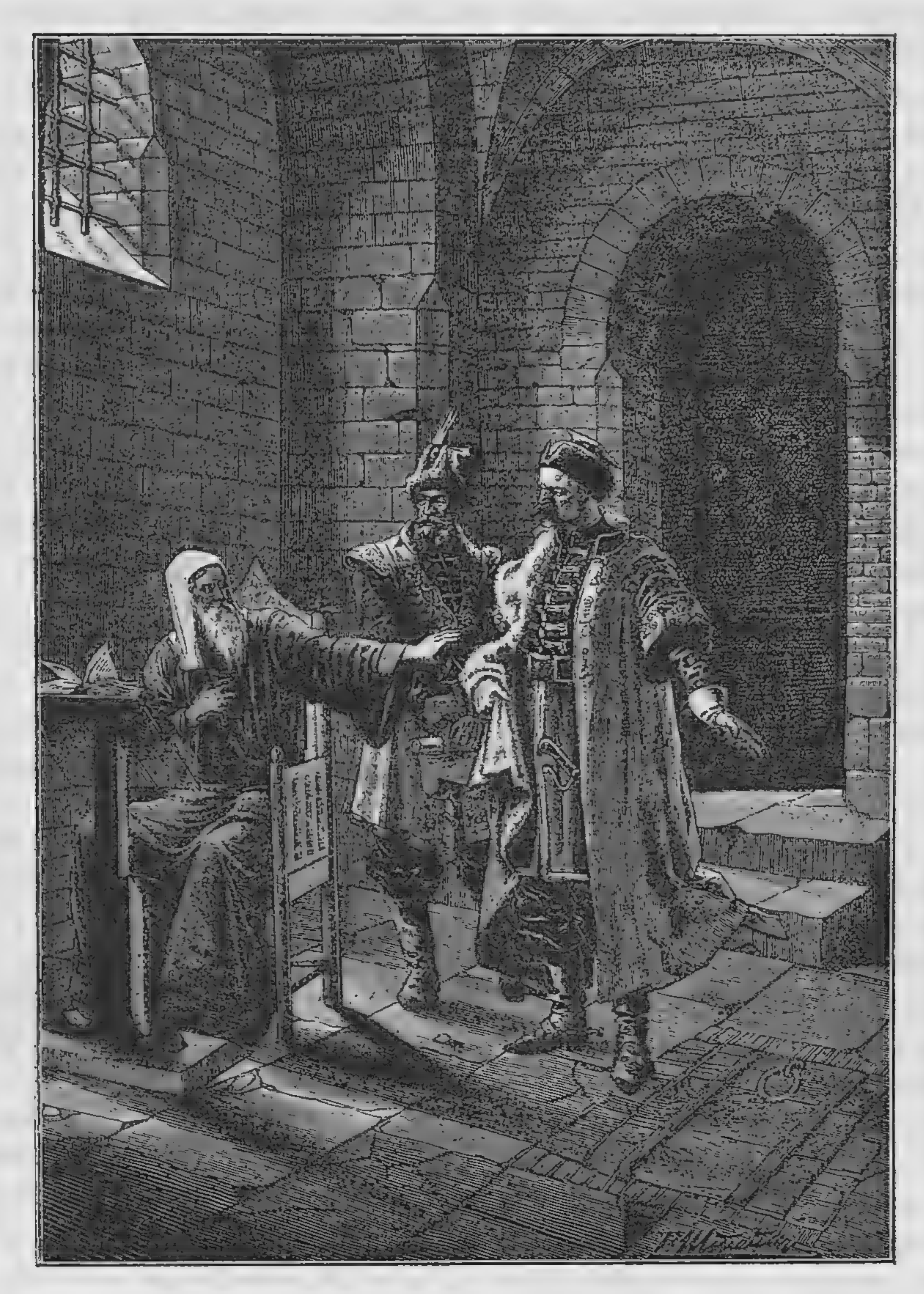

Рис. 21. Патріархъ Гермогенъ въ темницѣ Чудова монастыря.

людей не выведетъ изъ города, то я всѣхъ тѣхъ, которые уже крестъ ему цѣловали, благословлю идти на Москву и страдать до смерти». Бояре спорили съ патріархомъ, и,

слово за слово, говорятъ, будто-бы Михаилъ Салтыковъ вышелъ изъ себя, сталъ бранить патріарха и замахнулъ на него ножемъ. «Я не боюсь твоего ножа силою креста святого: ты-же будь проклятъ отъ нашего смиренія въ семъ вѣкѣ и будущемъ». Потомъ патріархъ обратился къ Мстиславскому и сказалъ: «Это твое начало, господинъ; ты больше всѣхъ честію, тебѣ слѣдуетъ подвизаться за православную вѣру, а если ты прельстишься, какъ и другіе, то Богъ скоро прекратитъ жизнь твою и родъ твой возьметъ отъ земли живыхъ и не останется никого отъ рода твоего».

На слѣдующій день патріархъ созывалъ народъ въ соборную церковь, но лишь немногимъ удалось войти и слышать тамъ смѣлую рѣчь Гермогена: поляки окружили церковь и не дали собраться русскимъ въ большомъ числѣ. Патріархъ уговаривалъ стоять за православную вѣру, сообщать о томъ-же въ города и обличалъ измѣнниковъ.

Послѣ этого поляки окружили патріарха стражею и не допускали къ нему даже прислугу, чтобы лишить его возможности черезъ нихъ посылать по городамъ воззванія и сообщать, что дѣлается въ Москвѣ, что затѣваютъ бояре съ Гонсѣвскимъ.

«А если-бы патріархъ Гермогенъ, говорится въ одной изъ современныхъ грамотъ, такого дѣла не учинилъ, то изъ боязни польскихъ и литовскихъ людей никто не сталъ-бы молвить ни одного слова».—Теперь-же въ разныхъ мѣстахъ Московскаго государства уже знали, какъ патріархъ твердо выступилъ противъ покушеній поработить вѣру и государство.

Бояре, заготовивъ грамоту, употребили въ ней и имя патріарха, но безъ его подписи, и отправили посламъ подъ Смоленскъ. Въ грамотѣ приказывалось посламъ «впустить польскія войска въ Смоленскъ, а смоленцамъ присягнуть не только королевичу, но и королю, и самимъ посламъ положиться во всемъ на королевскую волю». По этой грамотѣ возникъ новый споръ подъ Смоленскомъ, а о притѣсненіи патріарха и объ оскорбленіяхъ, наносимыхъ поляками въ Москвѣ русскому народу, дошелъ слухъ до Прокопія Ляпунова, который послѣ этого, между прочимъ

писалъ боярамъ: «знайте же, что я списался съ калужанами, съ тулянами, съ сѣверскими и съ украинскими городами: цѣлуемъ крестъ на томъ, чтобы намъ со всею землею стоять за Московское государство и биться на смерть съ поляками и литовцами». Эти угрозы заставили бояръ просить Гонсѣвскаго не раздражать народъ и не держать патріарха подъ стражею.

Послѣ ухода изъ подъ Москвы самозванца, бояре и вообще лучшіе люди, боясь Вора, крѣпко держались Владислава,—по желанію ихъ польскія войска введены въ Москву. Особенною привязанностью къ Владиславу отличался бояринъ Федоръ Мстиславскій, который не задумался принять изъ Смоленскаго стана званіе конюшаго; за нимъ потянулись къ польскому королю «за милостями» и многіе другіе бояре и дворяне. Грамоты писались боярамъ въ Москву отъ имени короля, а по другимъ городамъ отъ Владислава. Изъ это видно, что временное Московское правительство—боярская дума, безмолвно признало короля правителемъ Московскаго государства еще до пріѣзда королевича, а были и такіе, которые уже открыто, какъ напримѣръ Михаилъ Салтыковъ, просили, вели дѣло къ тому, чтобы царемъ провозглашенъ былъ не Владиславъ, а Сигизмундъ. Особенною услужливостью Сигизмунду отличался Федоръ Андроновъ, бывшій купецъ, кожевникъ. Онъ дѣйствовалъ еще въ Тушинѣ, а подъ Смоленскомъ съумѣлъ такъ приблизиться къ королю, что былъ посланъ въ званіи думнаго дворянина въ Москву и поставленъ въ товарищи къ казначею. «Федоръ Андроновъ намъ и сыну нашему вѣрою и правдою служилъ и до сихъ поръ правдою служитъ»,—писалъ король въ Москву боярамъ, «и мы за такую службу хотимъ его жаловать, приказываемъ вамъ чтобы вы ему велѣли быть въ товарищахъ съ казначеемъ нашимъ, Василіемъ Петровичемъ Головинымъ». Андроновъ не только вѣрно служилъ королю, но и предупреждалъ всѣ желанія Гонсѣвскаго. Для виду Гонсѣвскій приказалъ боярамъ переписать казну и приложить печати, но бояре, придя въ казну потомъ, печатей своихъ не нашли, а только печать Андронова. На вопросъ бояръ Андроновъ отвѣтилъ, что Гонсѣвскій приказалъ снять печати. По словамъ поляковъ въ царской казнѣ были, между про-

чимъ, золотыя изображенія Спасителя и двѣнадцати апостоловъ; изображенія — двѣнадцати апостоловъ еще при Шуйскомъ были перелиты въ деньги, для уплаты жалованья наемному шведскому войску, а изображеніе Спасителя, оцѣненное тогда въ тридцать тысячъ червонныхъ, доставшееся полякамъ Гонсѣвскаго, въ началѣ предполагалось послать въ Краковскій костелъ, а потомъ, рѣшили раздѣлить, разбивъ его на куски. Дѣятельность Андронова не ограничивалась только казначейскою, онъ распоряжался всѣмъ, дѣйствовалъ открыто и хлопоталъ, чтобы царемъ былъ Сигизмундъ. Такихъ прислужниковъ Сигизмунду, которые, гоняясь за его «милостями», «были рады служить и прямить и всякихъ людей королевскому величеству приводить»—стало въ Москвѣ много.

Но большинство уже видѣло, что дѣло о пріѣздѣ Владислава не подвигалось. Началось снова движеніе въ пользу самозванца. Сигизмундъ далъ знать боярамъ, что ему нужно прежде истребить Калужскаго Вора и его приверженцевъ, вывести польскихъ и литовскихъ людей, очистить города и, успокоивши такимъ образомъ Московское государство, поѣхать на сеймъ и тамъ покончить дѣло относительно Владислава. Смоленскъ, по грамотѣ короля, былъ причисленъ къ городамъ, которые Вору «прямятъ».— «До тѣхъ поръ, пока Смоленцы не добьютъ намъ челомъ, отступать намъ не годится и для всего государства Московскаго не безопасно»,—говорилъ король.

Въ числѣ сторонниковъ самозванца былъ бывшій касимовскій царь Урмаметъ. Онъ присталъ къ нему еще въ Тушинѣ. Когда-же Воръ бѣжалъ отъ Жолкѣвскаго въ Калугу, касимовскій царь присталъ къ Жолкѣвскому и прибылъ подъ Смоленскъ. Проживъ здѣсь нѣсколько недѣль, старый татаринъ соскучился по сынѣ, остававшемся при Ворѣ и отпросился въ Калугу на свиданіе съ нимъ, обѣщая привезти его подъ Смоленскъ. Въ Калугѣ онъ притворился передъ Воромъ, дѣлая видъ, что онъ по прежнему преданъ ему; сынъ, подружившійся съ Воромъ искренно, сказалъ ему, что отецъ обманываетъ. Воръ пригласилъ старика на псовую охоту и здѣсь убилъ его, а тѣло бросилъ въ Оку. Сначала это было скрыто, потомъже открылось, что самъ Воръ убилъ Урмамета.

Крещеный татаринъ, Петръ Урусовъ, начальникъ татарской стражи Лжедимитрія, поклялся съ товарищами отмстить за царя.

Самозванецъ съ небольшою компаніею русскихъ и татаръ поѣхалъ на рѣку Оку на, прогулку покутить, что бывало и раньше. Провожатые Вора ѣхали верхомъ; съ ними былъ и Петръ Урусовъ, который, напирая на сани самозванца своимъ конемъ, ударилъ саблею самозванца, а братъ Урусова отсѣкъ ему голову. Татары раздѣли тѣло Вора и бросили въ снѣгъ; сами-же бѣжали, опустошая все по пути. Всегдашній спутникъ самозванца шутъ Кошелевъ, бывшій очевидцемъ убійства, прискакалъ въ Калугу съ извѣстіемъ. Марина, въ отчаяніи бѣгала по городу, взывая о мщеніи, но мстить было некому— виновники уѣхали. Оставалось въ Калугѣ до 200 татаръ; казаки бросились на нихъ, гоняли, какъ зайцевъ, и дворы ихъ разграбили. Заруцкій хотѣлъ бѣжать, но его схватили; Григорій Шаховской просилъ у Калужанъ отпустить его въ Москву съ повинною, но его также не пустили. Когда-же Марина разрѣшилась сыномъ Иваномъ, то его провозгласили царевичемъ; но при царившей вездѣ суматохѣ, новорожденный былъ-бы плохимъ вождемъ и калужане, по требованію московскаго правительства, цѣловали крестъ всѣмъ городомъ Владиславу.

XXV.

Грамоты патріарха Гермогена. Ополченіе Ляпунова.

Смерть Тушинскаго Вора была событіемъ неблагопріятнымъ для польскаго короля. Возраставшее недовольство людей Московскаго государства противъ него до сихъ поръ двоилось: одни держались Вора—самозванца, а другіе, не желая поддаться обманщику, искали другой точки опоры. Теперь всѣ недовольные Сигизмундомъ могли дружно соединиться, воодушевленные одною мыслію, однимъ желаніемъ—освободить русскую землю отъ иноземцевъ.

Народъ русскій вдругъ почувствовалъ въ себѣ силу;

перестали казаться страшными поляки, разъѣзжавшіе побѣдоносно по улицамъ Москвы; не боялись русскіе люди бояръ-измѣнниковъ, подсматривавшихъ и подслушивавшихъ рѣчи, враждебныя королю. Собирались они въ домахъ, толковали смѣло, что король обманываетъ москвичей.

Бояре, преданные Сигизмунду, хотя и освободили патріарха отъ стражи, но совѣтовали Гонсѣвскому присматривать за нимъ. Салтыковъ и Андроновъ писали къ Сигизмунду, что патріархъ призываетъ къ себѣ всякихъ людей явно и говоритъ: «если королевичъ не крестится въ православную вѣру и всѣ поляки не выйдутъ изъ московской земли, то королевичъ намъ не государь.

Отъ патріарха уже пошли во всѣ стороны грамоты, въ которыхъ русскій народъ призывался къ избавленію древней столицы изъ подъ власти поляковъ и выражалась мысль о необходимости избранія царя изъ русскихъ православныхъ людей. Эти грамоты и поученія производили должное дѣйствіе.

Вслѣдствіе этого патріарха стали снова тѣснить; лишили его дьяковъ и подъячихъ; отняли бумагу, чтобы лишить его возможности писать грамоты, отняли даже прислугу, чтобы некого было посылать съ грамотами. Писать теперь, правда, патріархъ не могъ, но могъ еще говорить съ русскими людьми. Подошедшимъ къ нему подъ благословеніе двумъ нижегородцамъ: боярскому сыну Роману Пахомову и посадскому человѣку Макѣеву Гермогенъ сказалъ: «Писать мнѣ нельзя—все побрали поляки, и дворъ у меня пограбили; а вы, памятуя Бога и Пречистую Богородицу и Московскихъ чудотворцевъ, стойте всѣ заодно противъ нашихъ враговъ.»

Получивъ это извѣстіе, нижегородцы присягнули стоять за Москву, идти ополченіемъ противъ поляковъ и литовскихъ людей. Это рѣшеніе послали и къ Прокопію Ляпунову. Въ Январѣ 1611 года московскіе бояре писали Сигизмунду о возстаніи Прокопія Ляпунова въ Рязани; бояре требовали отъ короля, чтобъ онъ схватилъ находящагося у него въ смоленскомъ станѣ Захара Ляпунова, который списывается съ братомъ.

Города опять энергично стали переписываться одинъ съ другимъ. Прежде предметомъ сношеній было преду-

прежденіе не спѣшить присягою тому, кто называетъ себя Димитріемъ, приверженцы котораго грабили присягнувшихъ, а теперь эти сношенія истекали изъ побужденій высшаго порядка: города увѣщевали одинъ другого — стать за вѣру православную, вооружиться на поляковъ, грозящихъ ей гибелью.

Всѣ, кто былъ недоволенъ поляками и держали сторону самозванца, теперь приставали къ Москвѣ. Населеніе Москвы убѣждалось, что поляки стремятся подчинить себѣ Московское государство, и потому у всѣхъ было одно желаніе, одна забота — чтобы избавиться отъ поляковъ.

Поляки не ждали такого единодушія. Они видѣли бояръ и дворянъ, раболѣпно выпрашивавшихъ у Сигизмунда имѣній и почестей; они видѣли, какъ нѣкоторые русскіе люди, за личныя выгоды, продавали отечество. Поляки предполагали, что, какъ только бояре станутъ на ихъ сторону: однихъ они купятъ, другихъ обманутъ, громадою простого народа, привыкшаго повиноваться легко будетъ овладѣть. Но поляки жестоко ошиблись; они не разсчитали, что была на Руси животворная сила, способная дать движеніе неповоротливой громадѣ русскаго народа — эта сила была православная вѣра и любовь къ отечеству, бывшія знаменіемъ возстанія.

Во имя вѣры и спасенія родины отъ власти иноземцевъ вставала и собиралась Земля. По всей странѣ собирались воинскіе люди подъ предводительствомъ городскихъ воеводъ или избранныхъ вождей и направлялись къ Москвѣ для освобожденія ея отъ поляковъ. Съ сѣвера шли городскія ополченія—такія же, какія не задолго до того сражались противъ тушинцевъ съ княземъ Скопинымъ. Изъ центральныхъ областей поднимались дворянскіе отряды. Съ юга и изъ Калуги приближались казачьи отряды, служившіе Тушинскому Вору и теперь желавшіе послужить Москвѣ противъ общаго врага — поляковъ. Главный двигатель этого возстанія въ безгосударное время былъ патріархъ Гермогенъ. Салтыковъ пришелъ къ нему съ боярами и говоритъ: «Ты писалъ, чтобъ ратные люди шли къ Москвѣ: теперь напиши имъ, чтобы вернулись назадъ».—«Напишу», отвѣчалъ Гермогенъ, «если ты, из-

мѣнникъ, вмѣстѣ съ литовскими людьми, выйдешь вонъ изъ Москвы; если-же вы останетесь, то всѣхъ благословляю померета за православную вѣру; вижу ей поруганіе, вижу разореніе святыхъ церквей, слышу въ Кремлѣ пѣніе латинское — и не могу терпѣть». Патріарха отдали подъ стражу, приказавъ не пускать къ нему никого. Но «безстрашные люди» изъ Нижняго-Новгорода и другихъ городовъ находили возможность проникать къ патріарху, чтобы просить указаній, что дѣлать. И Гермогенъ продолжалъ воодушевлять населеніе на защиту православной вѣры и независимости родины.

XXVI.

Притѣсненія москвичей поляками. Поляки, осажденные въ Кремлѣ.

Пока Сигизмундъ, считая необходимымъ взять Смоленскъ, тратилъ время въ безплодныхъ, унизительныхъ для своего достоинства переговорахъ, возстаніе въ московскомъ государствѣ росло, а поляки своимъ поведеніемъ подливали масло въ огонь.

Украинскіе города, бывшіе за Воромъ: Орелъ, Болховъ, Бѣлевъ, Карачевъ и др., по смерти Вора присягнули королевичу, но королевскіе люди, не смотря на это, выжгли ихъ, а жителей кого побили, а другихъ взяли въ плѣнъ.

Послѣ отъѣзда Жолкѣвскаго, жители Москвы стали все болѣе подвергаться насиліямъ со стороны поляковъ: по вечерамъ побивали людей, проходившихъ по улицамъ; русскимъ воспрещено было носить не только какое либо оружіе, какъ напримѣръ—сабли, топоры, но даже ножи; воспрещалось привозить на продажу, мелкія дрова и колья, которыми могли бы при возмущеніи воспользоваться жители.

17 Марта, въ Вербное воскресенье, патріарха освободили изъ подъ стражи для обычнаго, въ этотъ день, торжественнаго шествія на осляти, но за вербою никто изъ

народа не пошелъ. Разнесся слухъ, что Салтыковъ и поляки собираются въ время этого шествія изрубить патріарха и безоружный народъ. Салтыковъ хотѣлъ, какъ говорили, напасть на москвичей, прежде чѣмъ придетъ къ нимъ помощь отъ Ляпунова, изъ отряда котораго дѣйствительно пробрались тайкомъ въ московскія слободы ратные люди, между ними князь Пожарскій, Бутурлинъ и Колтовской.

Въ воскресенье ничего не случилось, поляки готовились на вторникъ—втаскивали пушки на башни Кремля и Китай-Города. Утро вторника прошло тихо, москвичи ничего не предпринимали, купцы спокойно открыли лавки и торговали. Вдругъ начался споръ и крики: одинъ изъ поляковъ принуждалъ извощиковъ идти помогать полякамъ таскать пушки на башню. Извозчики не соглашались. Тогда восьмитысячный отрядъ, находившійся въ Кремлѣ, подумавъ, что началось возстаніе, ринулся на толпу и сталъ бить русскихъ: началась ужасная рѣзня безоружнаго народа; погибло въ Китай-Городѣ до семи тысячъ человѣкъ. Но въ Бѣломъ городѣ русскіе имѣли возможность собраться и вооружиться: ударили въ набатъ, подняли страшный крикъ, загородили улицы столами, скамьями, бревнами и стрѣляли изъ за этихъ укрѣпленій въ поляковъ; изъ оконъ домовъ палили, бросали каменья, бревна и доски. Ратные люди, пробравшіеся въ слободы, оказали помощь. На Срѣтенкѣ поляки были остановлены княземъ Димитріемъ Пожарскимъ.

Поляки, загнанные въ Кремль и Китай-Городъ, окруженный возставшими москвичами, придумали средство: выкурить огнемъ непріятеля. Они подожгли Москву съ разныхъ сторонъ, и пожаръ распространился по всему городу. Пожарскій, отбиваясь цѣлый день, изъ своего острожка у Введенія, на Лубянкѣ, былъ весь израненъ и отвезенъ въ Троицкій монастырь. Великій четвергъ прошелъ спокойно, а въ пятницу стало извѣстно, что Просовѣцкій съ тридцатью тысячами войска приближается къ Москвѣ. Гонсѣвскій выслалъ противъ него Зборовскаго и Струся. Просовѣцкій, потерявъ около двухсотъ человѣкъ казаковъ, засѣлъ въ Гуляй-Городахъ, на которые поляки не смѣли напасть и ушли въ Москву. Просовѣцкій также отступилъ на нѣсколько верстъ и ждалъ Ляпунова, За-

руцкаго и другихъ воеводъ. Въ понедѣльникъ на Пасхѣ все ополченіе въ числѣ ста тысячъ подошло къ Москвѣ, расположилось у Симонова монастыря и начало немедленно осаду.

1 Апрѣля ополченіе подошло къ стѣнамъ Бѣлаго города и заняло большую часть его стѣнъ. У поляковъ осталось здѣсь только пять башень или воротъ. Начались ежедневныя схватки. Изъ многихъ вождей громаднаго ополченія, собравшагося для освобожденія Москвы, по призыву патріарха Гермогена, особенно выдавались трое: рязанскій воевода Прокопій Ляпуновъ, происходившій изъ рязанскихъ дворянъ, тушинскій бояринъ князь Димитрій Трубецкой и казацкій атаманъ, пожалованный въ бояре Тушинскимъ Воромъ, Иванъ Заруцкій. Ляпуновъ храбростью и распорядительностью выдавался изо всѣхъ воеводъ: «всего московскаго воинства властель, скачетъ по полкамъ всюду, яко левъ рыкая» — говоритъ о немъ лѣтописецъ.

Въ подмосковномъ ополченіи выборные люди отъ разныхъ его частей сошлись на общій совѣтъ и «всею Землею» установили правительство для своей рати и для всего государства, такъ какъ московское правительство, ставшее измѣнникомъ своему народу, утратило всякое значеніе. Для управленія войскомъ и землею они избрали трехъ военачальниковъ: Прокопія Ляпунова, князя Димитрія Трубецкого и Ивана Заруцкаго.

Это новое правительство должно было замѣнить собою боярское правительство въ Москвѣ и поддерживать порядокъ по всей Руси. Однако эта власть существовала недолго. Среди ополченія вспыхнула старая вражда между казачествомъ, пополнявшимся по преимуществу бѣглыми крестьянами и холопами, и дворянами, стремившимися къ наилучшему прикрѣпленію крестьянъ къ землѣ. Выразителемъ дворянскихъ стремленій былъ Ляпуновъ, властный и горячій человѣкъ. Кн. Трубецкой и Заруцкій представляли собою другую сторону рати, тушинцевъ и казаковъ. Между воеводами начались нелады. Казачество ненавидѣло Ляпунова, считая его своимъ главнымъ врагомъ. Нѣсколько разъ покушались они убить Ляпунова; наконецъ зазвали его въ свой «кругъ» (сходку) и убили. Послѣ

этого они стали такъ насильничать надъ дворянами, что тѣ разъѣхались изъ подъ Москвы по домамъ. Ополченіе распалось, и къ осени 1611 г. подъ Москвой остались одни казачьи таборы, въ десять тысячъ казаковъ. Они хотѣли управлять всею землей, и Трубецкой и Заруцкій называли себя правителями государства. Но такъ какъ казаки нестолько поддерживали порядокъ, сколько грабили и насильничали по городамъ и дорогамъ, то никто не желалъ имъ подчиняться и всѣ города искали средствъ избавиться отъ нихъ.

Такъ прекратилось первое земское ополченіе для освобожденія Москвы отъ поляковъ.

Въ Августѣ пришелъ подъ Москву Янъ Сапѣга съ продовольствіемъ и началъ биться съ ополченцами. Осажденные поляки сдѣлали вылазку въ Бѣлый городъ, но на этотъ разъ неудачно. На другой день Сапѣгѣ удалось переправиться чрезъ Москву рѣку и снабдить осажденныхъ съѣстными припасами; осажденные, съ своей стороны, сдѣлали вылазку и отобрали у русскихъ четверо воротъ. Самый сильный бой былъ за Никитскія ворота, но поляки удержали ихъ за собою, а Тверскія остались за русскими. Овладѣвшій ополченіемъ Трубецкого и Заруцкаго какой-то непонятный страхъ давалъ возможность полякамъ на другой день вернуть отбитыя ворота, но отсутствіе дисциплины у самихъ поляковъ помѣшало имъ достигнуть этого.

На другой день Гонсѣвскій хотѣлъ воспользоваться замѣшательствомъ русскихъ — ударить всѣми силами и забрать остальныя укрѣпленія Бѣлаго города, а Сапѣга съ своей стороны далъ знать, что онъ ударитъ на ополченіе съ поля, когда осажденные пойдутъ на стѣны Бѣлаго города. Большая часть войска Гонсѣвскаго согласилась съ нимъ, но нѣкоторые, по зависти, начали говорить, что идетъ гетманъ литовскій Ходкѣвичъ, не нужно отнимать у него славу и дать Гонсѣвскому, и рѣшили ничего не дѣлать. Сапѣга заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Поляки очутились въ самомъ затруднительномъ положеніи; они ждали помощи отъ своего короля, но Сигизмунду было не до нихъ, ему нужно прежде всего взять Смоленскъ.

XXVII.

Переговоры подъ Смоленскомъ.

Боярскія грамоты изъ Москвы, въ которыхъ указывалось посламъ поступить по волѣ короля, были получены посольствомъ подъ Смоленскомъ въ декабрѣ 1610 г. Митрополитъ Филаретъ, прочитавъ эти грамоты, сказалъ: «По совѣсти нельзя слушать такихъ грамотъ. Отправлены мы отъ патріарха, отъ всего освященнаго собора, отъ бояръ, отъ всѣхъ чиновъ и отъ всей Земли.—Какъ-же намъ слушаться ихъ.—Онѣ написаны безъ воли и подписи патріарха и всего освященнаго собора и всей Земли».

Былъ созванъ совѣтъ изъ членовъ посольства, на которомъ рѣшено грамотъ этихъ не слушать, какъ незаконныхъ.

27 декабря послы были приглашены къ панамъ, которые прежде всего сообщили посламъ о смерти Тушинскаго Вора. Послы съ поклономъ благодарили за такую вѣсть. «Теперь,—насмѣшливо спросили паны, «что вы скажете о боярской грамотѣ»? Голицынъ отвѣчалъ, что они отпущены не отъ однихъ бояръ и отчетъ должны давать не однимъ боярамъ, а сначала патріарху и властямъ духовнымъ, потомъ боярамъ и всей землѣ; грамота же написана отъ однихъ бояръ, и то не отъ всѣхъ. Паны говорили: «Вы все отговаривались, что нѣтъ у васъ изъ Москвы о сдачѣ Смоленска указа; теперь получили указъ повиноваться во всемъ волѣ королевской, а все еще упрямитесь». Сапѣга, прочитавъ боярскую грамоту, сказалъ: «Видите, что мы говорили на съѣздахъ, то самое Духъ Святой внушилъ вашимъ боярамъ; они въ тѣхъ-же самыхъ словахъ велятъ вамъ исполнить, чего мы отъ васъ требовали, значитъ самъ Богъ открылъ имъ это».

«Насъ отпускали, говорилъ Голицынъ, отъ патріарха, властей, бояръ и всей Земли; отъ однихъ бояръ я бы и не поѣхалъ».

«Патріархъ,—говорили паны, особа духовная, и ему не до земскаго дѣла».—«У насъ, сказалъ Голицынъ, издавна велось, при рѣшеніи дѣлъ государственныхъ или земскихъ государи призывали на совѣтъ патріарха, митрополитовъ и архіепископовъ и безъ совѣта ихъ ничего не рѣшали»...

Послѣ этого послы спросили: «Что отвѣчали Смоленцы на боярскую грамоту»? Паны отвѣтили: «Смоленцы въ упорствѣ своемъ закоснѣли, не слушаютъ патріаршихъ грамотъ; просятъ съ вами послами видѣться и говорятъ: что наши послы прикажутъ, то мы и учинимъ». На возраженіе пословъ о справедливости дѣйствій Смоленцевъ, паны съ гнѣвомъ сказали: «Вы хотите, чтобъ пролилась кровь христіанская; на васъ ее взыщетъ Богъ».

На другой день опять позвали пословъ съ митрополитомъ, который наканунѣ не былъ. Митрополитъ рѣшительно подтвердилъ то, что сказано было послами вчера. Паны очень были разсержены.

Переговоры о сдачѣ Смоленка возобновлялись потомъ еще нѣсколько разъ, но послы оставались непреклонными.

Послѣдній разъ Левъ Сапѣга потребовалъ отъ митрополита Филарета угрожающимъ тономъ, чтобы онъ написалъ Шеину въ Смоленскъ о сдачѣ города, но Филаретъ отвѣчалъ: «Я все согласенъ перетерпѣть, а этого не сдѣлаю, пока не утвердите всего написаннаго въ договорѣ».

12 Апрѣля 1611 г. посламъ объявили, что они завтра должны ѣхать въ Польшу; послы говорили, что у нихъ на это «нѣтъ указа изъ Москвы, нѣтъ и средствъ». Вы должны ѣхать безъ отговорокъ, «такъ велитъ его величество король».

13 апрѣля къ дому, гдѣ жили послы, подвели судно и приказали садиться. Когда слуги посольскіе стали собираться, пристава повыкидали изъ судна пожитки ихъ, а что получше взяли себѣ, самихъ-же слугъ перебили:—холопская кровь не стоитъ вниманія! Плѣнныхъ пословъ окружили жолнеры съ заряженными ружьями. Судно съ послами поплыло внизъ по Днѣпру, а сзади на плохихъ суденышкахъ везли посольскихъ дворянъ.

Проходилъ уже май, а Смоленскъ все еще не сдавался. Сигизмунду, во что-бы ни стало, нужно было взять Смоленскъ: въ сентябрѣ назначенъ въ Польшѣ сеймъ, ему нужно явиться предъ своимъ народомъ побѣдителемъ, а то придется терпѣть насмѣшки.

Смоленскъ послѣ отчаянной борьбы, былъ, наконецъ, взятъ поляками, а Сигизмундъ торжествовалъ побѣду на его развалинахъ. Шеина послѣ допросовъ и пытокъ отправили въ Литву и держали въ заключеніи.

Вся Польша ликовала: совершались празднества, молебствія, процессіи, пирушки всевозможныя, увеселенія. Въ Краковѣ трое сутокъ съ 30 Іюня днемъ и ночью гремѣла музыка... Выстрѣлы, потѣшные огни, представленія изображавшія взятіе Смоленска, апоѳеозы языческихъ божествъ, поражающихъ московское государство—сопровождали торжество.

О событіи, столь утѣшительномъ для католичества, радовались чрезвычайно и въ Римѣ, когда дошло туда извѣстіе о побіеніи схизматиковъ, какъ называли католики православныхъ христіанъ.

— —

XXVIII.

Грамоты Троицко-Сергіевой лавры. Нижегородское ополченіе.

Къ осени 1611 года положеніе Московскаго государства стало отчаяннымъ. Поляки занимали Москву и взяли Смоленскъ послѣ двухлѣтней геройской защиты воеводы Шеина. Шведы захватили Новгородъ и Финское побережье. Земское ополченіе распалось. Казаки грабили и своевольничали. Никакого правительства не существовало, и русскіе люди, не желавшіе повиноваться ни полякамъ въ Москвѣ, ни казакамъ подъ Москвой, были предоставлены, самимъ себѣ. Города ожидавшіе обыкновенно указаній изъ Москвы теперь не знали что дѣлать и откуда ждать совѣта и приказа. Отчаяніе русскихъ людей было полное. Казалось всему приходилъ конецъ. Прежде патріархъ Гермогенъ призывалъ постоять за вѣру православную; теперь не слышно голоса его—онъ посаженъ поляками въ кремлевскую темницу.

Между тѣмъ можно было ежечасно ожидать, что на помощь полякамъ, осажденнымъ въ Москвѣ, придетъ польскій король со своимъ войскомъ.

Войско поляковъ было усилено приходомъ изъ Польши отряда подъ начальствомъ гетмана Ходкѣвича, который, ставъ въ Красномъ Селѣ, осадилъ русское войско, находившееся тамъ подъ начальствомъ князя Дмитрія Трубецкого. Недостатокъ продовольствія, пороху и пуль, поставилъ это войско въ безвыходное положеніе.

Въ эту-то критическую минуту съ особою энергіею начинаютъ дѣйствовать архимандритъ Діонисій и келарь Троицкаго монастыря Авраамій Палицынъ, который былъ друженъ съ Трубецкимъ и Заруцкимъ.

Монахи собрали монастырскій соборъ, созвали бояръ, дворянъ, дьяковъ, находившихся въ Троицкой Сергіевой лаврѣ и, посовѣтовавшись, послали подъ Москву къ князю Трубецкому и ко всему войску пѣшихъ монастырскихъ людей съ порохомъ и пулями, укрѣпляя въ грамотахъ надеждою на скорую помощь войскомъ. Когда-же запасы пороха и пуль монастыремъ были розданы, Авраамій распорядился вынуть заряды изъ находившихся въ монастырѣ орудій и послалъ ихъ къ войску.

Въ это-же время въ монастырѣ, въ архимандричьей кельѣ сидѣли «писцы борзые». Они писали грамоты, въ которыхъ архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій увѣщевали «сразиться съ врагами Московскаго государства и до конца постоять за вѣру и отечество».

Въ грамотахъ говорилось между прочимъ: «Московское государство выжгли, людей высѣкли, безчисленную христіанскую кровь пролили, святыя Божьи церкви и образа разорили и поругали, а твердаго адаманта святѣйшаго патріарха Гермогена съ престола безчестно низринули и въ тѣсное заключеніе заперли». Грамоты эти были разосланы въ Ярославль, во Владиміръ, во всѣ замосковные, поморскіе и понизовые города.

Троицкая Сергіевская лавра, сама недавно освободившаяся отъ шестнадцатимѣсячной томительной осады, сдѣлалась главнымъ убѣжищемъ для разоренныхъ, безпріютныхъ, больныхъ и раненыхъ, искавшихъ спасенія отъ поляковъ и казаковъ, свирѣпствовавшихъ въ подмосковной области.—Архимандритъ и братія съ любовью ухаживали за несчастными и не жалѣли средствъ для ихъ прокормленія. Въ сосѣднихъ монастырскихъ слободахъ и селахъ были построены страннопріимные дома. Монастырскіе люди посылались подбирать по дорогамъ и лѣсамъ больныхъ и мертвыхъ. Печальный видъ представляли эти раненые и умиравшіе: у одного изъ спины вырѣзаны ремни, у другого отрублены руки и ноги, у третьяго содрана съ головы кожа съ волосами.

Въ то же время обитель вела постоянныя сношенія съ ополченіемъ, стоявшимъ подъ Москвою.

Келарь Авраамій и другіе старцы ѣздили къ войску, говорили ратнымъ людямъ поученія, укрѣпляли ихъ вѣру, увѣщевая мужественно стоять противъ враговъ.

Разосланныя грамоты отъ обители св. Троицы получались въ городахъ и читались съ умиленіемъ. Особенно сильно подѣйствовала одна изъ такихъ грамотъ, полученная въ Нижнемъ-Новгородѣ въ октябрѣ 1611 года. На воеводскій дворъ собрались нижегородскія власти: воеводы Алябьевъ и Рѣпнинъ, дьякъ Семенка съ приказными людьми, Печерскій архимандритъ Ѳеодосій, Спасскаго собора протопопъ Савва съ клиромъ, стряпчіе Биркинъ и Юдинъ, дворяне, головы и старосты; въ числѣ старостъ былъ Козьма Захаровичъ Мининъ-Сухорукъ «говядарь» (мясникъ, а скорѣе торговецъ скотомъ, но ратное дѣло ему знакомо было — онъ уже служилъ въ ополченіи Алябьева и Рѣпнина). Мининъ сказалъ: «Прикажите прочитать грамоту въ соборѣ, а тамъ, какъ Богъ дастъ».

На другой день у Спаса зазвонили въ большой колоколъ. Были будни. Народъ понялъ, что вѣроятно есть что-нибудь новое. Сошлась толпа у Спаса. Послѣ обѣдни протопопъ Савва произнесъ рѣчь: «Православные христіане! Горе намъ. Пришли дни конечной гибели нашей. Погибаетъ наше Московское государство; гибнетъ и православная вѣра. Горе намъ, горе великое, лютое обстояніе. Польскіе и литовскіе люди, въ нечестивомъ совѣтѣ своемъ, умыслили Московское государство разорить и обратить истинную вѣру Христову въ латинскую ересь. Кто не восплачется, кто не испуститъ источники слезъ! Ради грѣховъ нашихъ, Господь попустилъ врагамъ нашимъ возноситься. Горе нашимъ женамъ и дѣтямъ! Еретики разорили богохранимый градъ Москву и предали всеядному мечу дѣтей ея. Что намъ творить, не утвердиться-ли намъ на единеніе и не постоять-ли за чистую и непорочную Христову вѣру и за святую соборную церковь Богородицы ея честного Успенія и за многоцѣлебныя мощи московскихъ чудотворцевъ?—А се грамота властей Живоначальной Троицы монастыря Сергіева». Грамота была прочитана.

Козьма-Мининъ сталъ говорить согражданамъ: «Чтобы помочь Москвѣ — ничего не пожалѣемъ; дома продадимъ, женъ и дѣтей заложимъ и будемъ искать себѣ начальника». Побуждаемые Мининымъ нижегородцы положили, что слѣдуетъ немедленно сзывать ратныхъ людей и собирать казну на жалованье имъ.

Нижегородцы прежде всего обязались особыми приговорами жертвовать на ополченіе «по пожиткамъ и по промысламъ», а затѣмъ начали искать годныхъ къ бою ратныхъ людей. По приговорамъ въ земской и воеводской избѣ не одинъ разъ назначались чрезвычайные сборы на ополченіе, имѣвшіе характеръ то третьей, то пятой деньги, то натуральныхъ сборовъ, то простого займа у частныхъ лицъ до того времени, «покамѣстъ нижегородскіе денежные доходы въ сборѣ будутъ». Въ подобныхъ приговорахъ участвовали, вмѣстѣ съ земскими старостами и цѣловальниками, «всѣ нижегородскіе посадскіе люди», а кромѣ того и нижегородскія власти. Дѣйствіе этихъ приговоровъ распространялось не только на нижегородскій посадъ, но и на весь уѣздъ, даже на другіе города, приставшіе къ ополченію: Балахну и Гороховецъ. Средства, добываемыя сборами, имѣли спеціальное назначеніе: они шли на жалованье и кормъ ратнымъ людямъ. Для раскладки взиманія и храненія этихъ чрезвычайныхъ сборовъ было избрано особое лицо, «выборный человѣкъ, именно самъ Козьма Мининъ».

Какъ только поднялись нижегородцы, потекли пожертвованія, приносили деньги, сосуды и различные товары. Мининъ принималъ все съ одинаковой лаской, благодарилъ всѣхъ именемъ Нижняго Новгорода и всей земли русской... Пришла одна старушка вдова и отдала почти все свое имущество, оставивъ только себѣ небольшую часть.

Воеводою своего ополченія нижегородцы избрали храбраго князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, который уже бился подъ Москвой съ поляками и теперь только что поправился отъ полученныхъ ранъ, а завѣдываніе казною и всѣ заботы о содержаніи войска возложили на Минина, какъ на человѣка опытнаго, бывалаго.

Видя воодушевленіе народа, Пожарскій и Мининъ стали

уже отъ себя разсылать всюду грамоты, призывая всѣхъ «быть съ ними въ одномъ совѣтѣ и идти на врага поспѣшно».

Отовсюду стали приходить ратные люди. Нижегородцы всѣхъ принимали съ честью, давали содержаніе ратникамъ и ихъ конямъ. Подъ начальствомъ князя Пожарскаго составилось большое ополченіе. Въ Москвѣ и подъ Москвою вѣсти о новомъ ополченіи вызвали радость и надежду на скорое избавленіе, а у поляковъ сильную тревогу. Гонсѣвскій сталъ принуждать, чрезъ русскихъ измѣнниковъ, заключеннаго въ Чудовомъ монастырѣ патріарха Гермогена, чтобы онъ написалъ нижегородцамъ увѣщаніе отмѣнить походъ и сохранить присягу Владиславу. «Да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ на очищеніе Московскаго государства»—отвѣтилъ патріархъ,—«а вы, окаянные московскіе измѣнники, да будете прокляты». Враги морили его голодомъ. Мужественный старецъ остался непреклоненъ; 17 февраля 1612 года патріархъ Гермогенъ скончался.

Въ апрѣлѣ 1612 года нижегородское ополченіе пришло въ Ярославль, гдѣ было встрѣчено съ великою честію.

Пожарскій и Мининъ не спѣшили къ Москвѣ. Обстоятельства были трудныя—требовали большой осторожности. Это нижегородское ополченіе заключало въ себѣ послѣднія русскія силы, или ядро, около котораго могли еще собраться лучшіе люди и средства, уцѣлѣвшія отъ предыдущихъ разгромовъ. Оставаясь въ Ярославлѣ, Пожарскій и Мининъ стягивали къ своему ополченію подкрѣпленія, подходившія изъ разныхъ городовъ. Пожарскій собралъ въ Ярославлѣ земскій соборъ, которому и ввѣрилъ управленіе всею землей и войсками. Въ соборѣ участвовали: духовенство, бояре, избѣжавшіе московской осады, выборные люди отъ служилаго и тяглаго населенія разныхъ городовъ.

Прошло четыре мѣсяца, какъ нижегородское ополченіе прибыло въ Ярославль. Медлительность въ движеніи къ Москвѣ вызывала ропотъ. Между тѣмъ пришла вѣсть о новомъ походѣ гетмана Ходкѣвича на помощь польскому войску въ Москвѣ. Князь Трубецкой обратился къ посред-

ничеству Троицкаго Сергіева монастыря. Архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій отправили двухъ старцевъ въ Ярославль съ грамотою, въ которой умоляли Пожарскаго и Минина спѣшить къ Москвѣ. Не видя успѣха отъ этого посольства, шлютъ другихъ двухъ старцевъ съ настойчивою просьбою и извѣстіемъ, что гетманъ Ходкѣвичъ приближается съ сильнымъ войскомъ и большими запасами, и, если онъ успѣетъ соединиться съ польскимъ войскомъ въ Москвѣ, то напрасны будутъ всѣ труды нижегородскаго ополченія. Но здѣсь въ это время среди воеводъ и ратниковъ возникли какіе-то несогласія и смуты.

Гетману Ходкѣвичу эти распри были извѣстны.

Зная все это, архимандритъ съ братіею, напутствовавъ молебнымъ пѣніемъ, снаряжаютъ въ Ярославль самого келаря Авраамія. Здѣсь Авраамій явился миротворцемъ: своими краснорѣчивыми поученіями помогъ Пожарскому и Минину водворить въ ополченіи порядокъ и послушаніе.

Пожарскій началъ движеніе ополченія изъ Ярославля отправкою въ Москву сильнаго подкрѣпленія, указавъ мѣсто, гдѣ подкрѣпленія должны были стать; причемъ запретилъ имъ располагаться въ таборахъ казаковъ, не разъ уже выказавшихъ измѣну защитникамъ отечества.

Наконецъ и самъ Пожарскій выступилъ изъ Ярославля 13 Августа. Ополченіе достигло Троицкой лавры и остановилось между монастыремъ и слободою Клементевской. Ополченіе простояло здѣсь четыре дня. Въ это время князь Трубецкой прислалъ съ грамотами къ архимандриту и братіи, прося побудить ополченіе, чтобы оно какъ можно скорѣе шло къ Москвѣ. Къ этой торопливости нѣкоторые начальники ополченія высказывали опасеніе,—одни хотѣли идти къ Москвѣ, а другіе говорили, что Пожарскаго казаки манятъ въ Москву, чтобы убить его, какъ уже убили воеводу Ляпунова въ первомъ ополченіи. Авраамій-же старался отклонить это опасеніе. Онъ говорилъ Пожарскому: «Не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души не могущихъ коснуться, но если, что случится и постраждеши, то мученикъ будеши Господеви». Пожарскій, отвергнувъ всѣ опасенія и страхъ, рѣшилъ

двинуться съ ополченіемъ изъ Троицкой лавры, пригласивъ съ собою келаря Авраамія. Архимандритъ Діонисій со всѣмъ соборомъ отслужили молебенъ и проводили съ иконами до горы Волкуши. Въ то утро, когда ополченіе готовилось идти, дулъ противный вѣтеръ; ратники смутились, видя въ этомъ дурное предзнаменованіе. Но когда войско двинулось, а Діонисій, стоя на горѣ, продолжалъ осѣнять ополченіе крестомъ, вдругъ вѣтеръ перемѣнился и подулъ въ тылъ ополченію съ такою силою, что едва можно было сидѣть на коняхъ. Эта перемѣна сочтена была за чудесное предзнаменованіе, указывающее на благословеніе преподобнаго Сергія. Ратники, отложивъ страхъ, ободрились и давали другъ другу обѣщаніе померѣть за домъ Пресвятой Богородицы и за православную вѣру.

19 Августа Пожарскій, не доходя пяти верстъ до Москвы, остановился на берегу рѣки Яузы. Стоявшій здѣсь Трубецкой съ казаками съ этого времени сталъ питать нерасположеніе къ Пожарскому и Минину, которые на неоднократныя приглашенія рѣшительно отказались придти къ Трубецкому и расположить нижегородское ополченіе съ его казаками.

Ополченіе прибыло въ самое нужное время; одинъ день промедленія и было-бы уже поздно. Когда Пожарскій укрѣпился въ своемъ станѣ, Ходкѣвичъ подошелъ къ Москвѣ и остановился на Поклонной горѣ. Всего войска у Ходкѣвича, съ присланными отъ короля и другихъ пановъ, было тысячъ до пятнадцати. Ходкѣвичъ, убѣжденный въ превосходствѣ вооруженія и воинскаго искусства, смѣло двинулся на выручку сидѣвшаго въ Кремлѣ польскаго войска. Русское ополченіе, хотя и многочисленное, Ходкѣвичу казалось нестройнымъ, плохо вооруженнымъ и не обученнымъ военному дѣлу. Притомъ рознь между казачествомъ и земскимъ ополченіемъ была какъ-бы ручательствомъ ихъ безсилія. Но это земство было воодушевлено непреодолимымъ желаніемъ отстоять православіе и очистить родину отъ враговъ. Оно не хотѣло видѣть другого исхода ихъ борьбы, какъ только побѣдить или умереть.

Утромъ 22 Августа Ходкѣвичъ сталъ переправляться

Рис. 22. Козьма Мининъ рѣшаетъ битву у Крымскаго брода.

чрезъ Москву рѣку, у Новодѣвичьяго монастыря. Трубецкой, стоявшій за рѣкой у Крымскаго брода, выпросилъ у Пожарскаго пять конныхъ отборныхъ сотенъ, но вмѣсто того, чтобы ударить во флангъ или въ тылъ полякамъ, оставался въ бездѣйствіи и допустилъ ихъ переправиться; и они отбили отъ берега конницу. Пожарскій приказалъ всадникамъ сойти съ коней и биться пѣшими, но поляки потѣснили русскихъ съ поля. На встрѣчу полякамъ вышелъ изъ Кремля польскій гарнизонъ и ударилъ на Чертольскія ворота, чрезъ которыя могъ быть введенъ обозъ съ припасами; московскіе стрѣльцы отбили гарнизонъ. Ополченцы Пожарскаго отступили подъ натискомъ Ходкѣвича; Трубецкой продолжалъ смотрѣть на бой, сложа руки. Но пять, отпущенныхъ къ Трубецкому Пожарскимъ, конныхъ сотенъ не выдержали, и не смотря на запрещеніе Трубецкого, поскакали на помощь своимъ. За ними самовольно послѣдовали нѣсколько казачьихъ атамановъ со своими отрядами, сказавъ Трубецкому: «Отъ вашихъ несогласій Московскому государству и ратнымъ людямъ приключается пагуба». Ударъ этихъ свѣжихъ сотенъ на враговъ поддержалъ ополченцевъ, которые остановились около Тверскихъ воротъ и на развалинахъ Деревяннаго города вступили въ отчаянный бой; враги замѣшались и отступили. На слѣдующій день Ходкѣвичъ передвинулъ свои войска къ Донскому монастырю и отсюда повелъ новую атаку съ цѣлью пробиться въ Кремль и ввести съѣстные запасы и подкрѣпленія. Затѣмъ Трубецкой сталъ у Лужниковъ, а Пожарскій у Ильи Пророка Обыденнаго. Долго сопротивлялись русскіе; но Ходкѣвичъ, ударивъ съ большою энергіей всѣми силами, смялъ передніе русскіе полки. Казаки Трубецкого вяло помогали ополченію и наконецъ стали уходить въ свои таборы и зарекались идти въ бой съ врагами.

Въ такую критическую минуту князь Пожарскій послалъ за келаремъ Авраамiемъ, который съ духовенствомъ Обыденнаго храма Ильи Пророка служилъ молебенъ о дарованіи побѣды. Пожарскій и召Мининъ со слезами просили Авраамія идти убѣждать казаковъ, безъ помощи которыхъ невозможно было одолѣть врага. Авраамій, забывъ свою старость, поспѣшилъ къ казакамъ. Сперва онъ

Рис. 23. Келарь Авраамій Палицынъ въ станѣ казаковъ Трубецкаго подъ Москвой.

остановился у Климентова острожка, гдѣ при видѣ многихъ побитыхъ людей, осыпалъ похвалами мужество казаковъ, ихъ терпѣніе къ ранамъ, голоду, наготѣ и крѣпкое стояніе за православную вѣру; говорилъ объ ихъ славѣ, распространившейся по дальнимъ странамъ, умолялъ идти на непріятеля, взявъ себѣ боевой кликъ чудотворца Сергія. Казаки умилились отъ рѣчей старца,— обѣщали всѣ скорѣе умереть, чѣмъ воротиться безъ побѣды, и просили Авраамія идти съ такими рѣчами въ казачьи таборы. Старецъ пошелъ далѣе, и увидѣлъ противъ церкви Никиты Мученика толпу казаковъ, переправлявшихся черезъ Москву рѣку, чтобы воротиться въ свои таборы. Авраамій обратился къ нимъ съ тѣмъ-же горячимъ словомъ и такъ воодушевилъ ихъ, что всѣ они повернули назадъ и бросились въ бой съ крикомъ «Сергіевъ, Сергіевъ!» Авраамій пришелъ въ самые станы ихъ, гдѣ казаки занимались кто шитьемъ, кто игрою въ зернь *). И здѣсь увѣщаніе и мольбы старца такъ подѣйствовали, что всѣ казаки схватили оружіе и съ тѣмъже крикомъ ринулись на враговъ. Ходъ сраженія тотчасъ измѣнился. Климентовъ острожекъ былъ взятъ обратно; непріятельскій обозъ, пробиравшійся въ Кремль, русскіе разорвали и переднюю его часть забрали;—гетманъ былъ потѣсненъ.

Потерпѣвъ неудачу, Ходкѣвичъ отступилъ въ свой лагерь къ Донскому монастырю, а утромъ передвинулся на Воробьевы горы.

Съ большою скорбію осажденные поляки смотрѣли со стѣнъ Кремля и Китай города съ одной стороны на удаляющагося гетмана Ходкѣвича, а съ другой на русское ополченіе, которое замкнуло ихъ со всѣхъ сторонъ. 22 октября былъ взятъ Китай городъ. Но въ Кремлѣ поляки держались еще цѣлый мѣсяцъ. Изъ осажденнаго города стали выбѣгать въ станъ осаждающихъ разные люди, которые говорили о свирѣпствовавшихъ тамъ болѣзняхъ и голодѣ. Осажденные ѣли всякую падаль, мертвечину и даже человѣческое мясо. Близокъ былъ конецъ обороны.

Не мало заботъ причиняли русскимъ воеводамъ ка-

---

*) Зернь—игральныя кости.

Рис. 24. Вступленіе князя Д. М. Пожарскаго въ Кремль.

заки жалобами на недостатокъ кормовъ и неплатежъ жалованья. Однажды казаки такъ ожесточились, что хотѣли разойтись въ разныя мѣста, а нѣкоторые предлагали разграбить имущество дворянъ. Узнавъ про это, архимандритъ Діонисій, келарь Авраамій и соборные старцы и рѣшили, за неимѣніемъ денегъ, послать казакамъ дорогія церковныя сокровища, ризы, стихари и епитрахили, унизанныя жемчугомъ,—въ видѣ заклада, пока монастырь соберетъ деньги. Вмѣстѣ съ такимъ закладомъ были посланы и увѣщательныя грамоты. Прочитавши эти грамоты, казаки растрогались, отослали закладъ назадъ съ отвѣтнымъ писаніемъ, въ которомъ обѣщали исполнить все по просьбѣ архимандрита и старцевъ, не отходить отъ Москвы, не взявши ее и не отомстивши врагамъ за христіанскую кровь.

Доведенные голодомъ до крайности, поляки вступили наконецъ въ переговоры съ ополченіемъ.

27 ноября ополченія сошлись у Лобнаго мѣста, гдѣ архимандритъ Діонисій началъ служить молебенъ; въ это-же время изъ Спасскихъ воротъ Кремля показался другой крестный ходъ: шелъ архіепископъ Арсеній съ кремлевскимъ духовенствомъ и несли икону Божіей Матери Владимірской; вопль и рыданія раздались въ народѣ, который уже потерялъ было надежду когда либо увидѣть этотъ дорогой для москвичей и всѣхъ русскихъ образъ. Послѣ молебна войско и народъ двинулись въ Кремль.

Обѣднею и молебномъ въ Успенскомъ соборѣ окончилось великое народное торжество. Москва очищена отъ непріятелей и снова стала центромъ русской государственной жизни.

Король Сигизмундъ пытался съ сыномъ своимъ подойти къ Москвѣ, но попытка его была неудачна.

XXIX.

Избраніе на царство Михаила Θеодоровича Романова.

Съ отступленіемъ Сигизмунда русская земля могла заняться избраніемъ царя «Всею Землею...»

Устранивъ, по возможности, на первое время безпорядки, производившіеся казаками и доходившіе почти до открытаго междоусобія между ними и земскимъ ополченіемъ, временное правительство, во главѣ съ князьями Димитріемъ Пожарскимъ и Трубецкимъ, поставило на очередь вопросъ объ избраніи царя.

Московское правительство грамотами по городамъ пригласило въ Москву выборныхъ «по десяти человѣкъ отъ городовъ, для государственныхъ и земскихъ дѣлъ»,— чтобы вездѣ выбирали «лучшихъ и разумныхъ людей для избранія государя Всею Землею». «Пусть — говорили тогда—избраніе совершится отъ Бога, а не отъ человѣка». «10 Января 1613 г. съѣхались выборные на Земскій Соборъ. Въ немъ участвовали представители— всѣхъ классовъ свободнаго населенія.

Собравшіяся власти и выборные послѣ трехдневнаго поста и послѣ усердной молитвы въ Успенскомъ Соборѣ открыли совѣщаніе объ избраніи царя.

Прежде всего Земскій Соборъ сталъ разсуждать о томъ, выбирать-ли изъ иностранныхъ королевскихъ домовъ, или своего природнаго русскаго. Но возбужденіе противъ иностранцевъ было такъ велико, что съ этимъ вопросомъ покончили скоро: рѣшили не выбирать никого изъ иностранцевъ. Никто, еслибъ и хотѣлъ не посмѣлъ тогда и заикнуться объ избраніи кого либо изъ иностранцевъ. Отвергнуты были и нареченный царь Московскій Владиславъ и шведскій королевичъ, предложенный Делагарди.

На очередь были поставлены «великіе роды» московскаго корня, и «бысть по многіе дни собраніе людемъ»,— но такого сложнаго дѣла рѣшить не могли. Дѣйствительно, трудно было рѣшить, который изъ великихъ родовъ могъ сдѣлаться родоначальникомъ царствующаго

Дома. Хотя кругъ кандидатовъ на царство былъ широкъ, но отыскать въ немъ соотвѣтственое лицо было трудно. Между знатными родами въ то время выдѣлялись Мстиславскіе, Голицыны, Воротынскіе и Романовы. Но князь Ѳ. И. Мстиславскій, теперь пожилой и бездѣтный, и раньше не искалъ власти; были голоса въ пользу Голицына, но онъ въ плѣну въ Польшѣ, а противъ Воротынскаго возразили тотчасъ—что онъ старъ...

Послѣ польскаго погрома въ Москвѣ княжескіе роды лишились своихъ «столповъ» и утратили положеніе у власти. Не въ лучшемъ положеніи была и другая сторона боярства. Не говоря уже о родѣ Годуновыхъ, который совершенно упалъ послѣ гибели Бориса, и о Шереметевыхъ, которые разбрелись по всѣмъ лагерямъ и партіямъ, даже Романовы переживали тяжелую пору: глава ихъ Филаретъ былъ съ Голицынымъ въ плѣну; его братъ Иванъ сидѣлъ съ поляками въ Москвѣ; а сынъ, выпущенный изъ Кремлевской осады, удалился съ матерью и съ ея роднею — Салтыковыми старшаго колѣна—въ свою Костромскую вотчину.

Трудное дѣло разрѣшилось тѣмъ, что Земскій Соборъ остановилъ свой выборъ на семьѣ Романовыхъ: никакой другой боярскій родъ въ Московскомъ государствѣ не пользовался такою любовью и никто не заслужилъ ея больше, какъ родъ Романовыхъ.

Въ народномъ сознаніи не изглаживалась память добродѣтельной царицы Анастасіи; помнили любимаго въ свое время народомъ брата ея, Никиту Романовича; не только никто про него не могъ сказать, что онъ былъ причастенъ къ казнямъ Грознаго, но сохранились преданія о что онъ постоянно заступался передъ Иваномъ Грознымъ за оклеветанныхъ, подвергаясь самъ царскому гнѣву. Еще свѣжи были въ народной памяти страданія его дѣтей при Борисѣ, печальная смерть въ изгнаніи трехъ братьевъ, заточеніе Ѳеодора Никитича и его супруги. Народъ самъ въ то время много выстрадалъ, а потому и сочувствіе его клонилось въ сторону рода, который также испилъ горькую чашу и притомъ еще безвинно. У русскихъ людей, такимъ образомъ, установилась крѣпкая сердечная связь взаимныхъ страданій съ Романовыми. Наконецъ послѣдній

подвигъ Филарета, его твердость въ дѣлѣ посольства у Смоленска, его плѣнъ у поляковъ, — все давало ему въ народномъ сознаніи видъ мученика за святую вѣру, за правое дѣло, за русскую землю. Все это склоняло всѣ сердца, усиливало побужденія выборщиковъ въ пользу Михаила Θеодоровича Романова. 7-го февраля соборъ предрѣшилъ избраніе его въ цари.

Рис. 25. Патріархъ Филаретъ.

Смута научила московскихъ людей быть осторожными: Соборъ, рѣшивъ выборъ Михаила Θеодоровича Романова, отложилъ оглашеніе избранія до 21 февраля. Въ это время послали вѣрныхъ людей Московскаго государства «по бояръ въ городы, по князя Θ. И. Мстиславскаго съ товарищи, чтобъ они для большого государственнаго дѣла и для общаго земскаго совѣта ѣхали къ Москвѣ на

спѣхъ»; кромѣ того: «во всѣ городы Россійскаго царствія, опричь дальныхъ городовъ, послали тайно; во всякихъ людехъ мысли ихъ про государское обиранье провѣдывати, вѣрныхъ и богобоязненныхъ людей, кого хотятъ государемъ царемъ на Московское государство во всѣхъ городѣхъ». Мстиславскій съ товарищами пріѣхалъ, пріѣхали и запоздавшіе выборные, возвратились и посланные по областямъ съ извѣстіемъ, что народъ съ радостью готовъ признать Михаила Θеодоровича царемъ.

Рис. 26. Великая старица-инокиня Марθа.

21 февраля 1613 года въ «Недѣлю Православія» былъ послѣдній Соборъ; каждый членъ Собора подалъ письменное мнѣніе; всѣ эти мнѣнія были найдены сходными, — всѣ указывали на одного человѣка — Михаила Θеодоровича Романова.

Когда рязанскій архіепископъ Θеодоритъ, Троицкій келарь Авраамій Палицынъ, Новоспасскій архимандритъ Іосифъ и бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ взошли

на Лобное мѣсто и спросили у народа, наполнявшаго Красную площадь, кого онъ хочетъ въ цари: «Михаила Ѳеодоровича Романова», — былъ единодушный громкій кликъ народа. «Се бысть по усмотрѣнію всесильнаго Бога», громко сказалъ Авраамій Палицынъ.

Немедленно въ Успенскомъ соборѣ былъ отслуженъ благодарственный молебенъ; затѣмъ такіе же молебны были отслужены по всѣмъ церквамъ и монастырямъ съ колокольнымъ звономъ.

Въ то время, когда Россія предавалась всенародной радости, когда каждый изъ истинно русскихъ людей

Рис. 27. Ипатьевскій монастырь.

сердцемъ присутствовалъ около единодушно избраннаго царя, поляки, все еще мечтавшіе видѣть на русскомъ престолѣ своего короля, отыскивали мѣсто пребыванія Михаила Ѳеодоровича, съ тѣмъ, чтобы погубить его. Михаилъ Ѳеодоровичъ жилъ тогда съ матерью инокинею Марѳою Ивановною въ своей Костромской вотчинѣ.

Поляки, узнавъ, что новоизбранный русскій царь живетъ безъ достаточной защиты подъ Костромой, снарядили туда конный отрядъ, чтобы захватить его.

Отрядъ попалъ въ село Домнино; чтобы найти Михаила, поляки вызывали проводника, обѣщая большую

плату. Одинъ изъ крестьянъ села Домнина, принадлежавшій Романовымъ, Иванъ Осиповичъ Сусанинъ догадался о зломъ умыслѣ поляковъ. Онъ незамѣтно для нихъ послалъ вѣсть о грозящей опасности Михаилу Θеодоровичу, успѣвшему удалиться подъ защиту Ипатьевскаго монастыря въ Костромѣ, и взялся быть проводникомъ поляковъ. Пора была зимняя, вечерѣло, наступила вьюга; поляки торопились; Сусанинъ умышленно повелъ ихъ по мѣстамъ трудно проходимымъ; долго ходили они и оказались въ глухомъ лѣсу, въ болотѣ... Поляки, увидѣвъ себя обманутыми, съ угрозами обступили Сусанина. «Ты обма-

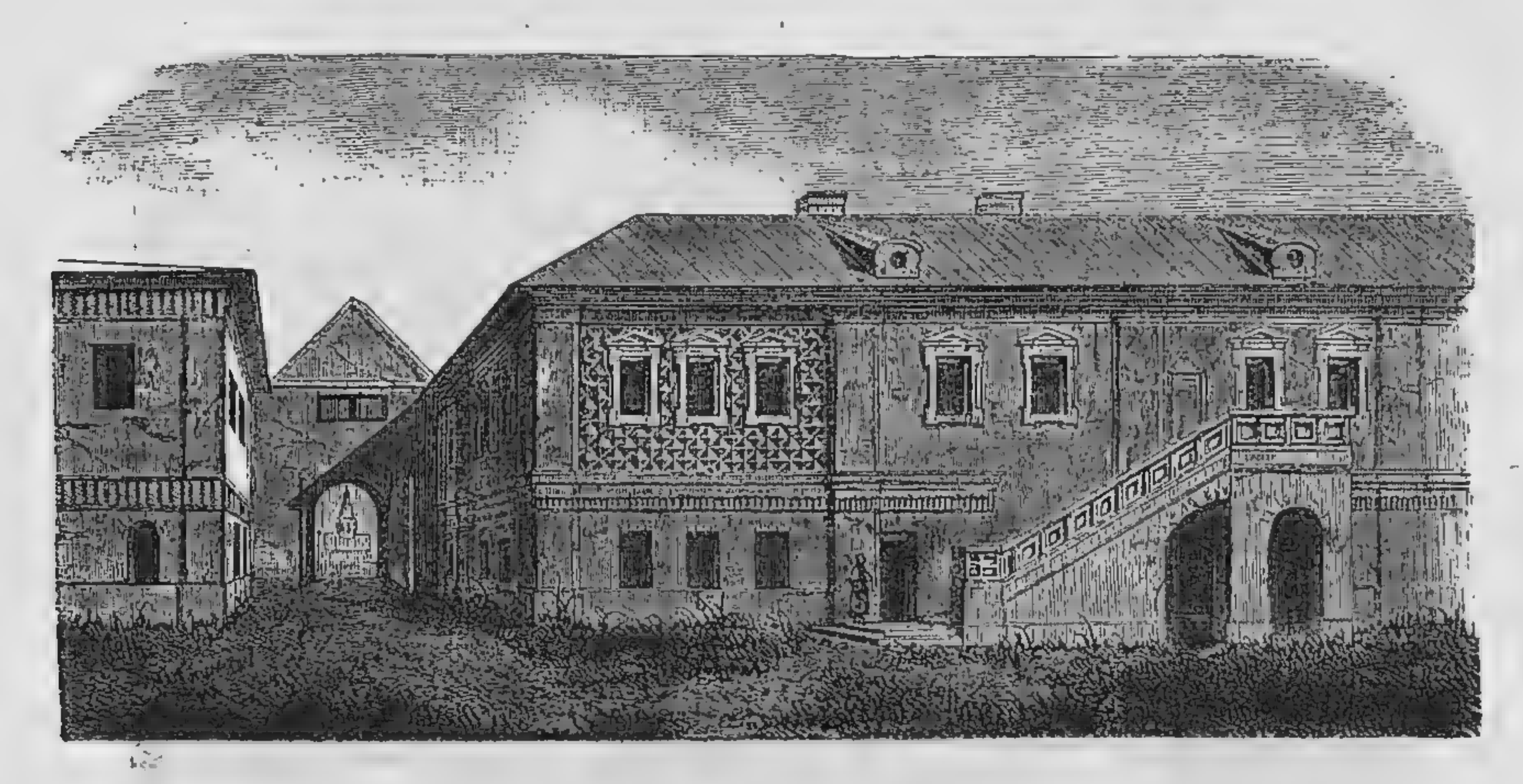

Рис. 28. Палаты царя Михаила Θеодоровича въ Костромскомъ Ипатіевскомъ монастырѣ.

нулъ насъ»—кричали они... «Сами себя обманули вы»,— отвѣтилъ Сусанинъ, «думали вы, что я выдамъ вамъ своего государя; — вотъ голова моя — рубите, но до царя вамъ отсюда не дойти».

Составитель патріотической, любимой всѣми русскими людьми, оперы «Жизнь за Царя» влагаетъ въ уста Сусанина такія трогательныя слова:

Страха не страшусь,
Смерти не боюсь,
Лягу за Царя
И за всю святую Русь...

Сабли поляковъ изрубили въ куски великаго сердцемъ крестьянина Сусанина. И сами они не выбрались

изъ Костромскихъ лѣсовъ,—погибли—кто отъ голода, а кто отъ холода.

Провозгласивъ царемъ юнаго Михаила Θеодоровича Романова, соборъ снарядилъ торжественное и многочис-

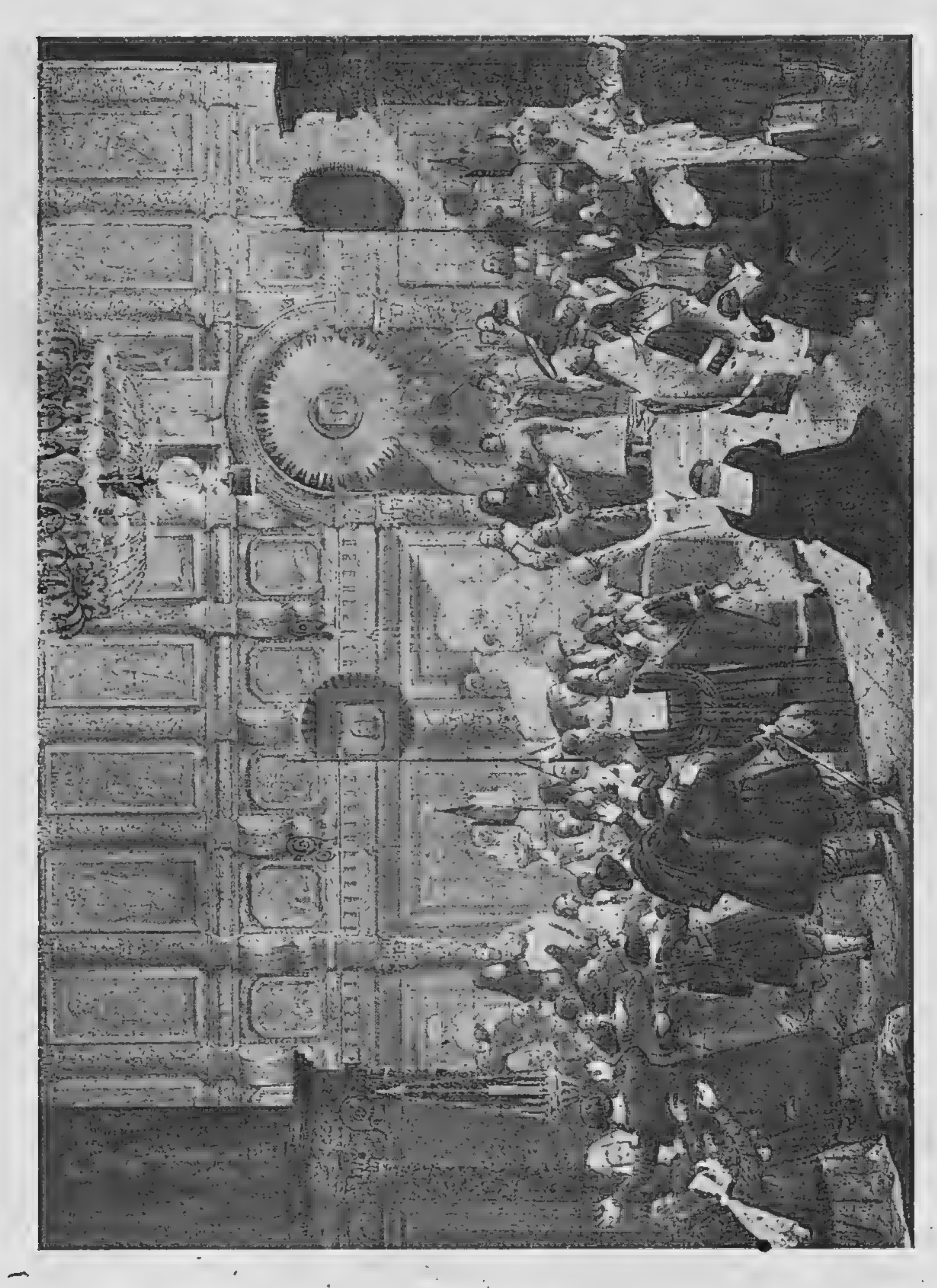

Рис. 29. Воцареніе Дома Романовыхъ. Московское посольство предъ Михаиломъ Θеодоровичемъ.

ленное посольство къ Михаилу Θеодоровичу и его матери-инокинѣ Марѳѣ, находившимся въ то время въ Ипатьевскомъ монастырѣ, въ Костромѣ. Во главѣ этого посольства поставлены частію тѣ же лица, которыя спрашивали на-

родъ на Лобномъ мѣстѣ, а именно архіепископъ Рязанскій Ѳеодоритъ, Новоспасскій архимандритъ Іосифъ, Троицкій келарь Авраамій и др.

13 марта прибыло въ Кострому торжественное Московское посольство. На слѣдующій день, послѣ обѣдни посольство вмѣстѣ съ горожанами двинулось въ Ипатьевскій монастырь, при колокольномъ звонѣ, предшествуемое хоругвями и образами. Послѣ молебна въ соборной церкви послы вручили Михаилу Ѳеодоровичу грамоту объ избраніи его на царство и просили ѣхать въ цар-

Рис. 30. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.

ствующій градъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ отказывался съ плачемъ, говоря, что у него и помышленія не было о такой великой чести. Старица Марѳа говорила, что сынъ ея еще не въ совершенныхъ лѣтахъ и указывала на нестроеніе государства—русскіе люди по грѣхамъ измалодушествовалися. Послы стали усиленно упрашивать Михаила Ѳеодоровича и его мать, чтобы они не презрѣли соборнаго приговора что «нынѣ Московскаго государства люди наказалися и пришли въ соединеніе во всѣхъ городахъ, за христіанскую вѣру хотятъ помереть, Михаила обрали

Рис. 31. Встрѣча царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ патріарха Филарета по возвращеніи изъ польскаго плѣна 14 Іюня 1619 г.

(избрали) всею землею и крестъ цѣловали служить ему, и кровь за него проливать». А чтобы освободить изъ Польши отца его митрополита Филарета соборъ посылаетъ къ королю посольство съ предложеніемъ обмѣнять его на многихъ польскихъ и литовскихъ людей.—Старица Марѳа и Михаилъ Ѳеодоровичъ продолжали отказываться. Тогда архіепископъ Ѳеодоритъ взялъ Ѳеодоровскую икону Божіей Матери, а келарь Авраамій—икону московскихъ митрополитовъ Петра, Алексія и Іоны и вмѣстѣ со всѣмъ народомъ стали «бить челомъ съ великимъ воплемъ и со многимъ слезнымъ рыданіемъ». Челобитье и переговоры продолжались съ трехъ часовъ дня до девяти.—Старица наконецъ согласилась и, поклонясь передъ святыми иконами, благословила сына на государство Россійское. Михаилъ Ѳеодоровичъ принялъ благословеніе и царскій посохъ отъ архіепископа Ѳеодорита.

Послѣ благодарственнаго молебствія было провозглашено многолѣтіе молодому государю.

2 мая 1613 года состоялось прибытіе въ Москву, а 11 іюля совершилось вѣнчаніе на царство Михаила Ѳеодоровича—родоначальника нынѣ благополучно царствующаго Дома Романовыхъ.

* * *

Событія Смутнаго времени произвели на Руси страшную неурядицу.

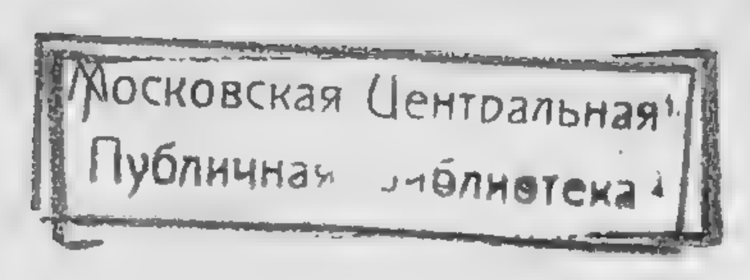
«Но въ искушеньяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ».

(*А. С. Пушкинъ*).

Къ концу царствованія Михаила Ѳеодоровича Россія значительно оправилась отъ ужасовъ смутнаго времени. Тридцать два года царствованія его (1613—1645 г.) были счастливымъ началомъ трехсотлѣтняго правленія его потомковъ, которымъ—въ особенности же его великому внуку—наше отечество обязано настоящимъ міровымъ своимъ могуще-

ствомъ. Расширеніе русскихъ владѣній на востокъ, западъ и югъ, великія реформы внутри государства, ростъ народнаго богатства, просвѣщенія, наконецъ развитіе русской литературы и искусства, проникнутыхъ высокимъ чувствомъ христіанской любви и вѣрой въ будущее русскаго народа, все это совершившееся втеченіи трехсотъ лѣтъ является предметомъ нашей національной гордости.

Пусть же крѣпнетъ и развивается вширь и вглубь русскій народный духъ, почерпая свою силу въ вѣрѣ православной и въ единеніи съ царемъ.

Рисунки: 2, 3, 5, 6, 9, 10, 12, 15, 17—24 и 31 заимствованы, съ разрѣшенія Л. Ф. Марксъ, изъ журнала «Нива».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

